Библіотека Издательства „СЛОВО ИСТИНЫ"

М. Д. ТИМОШЕНКО.

Въ Нарымскій край.

Воспоминанія и впечатлѣнія ссыльнаго.

№ 1.

МОСКВА
Тип. Издат. „СЛОВО ИСТИНЫ", Моховая, 23. Тел. 2-92-98.
1917.

Библіотека Издательства „СЛОВО ИСТИНЫ“

№ 1.

М. Д. ТИМОШЕНКО.

Въ Нарымскій край.

Воспоминанія и впечатлѣнія ссыльнаго.

МОСКВА,
Типографія издательства „СЛОВО ИСТИНЫ“, Моховая, 28.
1917.

ВЪ НАРЫМСКІЙ КРАЙ.

Изъ путевыхъ впечатлѣній М. Д. Тимошенко.

Нарымскій Край—горнило испытаній.
Нависшей тучи грозовой,
Моя душа полна воспоминаній,
Какъ будто вновь стою я предъ тобой.
Нѣтъ! Не забудетъ память вдохновенныхъ,
Въ плѣну проведенныхъ минутъ...
Такъ много словъ и пѣсенъ дерзновенныхъ,
Мнѣ можетъ прошлое вернуть!..

Х. К.

ОТЪ АВТОРА.

Помѣщаемыя ниже путевыя впечатлѣнія и воспоминанія изъ кошмарнаго путешествія по тюрьмамъ въ далекій Нарымскій Край, были написаны въ бытность автора въ ссылкѣ. Тогда объ освобожденіи можно было лишь мечтать, а въ дѣйствительности надъ головой „гласноподнадзорнаго“ всегда была занесена карающая длань царскихъ опричниковъ, жестокихъ и продажныхъ надзирателей. И, понятно, все написанное осторожно

и сдержанно, въ предѣлахъ „возможнаго“, рисуетъ бытъ и переживанія лишенныхъ свободы человѣковъ.

И теперь, имѣя возможность въ болѣе рѣзкихъ формахъ выразить все пережитое, авторъ все же рѣшилъ оставить эти впечатлѣнія въ такомъ видѣ, какъ онѣ вылились въ неволѣ.

Надѣюсь, читатель не осудитъ.

I.

Начало страшной войны.

„Данное время никогда не повторится. Человѣчеству свойственен инстинктъ самосохраненія. Цифры, которыя война послѣ себя оставитъ, будутъ до того громадны, многоразличныя послѣдствія ея будутъ чувствоваться всѣми и вездѣ до того долго и заново возстановить то, что войною похищено, разстроено, унесено, уничтожено разорено, будетъ до того трудно, потребуетъ такого изнуряющаго, мучительнаго и страдательнаго напряженія всѣхъ творческихъ, созидательныхъ силъ, способностей и средствъ человѣчества, что слово „война“ само собою, автоматически вывалится изъ всѣхъ словарей цивилизованныхъ народовъ. Сомнѣнія нѣтъ. Другой такой войны никогда не будетъ!“

Такъ говоритъ современный мыслитель, взирая на то разрушеніе и ужасъ, которые волнами

новаго потопа залили міръ, начиная въ памятный день 20 іюля 1914 года.

Да и правда: давно-ли было то, что было?

Человѣчество было ослѣплено блескомъ цивилизаціи, подавлено количествомъ и качествомъ изобрѣтеній, открытій, усовершенствованій и улучшеній всякаго рода. Оно считало времена варварства навсегда и невозвратно канувшими въ Лету. Нравы казались мягкими и проникнутыми свѣтлымъ гуманизмомъ. Международное право стояло на стражѣ справедливости и благосостоянія. Казалось, миромъ должна была заполниться вся земля. Давно ли было все это и куда исчезло оно?

Поле международной битвы обильно оросилось человѣческой кровію. Война захватила человѣчество нездоровымъ и печальнымъ духовно. Безпощадная борьба за существованіе, ставъ единственнымъ міровымъ закономъ, сдѣлала современнаго человѣка безличнымъ и безвольнымъ рабомъ своимъ. Вопросы желудка погасили въ немъ всякія духовныя потребности, придавили его своею тяжестью. Онъ терялъ вѣру въ себя и не могъ утѣшать себя даже надеждою на лучшее будущее. Желѣзныя скобы закрѣпили весь укладъ его жизни. Свѣтъ Евангелія не проникалъ въ его душу. И наболѣвшая душа современного, безъ вѣры живущаго, человѣка, привѣтствовала войну. Война, казалось ему, должна принести тотъ священный огонь, пламя котораго могло очистить, возродить,

оздоровить жизнь въ немъ и вокругъ него. Такъ ли это будетъ,-покажетъ будущее.

Но печально думать, что, когда въ мірѣ раздастся великое слово мира и успокоенія, то оно будетъ обозначать собой для человѣчества только прекращеніе всѣхъ тѣхъ ужасовъ и несправедливостей, которыми такъ насыщена война, и не внесетъ съ собой поправокъ въ жизнь духовную, нравственную, правовую и матерьяльную. Неужели люди и послѣ войны, претерпѣвъ столько бѣдствій, горя, лишеній, несчастій отъ опрокинутой колесницы ихъ существованія, снова поставятъ на прежнюю высоту общаго божка Мамона и право силы, какъ общій законъ?

Если это будетъ такъ, то всѣ разочарованныя, уставшія души, такъ жаждавшія войны и уцѣлѣвшія отъ нея, должны будутъ завидывать погибшимъ на войнѣ. Ибо они погибли, воодушевленные вѣрою и убѣжденіемъ, что прокладываютъ своими тѣлами дорогу грядущей правдѣ и справедливости. А оставшіеся мечтатели снова увидятъ у руля житейскаго корабля ученыхъ, законовѣдовъ, инженеровъ, техниковъ, изобрѣтателей, финансистовъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, на комъ лежитъ обязанность прокладывать дорогу настоящему въ будущее, дорогу матерьяльнаго благополучія, которое затретъ духовную тропу, какъ было и до войны...

Такія мысли бороздили мою душу, когда я сидѣлъ надъ манифестомъ и вчитывался въ слова: „Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную намъ страну (Сербію), но оградить честь, достоинство и цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные наши подданные. Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри“!

Стояло знойное лѣто. Солнце усердно исполняло свои вѣковыя обязанности, жгло землю, но ему не удалось расплавить свинцовыя тучи, которыя собрались на политическомъ горизонтѣ обезумѣвшей Европы. Грозу почувствовали даже не спеціалисты. Нѣчто страшное, неминуемое ворвалось въ жизнь народовъ послѣ того, какъ былъ убитъ австрійскій наслѣдникъ Францъ-Фердинандъ и Австрія рѣшила послать въ Сербію карательную экспедицію, обвиняя послѣднюю въ убійствѣ наслѣдника. За Сербію вступилась Россія. Тогда Австрія „для охраненія ея достоянія послѣ долгихъ лѣтъ мира должна взятся за мечъ“ и рѣшила выступить противъ Сербіи войной. Ее поддержала Германія. За Россію вступилась Франція, а потомъ и Англія, когда германцы обрушились на Бельгію. И вихрь міровой завертѣлся надолго, увлекая безчисленныя жизни цвѣтущаго

человѣчества, милліарды средствъ и все больше набухая отъ крови и слезъ жгучихъ...

Историки войны разскажутъ намъ потомъ, чего стоила человѣчеству война,—и мы ужаснемся.

Теперь же всѣ жизненные интересы, заботы, волненія и болѣзни сразу отошли на задній планъ. Отцы, матери, дѣти, братья, сестры и жены провожали своихъ родныхъ въ походъ. Скорбныя, заплаканныя лица встрѣчались повсюду. Тревога страхъ и жуть повисли надъ землею! Дѣла и предпріятія сокращались или же совсѣмъ закрывались. Всевозможнымъ слухамъ, новостямъ, разсказамъ не было конца. Всѣ говорили и думали только о войнѣ. Все приносилось въ жертву богу войны.

„Патріотическія“ манифестаціи появлялись тамъ и сямъ. Встрѣчались больше всего небольшія группы подростковъ, несшихъ національные флаги, портреты царя, юнцовъ, обрадовавшихся войнѣ, какъ спорту, которые нескладно пѣли, руководимые какими то подозрительными „молодыми людями“ и властно требовали у встрѣчныхъ:

— Шапки долой!

Но большинство призываемыхъ неодобряло эти шествія и говорило:

— Дѣло нужно дѣлать, а не кричать!

Всѣ сознавали грядущую опасность, слышали, что врагъ выступаетъ во всеоружіи техническаго усовершенствованія и подготовки и чув-

ствовали, что если сплошають, то пощады не будетъ...

Наряду съ призывомъ запасныхъ, ожило и общество, появились общественныя организаціи помощи жертвамъ войны, раненымъ, семьямъ запасныхъ и т. д. и т. д. И—какъ это ни странно, но уже черезъ мѣсяцъ послѣ призыва, волненіе улеглось, острота притупилась, новизна повыдохлась и защитнаго цвѣта мундиры стали обычнымъ достояніемъ улицы. Солдатскія пѣсни—удалыя и печальныя—навѣвали грустныя думы, но, смотря на движущіеся ряды войскъ, шедшіе къ погрузному пункту, думалось:

— А можетъ быть это все и должно быть такъ!..

... И теперь, переходя къ личнымъ переживаніямъ того времени, о чемъ рѣчь будетъ ниже, такъ бы хотѣлъ вѣрить глубоко и основательно, что братоубійственной войны дѣйствительно больше никогда, никогда не будетъ...

II

Баптисты-„измѣнники“.

„Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри“—гласилъ манифестъ царя.

Мы хотѣли вѣрить, что всевозможные „охранители“ и „ревнители“ тоже прекратятъ охоту на русскихъ сектантовъ, которымъ и безъ того жи-

лось несладко, хотя и была провозглошена „свобода совѣсти“. Грубая клевета и злобная ложь неустанно преслѣдовали ихъ, судебные процессы по 73 и 90 ст.ст. „за богохульство и совращеніе“— не прекращались, собранія закрывались и многіе изъ гонимыхъ попадали за рѣшетку.

Съ сектантами велась настойчивая „распря“, насколько успѣшная—это вопросъ другой, но энергіи и старанію противосектантскихъ борцовъ, право, можно было бы пожелать иную область примѣненія „возвращенія на истинный путь заблудшихъ сыновъ матери-церкви“. Но у насъ ужъ такъ заведено: дѣлается не то, что нужно, а то, что нравится.

Памятна была и „распря“ съ евреями. Особенно нашумѣлъ процессъ Бейлеса, показавшій всему міру отсталость неразвитой страны и затхлость возможныхъ у насъ суевѣрій. Одинъ Распутинъ чего стоитъ и гдѣ вы сыщите подобный экземпляръ въ другой странѣ!...

Да и вообще, у насъ было много „распрей“, которыя теперь нужно было бы забыть, вычеркнуть изъ обихода, прекратить навсегда. Это требовали сложившіеся обстоятельства и долгъ каждаго человѣка, сына своей Родины, любящаго ее, болѣющаго ея болѣзнями, скорбящаго ея скорбями и живущаго ея надеждами и ожиданіями.

И хотѣлось вѣрить, что это будетъ такъ.

Но послѣдующія события показали совершенно противоположное и сугубо-печальное.

Въ Одессѣ,—гдѣ жилъ я въ это время,—насчитывалось три общины баптистовъ, одна—евангельскихъ христіанъ, одна христіанъ-евреевъ и одна—адвентистовъ. И изъ всѣхъ общинъ въ ряды войскъ поступило по нѣскольку членовъ. Семьи призванныхъ остались безъ средствъ къ жизни. Требовалась организація помощи семьямъ запасныхъ и вообще предвидѣлось много нужной и неотложной работы. И мы принялись за дѣло...

Но „распря“ съ сектантами оказалась вовсе не забытою и вылилась въ совершенно неожиданную и своеобразную форму, возможную только въ эти дни новорожденнаго чада XX вѣка—всемірной войны.

Какъ то въ холодный сентябрскій воскресный день меня извѣстили взволнованныя и запыхавшіеся сестры—члены общины:

— Во дворѣ нашего собранія полно народа, съ флагами, лентами черезъ плечо, портретомъ государя и дѣтскимъ хоромъ. „Братчики“ говорятъ противъ насъ рѣчи, потомъ поютъ, потомъ опять говорятъ...

Ясно было, что это патріотическая манифестація, но зачѣмъ она попала во дворъ нашей молитвенной залы и откуда вышло все это?.. У воротъ толпились братья и сестры, слышались не-

доумѣвающіе вопросы; а со двора неслось пѣніе „Царю Небесный“. Вожакъ этой оригинальной демонстраціи, извѣстный одесскимъ вѣрующимъ, „ревнитель православія“ Казанцевъ, съ широкой національной лентой черезъ плечо, ораторствовалъ:

— Братья и сестры, православные христіане,— старался онъ перекричать шумливую толпу, на половину состоявшую изъ женщинъ и дѣтей, и прибѣжавшихъ на шумъ евреевъ,—вы знаете, что мы ведемъ войну съ антихристомъ Вильгельмомъ германскимъ! А мы дожны сказать, что всѣ баптисты, евангельскіе христіане, адвентисты и прочіе отступники отъ вѣры истинной православной, которые собираются вотъ въ этой залѣ, всѣ они враги наши, ибо они нѣмецкой вѣры! Они измѣнники!.. Потому что они собираютъ деньги для своего Вильгельма, молятся за него. А почему мы это знаемъ? А потому, что они попираютъ нашу истинную, православную, каѳолическую церковь, потому что...

Далѣе на головы баптистовъ и прочихъ „измѣнниковъ“ сыпались старыя обвиненія въ поношеніи иконъ, поруганіи креста, оскверненіи святынь, мощей, отверженіи апостольскаго священства, которое только у православныхъ истинное, извращеніи таинствъ крещенія и причащенія и такъ далѣе и такъ далѣе. „Рогъ обилія“ обвиненій казался неизсякаемымъ...

— Слово Божіе у нихъ читаетъ всякій дворникъ, всѣ они сидятъ, какъ въ театрѣ или какъ нѣмцы въ киркѣ, а молятся они, уткнувшись носами въ руки... Это волки въ овечьей шкурѣ и вы, братья, не вѣрьте имъ, не ходите къ нимъ...

И когда исчерпывались всѣ запасы краснорѣчія, ораторъ заставлялъ продрогшихъ дѣтей пѣть и затѣмъ выступалъ слѣдующій „ревнитель" и повторялъ уже сказанное.

— А почему? А потому что...—и слѣдовалъ какой-либо новый „фактъ", подтверждающій измѣну „продажныхъ" сектантовъ.

Прохожіе заходили во дворъ, слушали, пожимали плечами и уходили. Прозябшія дѣтишки-пѣвчіе порывались тоже уйти, но главари зорко слѣдили за ними и не пускали.

— Тутъ погромомъ пахнетъ,—произнесъ какой-то еврей, выходя изъ воротъ.

Всѣ эти рѣчи и необычная обстановка казались мимолетнымъ сномъ, навѣяннымъ тревогой и скорбями печальныхъ дней міровой разрухи. Невѣроятнымъ казался этотъ призывъ къ погрому „еретиковъ" и „измѣнниковъ", которые въ дѣйствительности тысячами заполнили ряды арміи и съ другими дѣлили тяготы и опасности войны, жертвовали своею жизнію и раненые мучились на лазаретныхъ койкахъ. Безсмысленнымъ казался этотъ бредъ слѣпого фанатизма и ненависти, и мысль уносилась къ кострамъ и застѣнкамъ инквизиціи,

истребленію невинныхъ гугенотовъ въ Вареоломеевскую ночь и другимъ мученикамъ за вѣру. Исторія вѣдь повторяется...

Вечернее собраніе наше прошло съ большимъ подъемомъ духа; много молились, много пѣли.

— Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте,—провозглашала Вѣчная книга и мы сложили у ногъ Отца всѣ наши заботы.

Чрезъ окна въ залу врывались со двора отдѣльныя фразы глашатаевъ распри и носились надъ склонившимися головами, какъ черные вороны, вѣстники грядущей бѣды...

Черезъ двѣ недѣли та же группа религіозныхъ манифестантовъ въ томъ же порядкѣ появилась во дворѣ моей квартиры. И снова пришлось удивиться новизнѣ такого вниманія и чести.

На воротахъ полицейскій надзиратель заставилъ дворника прибить объявленіе, которое гласило: „Въ 2 часа дня въ этомъ дворѣ противосектантскій миссіонеръ Казанцевъ проведетъ бесѣду съ разрѣшенія духовныхъ и свѣтскихъ властей".

Туманно и странно, какъ странна вся эта исторія. Ни подписи, ни указаній, кто именно разрѣшилъ эту бесѣду, не было. И почему во дворѣ? Но — разсужденія тутъ неумѣстны, ибо полиція освѣдомлена, значитъ, разрѣшеніе дано.

Послѣ двухъ часовъ тѣ же флаги и знамена съ пѣніемъ и шумомъ заполнили нашъ тихій дво-

рикъ. Изумленные жильцы выглядывали въ окна и, не зная сути такого нашествія, терялись въ догадкахъ. А рѣчи лились обильнымъ потокомъ и имя мое трепалось, какъ тряпка на бурномъ вѣтрѣ. Чрезъ оконную форточку слышна была „повѣсть“ „порочной, грѣховной и грязной“ жизни проповѣдниковъ баптистскихъ, въ томъ числѣ и моя. Всѣ смертные грѣхи удостоились упоминанія, а главный изъ нихъ былъ: нѣмецкая вѣра! И, слушая перваго оратора, хотѣлось сказать:

— Будь это правда—мало повѣсить!

Хоръ спѣлъ „Достойно есть“ и новыя краски обличенія сгустили и до того уже неприглядный обликъ нашъ. Становилось страшно слушать, какіе злодѣи могутъ быть терпимы на бѣломъ свѣтѣ!

— Будь все это правда,—мало повѣсить, а нужно сжечь и пепелъ пустить по водѣ!—такое рѣшеніе должно было созрѣть въ головѣ благомыслящаго мужа.

Сидѣлъ я въ углу, слушалъ и сердце мое сжималось, тѣсно ему было въ груди, рвалось оно ввысь и молило:

— Боже! Боже, что дѣлаютъ люди! Какая власть у сатаны, сколько зла и неправды! Долго ли ты будешь еще терпѣть имъ?..

„Братчики“ шумѣли до вечера...

Вскорѣ полиція потребовала отъ насъ подписку, чтобы воспретить доступъ на собранія сол-

датамъ въ формѣ. Объясненіе, что запрещеніе воинскимъ чинамъ участвовать въ собраніяхъ безъ разрѣшенія ихъ начальства предусмотрѣно 12 ст. зак. 4 марта 1900 г., но согласно 3 п. 22 ст. того же закона дѣйствіе правилъ о публичныхъ собраніяхъ не распространяется на религіозныя либо молитвенныя собранія,—не помогло. Указали, что насъ уже привлекали къ отвѣтственности за допущеніе нижнихъ чиновъ и мировой судья дѣло прекратилъ за ненахожденіемъ состава преступленія.

— Меня это не касается, я только предупреждаю,—замѣтилъ полицейскій чинъ и ушелъ.

На собранія былъ посланъ городовой, который и преграждалъ дорогу братьямъ-солдатамъ Положеніе создавалось скорбное. Тогда В. Г. Павловъ и я составили прошеніе и явились къ генералъ-губернатору Эбѣлову, которому лично и изложили просьбу, не лишать нашихъ братьевъ солдатъ возможности молиться въ своемъ собраніи какъ этимъ правомъ пользуются евреи, караимы, мусульмане, католики и пр.

— Хорошо, мы разсмотримъ,— отвѣтилъ генералъ.

Черезъ недѣлю послѣдовалъ отказъ, безъ объясненія причинъ.

А событія все наростали. Въ собраніи баптистовъ на Херсонской улицѣ эти же „братчики“

устроили скандалъ. Во время исполненія народнаго гимна, „ревнитель“ Мельниковъ не пожелалъ встать. Ему сдѣлали замѣчаніе и, онъ закричалъ въ отвѣтъ:

— Не желаю вставать въ собраніи „нѣмцевъ“.

Попробовали его вывести, но онъ упалъ на полъ и завопилъ: „Караулъ! Бьютъ!“

Позвали городового и въ результатѣ—участокъ и протоколъ, но не на скандалиста Мельникова, а на пришедшихъ съ нимъ братьевъ. Такъ пожелалось надзирателю.

Въ Нерубайскѣ, въ 10 верстахъ отъ Одессы, на богослуженіе прибыли все тѣ-же „распреносцы“ и выкрикивали свою брань, пока вѣрующіе не разошлись.

И вскорѣ, посѣтившая нашъ дворъ манифестація, удостоила своимъ „вниманіемъ и честью“ дворы проповѣдника евангельскихъ—христіанъ Ѳ. И. Бѣлоусова и члена той же общины М. М. Албулова, и повторили знакомый уже намъ обрядъ навѣта и лжи.

Организаторы гугенотскаго погрома въ Парижѣ въ ночь св. Варѳаламея отмѣчали дома намѣченныхъ жертвъ мѣловымъ крестомъ. Ну, а у насъ...

Кстати, два слова о „братчикахъ“. Среди образовавшагося въ Одессѣ кружка „ревнителей православія“, во главѣ съ епархіальнымъ миссіонеромъ Кальневымъ и „по благословенію“ кого слѣ-

дуетъ, особенно выдѣлялись нѣкоторые неблагочестивые „братчики“, какъ упомянутые Казанцевъ, Мельниковъ и другіе. Во всѣхъ выступленіяхъ противъ сектантовъ они являлись „застрѣльщиками“. Работы было много: производить скандалы на собраніяхъ, посѣщать на дому новообращенныхъ вѣрующихъ и всячески запугивать ихъ, ловить на улицахъ сектантовъ, распространяющихъ свою крамольную литературу, сопровождать погребальныя процессіи ихъ и, гдѣ можно, произносить свои рѣчи, выступать на судебныхъ процессахъ сектантскихъ проповѣдниковъ въ качествѣ свидѣтелей обвиненія и т. д.—такова программа этихъ дѣятелей. Теперь еще добавились эти „манифестаціи“. Ревности, нахальства, дерзости и своеобразнаго фанатизма—хоть отбавляй. Увѣщаніе у нихъ выливалось въ насмѣшку, издѣвательство и ругань... Но о нихъ болѣе подробно, какъ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Отмѣтить же ихъ необходимо, ибо исключительно благодаря старанію господъ „братчиковъ“ иже съ ними въ народную массу зміей поползла клевета: „баптисты-измѣнники“ и только по ихъ доносу многіе изъ сектантовъ познакомились съ тюрьмой и Нарымскимъ Краемъ, собранія были закрыты и общины снова загнаны въ катакомбы. Какъ то одинъ изъ миссіонеровъ господствующаго исповѣданія писалъ въ своемъ журналѣ: „Полицейскіе мѣры и пріемы—не наши мѣры“. Но

этотъ призывъ къ чистоплотности въ духовной борьбѣ былъ—единымъ гласомъ въ пустынѣ. Своекорыстные же наемные „ревнители“ охотнѣе прибѣгали къ плотскому мечу и огню. Много хорошаго у насъ красовалось на бумагѣ: „свобода совѣсти“, свобода собраній и т. д., но быть россійскаго гражданина чернѣлъ пятномъ вѣковымъ: „держи и не пущай!“ до послѣднихъ дней...

Еще до начала войны я задумалъ изданіе отрывного календаря „Вѣстникъ мира“, но міровой буранъ смелъ и это предпріятіе, какъ и многое другое въ жизни. Требовались первые оттиски предоставить въ военную цензуру „на предметъ полученія разрѣшенія печатать“. Послали и вдругъ—рѣшительный отказъ. И на всѣ мои доводы, что изданіе безпартійное, духовно-нравственное, содержитъ лишь изъясненіе на тексты Св. Писанія и пр. слѣдовалъ упорный отвѣтъ:

— Не могу, не могу, не могу!..

Пришлось ѣхать въ Петроградъ и тамъ цензура безпрепятственно разрѣшила печатаніе этого „крамольника“. Но непредвидѣнныя обстоятельства, упущенное время и пр. причины заставили отложить изданіе календаря до болѣе благопріятнаго времени.

Болѣе трехъ недѣль вращался я въ оживленной атмосферѣ духовной работы „Дома Евангелія“ и другихъ собраній, участвовалъ въ благо-

вѣстіи и хотя мои друзья предлагали еще оставаться, но меня потянуло домой, къ семьѣ, къ работѣ...

Сердце было полно радужныхъ надеждъ, голова—новыхъ плановъ и казалось, что поѣздъ ползетъ черепашьимъ шагомъ. Но въ Книгѣ судебъ открывалась уже новая страница...

Счастье въ этомъ или несчастье—что мы не знаемъ будущаго? Ахъ, если бы знать, гдѣ упадешь! Грядущіе дни—тайна для богача и нищаго, старца и юноши, мудраго и убогаго. Завѣса будущаго ревниво охраняетъ свои сокровища отъ взора любопытныхъ. Назначеніе дней—пріобрѣтать сердце мудрое и человѣкъ живетъ для будущаго, хотя оно и скрыто отъ него.

Минутный призракъ—жизнь земная,
И блескъ и шумъ ея—обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая,
И смыслъ божественный ей данъ...
О, воспитай въ себѣ умѣнье,
Въ пучинѣ призраковъ и лжи,
Провидѣть истины явленья
Очами зоркими души...

III

Насъ было девять.

Еще въ первую недѣлю войны „по независящимъ обстоятельствамъ" пріостановилось изданіе журнала „Слово Истины" на 48-мъ номерѣ.

И, по возвращеніи подъ родную крышу, я, совмѣстно съ друзьями, прилежно принялся за работу возобновленія изданія уснувшаго дѣтища...

То было въ ночь на 6 декабря 1914 года. Дѣловая корреспонденція уже подходила къ концу и я трудился надъ послѣднимъ письмомъ, предвкушая сладкій покой желаннаго отдыха, какъ вдругъ сонную тишину нарушилъ звонокъ.

— Что за поздній гость?—хотѣлъ спросить.

Но въ полумракѣ дверей уже обрисовалась форменная шинель участковаго надзирателя. По общиннымъ дѣламъ иногда чины полиціи навѣщали меня и этотъ поздній гость не возбудилъ тревоги.

Предложилъ ему сѣсть.

— Вы будете Тимошенко?—спросилъ онъ.

— Да, но на что это вамъ?—недоумѣвалъ я.

Онъ развернулъ какой-то таинственный листокъ и произнесъ смущенно:

— Вы—арестованы.

Чѣмъ то страннымъ, чуждымъ дохнуло на меня.

— Вотъ такъ новость! Но за что-же?

— По распоряженію генералъ-губернатора.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что надзиратель и самъ не знаетъ причины ареста и даже спросилъ:

— Не чувствуете ли вы чего за собой.?

Совѣсть моя была чиста, какъ выпавшій сегодня снѣгъ и спокойна, какъ спавшій въ своей кроваткѣ мой сынокъ.

— Это недоразумѣніе какое то и все скоро выяснится,—старался я успокоить заволновавшуюся жену и сразу какъ то почувствовалъ, что однимъ свободнымъ гражданиномъ стало меньше на Божьемъ свѣтѣ.

— Собирайтесь въ участокъ,—предложилъ надзиратель.

Сборы были недолгіе: переодѣлся, опустошилъ карманы, простился съ семьей, еще разъ окинулъ взоромъ уютную обстановку семейнаго гнѣздышка, что то сказалъ женѣ и вышелъ... Стукъ двери заглушилъ рыданія жены.

На пустынной улицѣ надзиратель свисткомъ позвалъ городового, отрывисто приказалъ „отведи!“ и скрылся во мглѣ.

Вслѣдъ за мной въ грязную, прокопченную табакомъ участковую контору взошелъ и братъ К. И. Филиповичъ. Взглянулъ я на него и мнѣ стало ясно все. Вотъ они, скорые плоды послѣднихъ манифестацій! На столѣ лежалъ приказъ объ арестѣ послѣ 12 часовъ ночи (?) на 6 декабря такихъ то и такихъ проповѣдниковъ. Сосчиталъ: административная длань простиралась на двѣнадцать душъ.

Однажды въ бесѣдѣ о положеніи вѣрующихъ на Руси, я высказалъ предположеніе, что въ одну

изъ ночей всѣ проповѣдники Евангелія отъ Владивостока до Батума могутъ быть схвачены и высланы въ глушь Сибири. Теперь сіе осуществлялось пока надъ нами. Впрочемъ, о другихъ братьяхъ ничего еще неизвѣстно. Страна же наша велика и обширна, и если въ ней со дней Рюрика нѣтъ порядка, то это еще не можетъ служить помѣхой явленіямъ возможнымъ и невозможнымъ.

Прошло полчаса и за тяжелой, обитой желѣзомъ, дверью узкой камеры, мы расположились на деревянномъ полу. Старикъ-еврей, запертый сюда на мѣсяцъ за какія то неправды въ торговлѣ, подвинулся къ стѣнѣ. Захваченное мною одѣяло и подушка въ содружествѣ съ верхней одеждой были удобно разложены въ углу и наши усталыя головы склонились на покой. Нѣкоторыя изреченія Слова Божія благодатной росой коснулись взволнованныхъ сердецъ и молитва вѣры и благодарности излилась изъ нихъ.

— Съ этой ночи начинается новая эра нашей жизни,—замѣтилъ я.—Но Господь сказалъ: „Се, Я съ вами во всѣ дни, до скончанія вѣка!“

Еврей удивленно слѣдилъ за нами и наконецъ произнесъ:

— Ой, ужъ я не ошибусь, господа, если скажу, что вы неправославные! И зачѣмъ васъ пригнали до участка?

Получивъ желаемый отвѣтъ, онъ добавилъ:

— Ужъ я вижу, что вы опытные, потому что даже принесли одѣяло и подушку.

— Да, опытъ имѣется,—смѣялся я.

Вскорѣ сонъ унесъ насъ за стѣны узилища, ибо завѣтъ царя Давида оставался вѣрнымъ: „Возлюбленному Своему Господь даетъ сонъ“!..

Часовъ въ пять утра мы вернулись къ дѣйствительности и одна мысль сверлила сознаніе:

— Что день грядущій намъ готовитъ?

Ключникъ, здоровенный малый, открылъ всѣ камеры и душъ двадцать заключенныхъ слонялись по коридору. При тускломъ мерцаніи небольшой лампы всѣ походили на призраки волшебнаго необитаемаго замка. Но крѣпкая русская ругань облекала эти тѣни въ плоть и кровь, и вблизи виднѣлись изможденныя лица, истрепанныя одежды, озабоченные или озлобленные взоры. Нужда и порокъ властвовали надъ ними.

Наша камера, „для срочныхъ“, оказалась самой чистой. Рядомъ были предназначенныя „для пьяныхъ“, „для женщинъ“, „для дѣтей“ и „для пересыльныхъ“.

Говорили больше о войнѣ, которая и сюда протянула свои щупальцы. Положимъ, участокъ и тюрьма—ближайшіе родственники войны! Не будь ея и мы не вѣдали бы сихъ мѣстъ.

Въ углу съ ноги на ногу переступалъ ветхій днями еврей въ рубищахъ похуже, чѣмъ были у его праотца Іова, съ воспаленными глазами,

взятый за нищенство. Ему грозила высылка, если онъ не укажетъ адресъ кого-либо изъ родственниковъ, кто могъ бы взять его къ себѣ. И бѣдный старикъ не могъ вспомнить такого благодѣтеля. Теперь же въ его памяти воскресло имя племянника и онъ твердилъ:

— Ицекъ Блюмбергъ на Колонтаевской улицѣ, Ицекъ Блюмбергъ, Ицекъ...

Жаль было смотрѣть на ухватившагося за соломинку бездомнаго старца. Сколько такихъ нищихъ встрѣчается на улицѣ ежедневно, но тамъ они какъ то стушевываются въ общей сутолокѣ. Здѣсь же особенно выдѣлялся весь ужасъ нищеты, горя и паденія...

Въ канцеляріи знакомый мнѣ помощникъ пристава провѣрялъ списки заключенныхъ. Прочитавъ мою фамилію, онъ мелькомъ взглянулъ, промычалъ что-то и сдѣлалъ видъ, что не узналъ меня.

— На свѣтѣ все бываетъ,—замѣтилъ я громко.

Онъ промолчалъ. А за два дня до ареста просилъ меня не забыть „поздравить" его съ праздникомъ Рождества Христова.

Остальная часть дня тянулась скучно и однообразно. Удручала неопредѣленность положенія и буйная фантазія уже рисовала картину неожиданнаго освобожденія. Вспоминалась семья, община, хотѣлось знать, арестованы ли всѣ намѣченныя жертвы, или, можетъ быть, кто ускользнулъ?

Раза три устраивали чаепитіе за деньги. Еврей-торговецъ ухаживалъ за нами и былъ радъ разнообразію. Днемъ его навѣстила старушка-жена и черезъ нее я послалъ къ своимъ записку. Вечеромъ насъ вписали въ сопроводительные листы. Болото засасывало постепенно, но послѣдовательно и вѣрно. Вотъ мои примѣты: „30 лѣтъ, ростъ 2 аршина 7½ вершковъ, волосы на головѣ и бровяхъ русые, глаза сѣрые, носъ, ротъ и подбородокъ—обыкновенные, лицо чистое, особыхъ примѣтъ нѣтъ“. Попробуйте меня отыскать по этимъ примѣтамъ!... Теперъ предстоялъ переходъ въ тюрьму, а тамъ по этапу въ Томскую губернію. Крестный путь опредѣлялся и руки тянулись къ небу за помощью: Господи, только не ослабѣть бы и не пасть духомъ! Пребудь Ты съ нами!..

Теплое, солнечное, воскресное утро 7 декабря, привѣтствовало яркимъ сіяніемъ нашъ выходъ изъ сѣраго, мрачнаго застѣнка. И особенно радостнымъ показалось южное голубое небо, когда у воротъ я замѣтилъ свою жену и братьевъ Сиренко и Королькова.

— Я вижу свою жену,—встрепенулся я.

— А я вижу *свою*,—подчеркнулъ бр. Филиповичъ и мы улыбнулись невольному эгоизму даже и въ скорби.

Въ сопровожденіи городовыхъ, наша группа медленно приближалась къ жилищу отверженныхъ. Хотѣлось многое сказать и—ограничива-

лись отрывочными фразами. Шумная суета улицы бѣжала мимо насъ, а мы, вдыхая бодрящій воздухъ, радовались хотя мимолетному общенію.

Но вотъ и тюремныя масивныя врата, такъ грозно хранящія скрытыя за ними сокровища. Толстенный привратникъ распахнулъ калитку и, неожиданно-добродушно улыубясь, впустилъ насъ. Эта улыбка накопленнаго сала въ личинѣ человѣка точно смѣялась надъ волненіемъ входящихъ и убѣждала: все, дескать, суета-суетъ! Да и чего ему ни улыбаться: здоровъ, веселъ, привыкъ сотнями и тысячами номеровъ пропускать туда и сюда безличныхъ, безъименныхъ арестантовъ, и слѣдилъ только, чтобы не ошибиться въ числѣ, записывая на воротахъ мѣломъ количество содержимыхъ... Въ щель воротъ мы еще разъ взглянули на любимыя лица, улыбнулись на прощаніе и направились за надзирателемъ. Кому въ этотъ моментъ было лучше: имъ ли на свободѣ, или намъ, входящимъ въ новыя двери? Возможно, что и намъ, когда при быстрой смѣнѣ новыхъ лицъ и впечалѣній, не было возможности сосредоточиться, а тамъ, за холоднымъ желѣзомъ дверей, они остались съ одной тяжелой думой, съ однимъ горькимъ чувствомъ разлуки. Ихъ слезы были на глазахъ, наши—въ груди, ихъ скорбь—вслѣдъ за нами, наша—впереди насъ...

Въ „пріемномъ покоѣ“ первоклассной въ Россіи тюрьмы стояли уже братья-узники: И. Ф. Лю-

бекъ, Ф. И. Бѣлоусовъ, Л. П. Назаренко, Х. И. Кравченко, М. М. Албуловъ, И. Горѣликъ и И. Жакъ. Не досчитывалось еще троихъ, которые отсутствовали изъ города и поэтому не удостоились съ нами выпить предназначенную чашу.

Первый привѣтъ „мертваго дома"—тщательный обыскъ. Грубыя, но ловкія, привычныя руки коснулись головы и быстро сползли до ногъ. Обыскъ—знакъ грубой силы, требующій безпрекословнаго себѣ подчиненія, и насъ,—„царей и священниковъ Бога Живаго", превращали въ безправныхъ рабовъ создавшагося положенія, прятали въ кладовую „мертвецовъ". Чтобы ускорить обыскъ, мы сами усердно выворачивали карманы и весь позоръ унизительнаго насилія старались превратить въ должное, законное для всѣхъ смертныхъ. Тутъ не считались съ нашими убѣжденіями, а слѣдили лишь за цѣлостію тѣла, сопровождаемаго кускомъ бумаги.

Но всему бываетъ конецъ. И, приведя въ порядокъ вещи, мы подали другъ другу руки и поцѣлуемъ закрѣпили нашъ союзъ на долгій тернистый путь до неизвѣстнаго Нарымскаго Края.

Черезъ дворъ насъ провели въ отдѣльный пересыльный корпусъ. По каменной лѣстницѣ, съ желѣзными перилами, натертыми керосиномъ, мы поднялись во второй этажъ и вошли въ переполненную камеру. Кое-какъ размѣстились на нарахъ, разоблачились и, присматриваясь къ заключен-

нымъ, дѣлились событіями послѣднихъ дней. Арестъ нѣкоторыхъ братьевъ прошелъ при особой „таинственности“, что немало смутило ихъ. Такъ, Ф. Бѣлоусова пригласили въ участокъ по какому то дѣлу общины. И это — въ одинадцать часовъ ночи! Удивленіе его такой поспѣшности объяснилось, когда стопы его были направлены за рѣшетчатую дверь. И объявлялъ суть дѣла дежурный надзиратель ему какъ-то смущенно, точно оправдывался: „Мы, молъ, и сами не понимаемъ, что у насъ творится, но, знаете, служба“... Л. Назаренко знакомый ему надзиратель вызвалъ на улицу „на пару словъ“ и когда тотъ поспѣшилъ, полагая узнать что-либо по хозяйственной части, вдругъ услышалъ грозное:

— Пожалуйте въ участокъ!

И не позволило начальство проститься съ семьею и взять нужныя вещи. А какой еще былъ знакомый хорошій! Албулова нарядъ полиціи въ пять человѣкъ засталъ въ горячей ваннѣ и околоточный ходилъ за нимъ по пятамъ, пока тотъ ни собрался. Этотъ же околоточный когда то жилъ въ домѣ Албулова, ушелъ — не заплативъ, и теперь охотно отправлялъ бывшаго хозяина въ неволю. Всѣ остальные изъ теплой постели переселились досыпать ночь на грязный полъ безплатной квартиры.

Прелести путешествія этапнымъ порядкомъ заставляютъ ворчать даже закаленныхъ въ тюрем-

номъ режимѣ каторжанъ, которые находятъ. что этапъ—хуже каторги. Только вкусившіе этого блюда, знаютъ его сладость и отвращеніемъ искажаются лица вспоминающихъ о немъ. Можно сказать: кто въ этапѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ! Этапъ имѣетъ два лица, двѣ стороны. И „погребенные“ ненавидятъ этапъ и ждутъ его съ большимъ нетерпѣніемъ. Тяжело и нудно ждать очереди въ этапѣ и не замѣчаешь трудностей, когда двинешься впередъ къ желанной свободѣ... И мы крѣпко задумались о томъ: хорошо было бы избѣжать этапа! Это возможно при разрѣшеніи ѣхать до мѣста назначенія съ проходнымъ свидѣтельствомъ на свой счетъ. Мы знали, что наши жены и близкіе стучатъ во всѣ двери власть-имѣющихъ, но знали также, что рѣшеніе въ рукѣ Безначальнаго. Все-таки мы тутъ же составили прошеніе о выѣздѣ на свой счетъ и подали чрезъ надзирателя.

Заключенные принесли большой чанъ съ жидкой кашицей—„кандеромъ“. Новички среди насъ отвѣдали сего питанія и отложили ложки,—показалось невкусно. Остальные ѣли поневолѣ, подчиняясь требованію желудка. Одинъ же нѣмой парень изумилъ всѣхъ своимъ аппетитомъ. Поставивъ большую деревянную чашку межъ ногъ, онъ быстро проглотилъ содержимое, потомъ добавилъ еще столько же. Прожорливость была рекордная...

Десятки голодныхъ глазъ слѣдили за работой нашихъ челюстей во время братской трапезы, и возможное было удѣлено неимущимъ и слабымъ. Въ мирной бесѣдѣ проходили часы. Росчеркъ генералъ-губернаторскаго пера слилъ вмѣстѣ представителей трехъ союзовъ: баптистовъ, евангельскихъ-христіанъ и адвентистовъ (И. Горѣликъ и И. Жакъ). Военная рука рубитъ съ плеча и тонкости догматическаго разъединенія ея не касаются; всѣ—крамольники—и больше ничего! Почти всѣ мы оказались мужи видные собой, мускулистые, рослые, а Назаренко особо выдѣлялся своимъ геркулесовымъ сложеніемъ. И, какъ потомъ открылось, сія „доброкачественность“ и внушительность весьма пригодились намъ въ средѣ, гдѣ уважается лишь грубая сила, хотя мы повсюду несли пальму мира и человѣколюбія.

Окна камеры выходили на пустынный дворъ, виднѣлся только часовой со штыкомъ, но мысли и чувства уносились далеко, въ кругъ братьевъ и сестеръ по вѣрѣ, которые въ эти часы собрались для молитвы. И сердце вторило имъ, молило о силѣ и бодрости духа для всѣхъ въ это ненастье войны. Невольно появлялся вопросъ:

— Долго ли протянется эта разлука?

Но надзиратель прервалъ нить мыслей; вызвалъ на свиданіе. Большая комната раздѣлялась на-двое двумя рѣшетками съ небольшимъ пространствомъ посрединѣ. За второй рѣшеткой вид-

нѣлась толпа женщинъ. Пройдя рядъ поперечныхъ перегородокъ, я, наконецъ, въ одномъ концѣ, затянутомъ желѣзной сѣткой, замѣтилъ лицо моей жены. За десять минутъ свиданія всѣ спѣшили сказать продуманное за много дней и подымался невообразимый трескъ голосовъ. Каждый старался перекричать другого, всѣ другъ другу мѣшали и взволновано припадали къ рѣшеткѣ. Попытался было и я передать кое-что моей женѣ, но, не разслышавъ отвѣта, махнулъ рукой, стоялъ и смотрѣлъ... Такъ хотѣлось ободрить ее, а у самого на груди лежалъ камень, хотѣлось внушить, чтобы осушила слезы, и—сердце рыдало, хотѣлось сказать слово ласки и утѣшенія, и—не было словъ. Всемогущество грѣха ужасомъ давило душу. И, смотря на окружающихъ, хотѣлось кричать отъ боли, а мы молчали, улыбались поблѣднѣвшими губами и отворачивались, чтобы смахнуть непрошенную слезу. Близкіе духомъ, мы были отдѣлены желѣзомъ на долгое время, чтобы пройти школу переплавляющаго и очищающаго огня. Въ концѣ я все-таки узналъ, что двери облегченія нашей участи всюду оказались закрытыми. Да будетъ воля Божія!.. Раздался звонокъ, прекращающій это тягостное свиданіе.

— Не унывай, а надѣйся на Господа! Передай всей церкви привѣтъ. Поцѣлуй Толичку! Прощай!—крикнулъ я и по лицу жены замѣтивъ, что она услышала, вышелъ въ коридоръ.

Голубое небо затянулось молочнаго цвѣта покровомъ, солнце уже не сіяло ярко; холодный воздухъ скоро освѣжилъ мою голову и вернулся я къ своимъ спокойнымъ.

Покраснѣвшіе и влажные глаза другихъ братьевъ свидѣтельствовали о томъ, что во время свиданія, духъ ихъ былъ уязвленъ тѣми же переживаніями, что и мой. Да и послѣ многіе еще не скоро успокоились.

Среди заключенныхъ своими странностями выдѣлялся одинъ пожилой латышъ. Былъ онъ когда-то капитаномъ на пароходѣ, но „тронулся умомъ“, опустился и теперь въ опоркахъ на—босу ногу и лохмотьяхъ по этапу препровождался на родину. Скучающіе этапники, какъ малыя дѣти, дразнили его и хохотали надъ его выходками до упаду. Была у него страсть одѣвать чужія вещи, одѣнетъ незамѣтно, скреститъ руки, а потомъ нѣсколько человѣкъ не могутъ снять. Нѣсколько разъ въ день онъ мылъ себѣ ноги и какъ-то, кончая обѣдъ, вымылъ ихъ въ тюремномъ „супѣ“, да и выхлебалъ всю бурду. Деньги для его чрева не имѣли цѣнности и, отказываясь въ пути отъ назначенныхъ десяти копѣекъ кормовыхъ, онъ упорно твердилъ: —Не надо денегъ, хлэба дай!

И всегда больше другихъ получалъ просимаго. Голосъ его слышался только въ связи съ „хлэбомъ“, остальное же время—молчалъ. Получивъ отъ насъ бѣлый хлѣбъ, онъ забился въ

уголъ и, отмахиваясь отъ пристававшихъ къ нему арестантовъ, быстро отправилъ подарокъ въ желудокъ...

Наступилъ вечеръ. Уставшіе нервы жаждали отдыха и грядущій покой—былъ желаннымъ гостемъ. Очередный этапъ предстоялъ только въ среду и за эти дни можно было собраться въ дорогу. Но вдругъ зычный голосъ надзирателя назвалъ наши имена и приказалъ:

— Собирай вещи, выходи!

Во время обыска одинъ изъ надзирателей друзей сообщилъ, что пришло распоряженіе немедленно выпроводить насъ изъ города. На столѣ лежало наше злополучное прошеніе. Итакъ, въ путь—дороженьку!.. Въ дорогу разрѣшалось брать только до рубля денегъ, иностраннымъ же подданнымъ—до пятидесяти рублей. И мы поспѣшили наши деньги передать брату Любеку, какъ германскому подданному. Благодареніе Богу, что Онъ послалъ намъ „кассира", безъ котораго въ пути пришлось бы весьма и весьма туго. Быть въ этапѣ безъ денегъ, значить—голодать, нищенствовать все время. И—это жало не коснулось плоти нашей!

Конвойная команда по спискамъ вызвала всѣхъ и спросила: какъ имя, сколько лѣтъ, откуда идешь, куда, есть ли казенныя вещи, деньги?

— Проходи, обыскать!—распоряжался „господинъ старшій" и руки заботливыхъ нянекъ-

солдатъ неспѣша изслѣдовали рубцы одѣяній и содержимое мѣшковъ, выбрасывая вещи на полъ.

Душъ до пятидесяти большихъ и малыхъ, больныхъ и здоровыхъ, мужчинъ и на этотъ разъ одна женщина, съ глазами „на мокромъ мѣстѣ“, были построены по-четыре въ рядъ и пересчитаны разъ пять. Послышалась команда:

— Сабли на-голо!... Партія, слушаться конвойныхъ, не выходить изъ строя, не отставать, дорогой не разговаривать!..

Мы взвалили сумки на плечи и подъ команду: „Шагомъ маршъ!“ двинулись къ выходу. Мгла ночи, подобно савану, покрывала наши фигуры, точно старалась скрыть весь позоръ человѣческаго паденія. Зажгли факелы, пламя и копоть которыхъ еще болѣе усиливали зловѣщность необычайнаго шествія. Длинные ножи угрожающе сверкали по сторонамъ.

У воротъ пламя факела освѣтило двухъ дочерей Албулова—Наталію и Лидію. Какимъ чудомъ онѣ провѣдали о нашемъ отъѣздѣ—былъ секретъ сестеръ, но все-же неожиданность похода теряла свою остроту таинственности. Дочери принесли отцу шуоу и теплыя вещи. Бѣдный дѣдушка рванулся было къ нимъ, но, увидѣвъ ножъ, отшатнулся. Такъ близкія сестры были далеки отъ насъ! Между нами разверзлась пропасть закона...

Въ темнотѣ ноги наши попадали въ колдобины съ водою, застревали въ грязи, наступали

на ноги переднихъ, больно толкались задними, но мы, гонимые изъ Одессы невидимымъ приказомъ, почти бѣжали все впередъ и впередъ подъ свистъ кнута-окрика:

— Не отставай! Въ затылокъ! Шибче!

По лицу катился потъ, бѣлье липло къ тѣлу, въ груди не хватало воздуху. Сзади кто-то получилъ ударъ въ спину и выругался.

— Дзынь-дзинь, дзынь-дзинь! — пѣли кандалы и имъ вторили шлепающія ноги.

— Шибче, не отставай!

— Мнѣ нѣтъ двадцать лѣтъ, мнѣ только пятьдесятъ, — запротестовалъ И. Любекъ, сбрасывая на руки тулупъ.

— Нельзя ли потише, господинъ старшій, — попросилъ одинъ изъ конвойныхъ.

Пошли тише, вздохнули свободнѣе и только теперь замѣтили, что сестры бѣгутъ за нами, такія же усталыя и взволнованныя. У желѣзнодорожнаго барьера стоялъ одинокій арестантскій вагонъ.

— Полѣзай, ребята! — крикнулъ старшій.

— Прощайте, сестры, передайте всѣмъ нашимъ привѣтъ и скажите объ отъѣздѣ, — крикнули мы провожавшимъ, протискиваясь въ проходъ вагона.

— До свиданія, все передадимъ всѣмъ...

Старый вагонъ раздѣлялся рѣшеткой на двѣ части. И въ одной половинѣ согнали всѣхъ зак-

люченныхъ, въ другой размѣстились солдаты. Кое-какъ мы распредѣлили нашъ багажъ и нѣкоторымъ удалось лечь. Остальные тѣснились на нижнихъ скамьяхъ. Распаленное бѣгомъ тѣло горѣло, ноги дрожали, сердце стучало, нервы напряглись до крайности...

Ночь глядѣлась въ рѣшетчатыя оконца черными очами, лишь изрѣдка искрясь лучами—звѣздами. На полотнѣ дороги двигались какія-то тѣни, но наши ли это сестры хотѣли заглянуть къ намъ, или кто другой — разобрать не удалось.

Успокоившись немного, мы пересчитали своихъ: насъ было девять, да, девять „арестантовъ“!

IV.

Первая остановка.

Мысли на свободѣ, что лѣтнія мухи, не засиживаются долго на одномъ мѣстѣ. Прилетятъ, пощекочутъ, отмахнешься и нѣтъ ихъ. Но въ неволѣ мысли — тѣ же осеннія мухи. Онѣ не щекочутъ, а жалятъ долгимъ, упорнымъ укусомъ. Отмахнешься отъ ихъ злого, назойливаго приставанія, а онѣ уже снова жужжатъ дребезжащимъ, тонкимъ голоскомъ: „Нѣтъ ужъ, братъ, я тебя допеку...“ Эти мысли тонкимъ жаломъ ранятъ мозгъ, острой занозой застреваютъ въ сознаніи, зло, ехидно насмѣшничаютъ: „Не отвертишься, братъ...“ И много разъ приходилось наблюдать заключенныхъ, тяжелый взоръ которыхъ смотритъ

на васъ и не видитъ, а уходитъ куда то внутрь, всматривается въ свои осеннія мысли. Мысли— вспоминанія иногда одолѣвали и насъ...

Вотъ и теперь: усталъ, ослабѣлъ, а уснуть не могу и видѣніе за видѣніемъ проходятъ этапы жизни моей въ этомъ порочномъ, распутномъ, изворотливомъ, дѣловомъ, вѣчно волнующимся, какъ Черное море, и все-же красивомъ, все-же интересномъ, все-же подвижномъ, чуткомъ и отзывчивомъ городѣ, съ такимъ глубокимъ, чарующимъ небомъ и дивнымъ просторомъ морской стихіи. Было въ Одессѣ много радости, духовнаго восхищенія и ликованія, но пережилъ въ немъ и достаточно горя, разочарованія, обиды. Все минуло, все поглощено хозяиномъ земли—временемъ. И только жизнь духа и запросы вѣчности остались животрепещущими и волнующими...

Пріѣхалъ я тогда въ Одессу больнымъ, слабымъ и сейчасъ же легъ на больничную койку. Послѣ трудной операціи, поселился въ уютномъ „шатрѣ“ милой заботливой четы В. Г. и А. Е. Павловыхъ и, согрѣтый уходомъ и лаской, скоро ожилъ, окрѣпъ, да такъ и остался тамъ. Работы было много, благословенной, отвѣтственной и трудной... Но вотъ, осеннія мысли оживили въ памяти тѣ бурные дни и недѣли, бушевавшіе разнузданностью страстей честолюбія, себялюбія, клеветы и насилія духа. Но — прочь надоѣдливыя мухи!.. Скоро снова засіяло искрометное южное солнышко

братолюбія и единенія чистыхъ сердцемъ... Появилась семья и почти одновременно напряженная работа въ журналѣ „Слово Истины“. Всѣ силы и энергія друзей, близкихъ и мои были вложены въ это новое дѣло; важно было взять правильный курсъ, достичь должной высоты. Благословляющая Рука была съ нами... Но тутъ началось безвременье, планы спутались, „колесница“ жизни вошла въ новую колею, и я оказался въ положеніи рыбы, попавшейся на крючекъ административной удочки—ссылки. Три дня тому назадъ духъ мечты и надеждъ парилъ въ радужныхъ волнахъ труда и, подобно птицѣ—аэроплану, полетъ котораго я наблюдалъ недавно, возносился до небесъ. Теперь же нашлось мѣстечко, маленькое, неудобное въ... арестантскомъ вагонѣ! Но—это снова осеннія мухи!.. „Для меня теперь совершенно ясно, что то, что мы называемъ зломъ, есть то благо, дѣйствія котораго мы еще не видимъ!“—сказалъ одинъ мудрый старецъ. И правда: что̀ считать зломъ, что — добромъ? Соломонъ премудрый уже уяснилъ, что „сердце человѣка обдумываетъ свой путь, но Господь управляетъ шествіемъ его“. Если же Онъ со мной, то—благослови душа моя Господа и въ скорби моей!...

—Не смѣй вставать!—крикнулъ часовой на латыша-капитана и сознаніе мое вернулось къ дѣйствительности, къ прозѣ настоящаго момента.

— Хлэба дай,—повторилъ латышъ существенный вопросъ своего голоднаго желудка.

— Я вотъ тебѣ дамъ „хлэба“,—пригрозилъ солдатъ, показывая обнаженную шашку.

Всякія заявленія и замѣчанія, хотя бы и справедливыя, какъ на неудобства и тѣсноту, подавлялись грознымъ: „молчать! не разговаривать!“. Всѣ „пассажиры“ вѣдь безплатные, на подобіе зайцевъ, попробуй открыть дверь, — лови тогда! Посему — церемоній всякихъ тамъ не полагалось. И заключенные въ тихой, но многосложной ругни отводили душу.

Курить въ вагонѣ воспрещалось и любители табаку пускались на хитрости: тянули махорку изъ рукава, пускали дымъ подъ лавку или отдушину въ потолкѣ. Никакія строгости не помогали; томленіе желанія и привычки превышали постановленія закона и требовали жертвы. И бывалые арестанты всегда припрятывали въ потайныхъ складкахъ своихъ одеждъ и деньги и табакъ и бритвы и ножи. Конвойнымъ въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось отыскать что-либо и все-таки они шарили усердно. По окончанію обыска заключенные смѣло доставали деньги, иногда довольно крупныя и тѣ-же конвойные покупали имъ провизію, а если попадался доступный малый, то за извѣстную мзду, появлялся и табакъ и газеты. Стоимость покупки опредѣлялась солдатомъ и сдачу брали, несмотря.

Не помню уже нашихъ бесѣдъ въ тотъ вечеръ. Больше внутренно молились, нѣкоторые уснули, а остальные въ полудремотѣ смѣшивали дѣйствительность съ грезами или же слѣдили за работою напряженной мысли. Каждые два часа новая смѣна часовыхъ пересчитывала всѣхъ, да и вообще насъ, кажется, больше считали, чѣмъ скупой богачъ пересыпаетъ свои червонцы. Мы, вѣдь, были дороже „презреннаго металла"!

Наконецъ, одиночество нашего вагона было нарушено; онъ покатилъ куда-то, вернулся и потомъ вошелъ въ ярко-освѣщенную полосу платформы. Затѣмъ мелькнули станціонные и городскіе огни и поѣздъ быстро погрузился въ ночную мглу...

Въ сѣромъ разсвѣтѣ туманнаго новаго дня просыпались „казенныя вещи" болѣе спокойными и затихшими. Острота напряженія миновала. Сначала страннымъ казалось, когда во время остановки въ нашемъ вагонѣ не было обычной суеты пассажировъ и неслышалось возгласовъ кондуктора:

— Приготовьте ваши билеты! Ваши билеты! . . .

Кондукторамъ былъ воспрещенъ входъ, а пассажиры пугливо сторонились и обходили такой вагонъ.

Изъ желѣзнаго рукомойника удалось кое какъ смочить лицо и потомъ наша группа собралась вокругъ Слова Божія. Со страницъ Вѣчной Книги на насъ дохнуло ароматомъ бодрости и утѣшенія. Библія еще разъ оправдала свое вѣковѣчное наз-

наченіе—сопровождать вѣрующаго во всѣ дни его странствія и освѣщать путь его. Читали мы изъ нѣмецкой Библіи бр. Любека; русское Евангеліе взять съ собой намъ не позволили. И подъ шумъ бѣгущаго поѣзда, смѣхъ и переругиванія нашихъ сосѣдей, окрики и распоряженія солдатъ — мы сердечно молились. И. Любекъ запѣлъ „Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды".

— Эй, кто тамъ поетъ, замолчи!—приказалъ часовой.

Но подошелъ, посмотрѣлъ и, махнувъ рукой, рѣшивъ:

—Пусть молится по своему!

Конвойный принесъ въ ведрахъ кипятокъ и чаепитіе вышло на славу, благо запасы наши еще не подверглись уничтоженію. По количеству и качеству багажа мы оказались самыми богатыми и за вещами приходилось смотрѣть въ оба; любители чужаго не прочь были познакомится съ содержимымъ нашихъ сумокъ.

Мимо окна быстро мчались столбы, деревья, сторожки, уплывали цѣлыя села, все бѣжало, точно спасалось отъ угрожающей опасности. На станціяхъ волновались и суетились невѣдомые люди съ вещами, слышались свистки, звонки, крики, а въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ, подъ охраной ножей, завязывалась уже дружеская бесѣда о запросахъ духа и вѣчности.

Тяжесть общаго бремени соединило въ одно представителей двухъ обособленныхъ союзовъ: баптистовъ и евангельскихъ христіанъ. И даже немного строптивые адвентисты приняли участіе въ общей трапезѣ и вели себя скромнѣе, хотя единенія въ пониманіи и вѣрованіи такъ и не было достигнуто. Живя въ одномъ городѣ, питаясь отъ одного Источника и сражаясь противъ одного врага—грѣха, мы въ сущности мало знали другъ друга. И только здѣсь пристальнѣе взглянули въ поверхностно знакомыя лица. Въ городѣ все было некогда, все куда то спѣшили, а можетъ быть и искусственно отгораживались отъ болѣе близкаго знакомства; не лежало сердце къ общенію. Созрѣвшихъ же вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія, набрался цѣлый коробъ и мы по-братски принялись срывать плоды накопившихся недоразумѣній и преткновеній, и пробовать ихъ вкусъ. Поморщились не разъ!.. Чѣмъ дальше мчался поѣздъ, тѣмъ больше чувствовалось, что мы дѣти Одного Отца, призваны исповѣдывать и защищать одно упованіе и стремиться къ одной цѣли. Разница наименованія и организаціи, подобно выжатому лимону, потеряла свою цѣнность, остроту и значеніе. Слѣдующее поколѣніе вѣрующихъ будетъ удивляться нашей отсталости, наши дѣти только покачаютъ головой надъ нашимъ дѣтствомъ... И чтобы въ жизни ни встрѣтилось, куда бы насъ ни забросила судьба,—это чувство братскаго единенія

и любви, освященное общими страданіями и углубленное исканіемъ въ сокровищницѣ Вѣчной Истины, навсегда останется въ сердцахъ нашихъ! Уже прежде бросалось въ глаза, что вѣрующіе различныхъ наименованій, обычно замкнутые въ свои ячейки, при общей скорби или погребеніи когонибудь изъ работниковъ Божіихъ, сходились вмѣстѣ и мелочность плотскаго недомыслія, косности и страстей, что въ увлеченіи иногда принималось за дѣйствіе Духа,—отпадала сама собой и воцарялось сознаніе, что у насъ Одинъ Господь, одна вѣра и одно крещеніе, и любовь Божія будила въ душѣ лучшія устремленія. Много словъ было произнесено о пользѣ единодушія, единомыслія и согласованности въ работѣ! Но слова говорились, обѣщанія давались, рѣшенія записывались и все оставалось постарому, какъ красовались на бумагѣ уже много лѣтъ, всѣ обѣщанія „свободы совѣсти" а представители свободовѣрцевъ препровождались въ заточеніе. Нежизненность обѣщаній проявляется въ разъединеніи и несогласіи. Можетъ быть, это покажется страннымъ, но, право, хотѣлось бы пожелать, чтобы всѣхъ воинствующихъ, несговорчивыхъ представителей двухъ союзовъ хоть на время ввергли бы въ узилищѣ, соединивъ ихъ вокругъ этапнаго „кандера"; подъ гнетомъ порабощенія плоти они, навѣрное, скоро бы уяснили себѣ сущность завѣтовъ единаго стада, съ единымъ Пастыремъ-Христомъ! Можно надѣяться, что страда-

нія искренно вѣрующихъ въ эту годину безвременья, многихъ приведутъ къ сознанію необходимости освященія личности и единенія вѣрующихъ, составленія начатковъ вѣры и устремленія къ совершенству. Жизнь требуетъ обновленія и устремленія впередъ. Страданія же научаютъ послушанію Отцу, стремленію участвовать жизнію въ святости Божіей и ведутъ къ приношенію мирнаго плода праведности. Если таковы плоды, то привѣтъ вамъ, нынѣшнія страданія!..

День клонился къ вечеру и въ бесѣдѣ незамѣтно проходило время. Подсѣлъ къ намъ одинъ нѣмецъ, германскій подданный, хотя и родился въ Россіи, и, порицая всѣ религіи, выразилъ довольство своей нравственностью. Братья принялись разбираться въ его поведеніи и скоро открылась горькая истина, что всѣ грѣховныя качества гнѣздятся въ немъ. Пристыженный „праведникъ“ затихъ и уже избѣгалъ этой темы.

Но вотъ и Кіевъ. Конвойные познакомились съ нами и относились по-человѣчески, а одинъ даже согласился передать въ городѣ братьямъ записку, увѣдомляющую о нашемъ прибытіи. По четыре въ рядъ насъ провели къ трамваю. Легкій морозный вѣтерокъ заботливо обдувалъ лица, бодрилъ голову и точно пожималъ руки, выражая сочувствіе. Электрическіе шары сверкали надъ нами и на окрикъ конвойнаго одинъ фонарь угрожающе зашипѣлъ. Только люди безучастно шли мимо, не

считая двухъ-трехъ любопытныхъ, наблюдавшихъ, какъ вся партія втискивалась въ трамвайный вагонъ съ забитыми окнами.

— Пожалуй, не помѣстятся всѣ,—замѣтилъ вагоноважатый.

— Ничего, втискаемъ всѣхъ. Эй, подвинтесь!— распоряжался „господинъ старшій".

Мнѣ посчастливилось сѣсть, но на мои колѣни взгромоздились еще двое. Дверь закрыли, на площадкахъ помѣстились конвойные, раздались звонки и вагонъ рвануло такъ, что всѣ стоявшіе навалились на насъ.

—Вотъ такъ поѣздка, хуже губернаторской!— смѣялся кто-то.

—Да, что твои сельди въ бочкѣ!

Приходилось ѣздить въ различныхъ вагонахъ трамвая, конки, омнибуса и въ русскихъ и заграничныхъ городахъ, но ѣхать въ такомъ вагонѣ— еще не выподала такого счастья! Кіевъ—колыбель христіанства на Руси и святынь, и вдругъ— такое необычайное путешествіе! Этотъ городъ— родина моя, здѣсь обратились къ Господу мои родные, въ немъ я провелъ первые годы дѣтства. Всѣ мои сородичи живутъ недалеко отъ вокзала и что бы они сказали, увидивъ меня тутъ?.. А таинственный вагонъ мчался уже по Крещатику, мимо Царскаго сада, куда то въ гору по темнымъ улицамъ, которыя виднѣлись въ небольшое оконце около фонаря, въ передней части вагона.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ пришлось проѣздомъ останавливаться въ этомъ городѣ, участвовать въ общей молитвѣ съ вѣрующими, посѣщать нѣкоторыя дома и вдругъ: тюремный дворъ, гдѣ то на Печерскѣ и новая процедура обыска. Какой то облѣзлый, худой старикъ-надзиратель долго и тщательно осматривалъ и ощупывалъ мои вещи, все выбросилъ на разостланное мною пальто, и, наконецъ, заставилъ меня снять ботинки и чулки, но, къ своему сожалѣнію, на каждой ногѣ нашелъ только по пяти пальцевъ.

—Забирай вещи, въ камерѣ одѣнешься,—разочарованно протянулъ онъ и я поспѣшилъ за другими, держа въ рукахъ ботинки.

Всѣ мы устроились на нарахъ, за исключеніемъ трехъ—четырехъ, которые расположились на полу.

Висѣвшая по среди камеры керосиновая лампа оказалась заключенной въ особо-приспособленную желѣзную сѣтку. Свѣтильникъ тоже раздѣлялъ долю плѣнниковъ, какъ это часто случается и въ жизни! У заключенныхъ не нашлось спичекъ, курить же нѣкоторымъ страшно хотѣлось и одинъ изъ страждущихъ взобрался на плечи другого и долго возился около лампы-плѣнницы, стараясь добыть огня. Но плѣнница была спрятана хорошо и озлобленный искатель слѣзъ ни съ чѣмъ. На этотъ разъ въ камерѣ отсутствовали табачныя облака. Передъ сномъ одинъ изъ насъ обратился ко всѣмъ съ кроткимъ словомъ о Спасителѣ грѣш-

никовъ, Который призываетъ и прощаетъ всѣхъ приходящихъ къ Нему. Тихое вѣяніе Благой Вѣсти коснулось сердецъ внимательныхъ слушателей... За полночь шла оживленная бесѣда о вѣрѣ и жизни на основахъ Евангелія.

— Какъ же такъ, чтобы за вѣру ссылали,—удивлялся одинъ изъ лишенныхъ правъ,—вѣдь такого закона нѣтъ?

— Закона?—отвѣтилъ другой.—Держи карманъ шире, тебѣ у насъ такой пропишутъ законъ, что тошно станетъ. У насъ, братъ, все возможно...

Спокойный сонъ нашъ тревожили ночные гости клопы и нѣкоторые изъ нихъ поплатились за эту назойливость своей жизней. Утромъ Бѣлоусовъ никакъ не могъ найти свой сюртукъ, который, наконецъ, общими усиліями былъ извлеченъ изъ подъ наръ. Латышъ-капитанъ спалъ на немъ, теперь же, обезпокоенный своимъ врагомъ—голодомъ, стучалъ въ двери и просилъ:

— Хлэба дай!

Вошелъ старшій надзиратель, пересчиталъ насъ и потомъ по командѣ „На молитву!“ вся камера запѣла „Отче нашъ“. Нѣкорые братья громко и горячо молились. Старикъ-крестьянинъ, обвиняемый въ конокрадствѣ, сталъ на колѣни, истово крестился и горько плакалъ. Остальные заключенные хмурились и смотрѣли въ землю. Латышъ сложилъ руки, закрылъ глаза и шепталъ молитву.

— Собирай вещи, выходи,—крикнулъ дежурный.

Новая этапная команда производила обыскъ. Въ пользу тюрьмы изъ нашихъ денегъ былъ удержанъ одинъ рубль. Появился долговязый тюремный фельдшеръ и, пропуская насъ мимо себя, прикладывалъ руку ко лбу и нащупывалъ пульсъ. Но дѣлалось это такъ быстро, что врядъ ли можно было что узнать. Все-же такая заботливость о здоровье была пріятна. Вспомнился нѣкій юноша, приговоренный къ смертной казни, который ухитрился стекломъ перерѣзать себѣ горло. Его вылѣчили, а потомъ повѣсили...

Къ М. Албулову присталъ солдатъ:

— Говори, гдѣ деньги, а то бить буду.

Тотъ ежился и смиренно отвѣчалъ:

— Ну чтожъ, найди, а тогда и бей! Денегъ нѣтъ.

Наконецъ, все уладилось, и считанная-пересчитанная партія двинулась къ выходу. У двери какой-то пожилой господинъ въ опрятной курткѣ солдатскаго сукна, держалъ въ рукахъ большія французскія булки и подавалъ арестованнымъ.

Я, не понявъ въ чемъ дѣло, хотѣлъ было пройти мимо, но онъ задержалъ меня, вручилъ подарокъ и тихо сказалъ:

— Не спѣшите, всѣмъ хватитъ.

— Спасибо,—поблагодарилъ я.

— Бога благодари, милый.

Одаренные булками, всѣ узники раздѣлились на двѣ части; одна часть сѣла въ тотъ же вагонъ

трамвая, другая отправилась пѣши. На голодный желудокъ эти булки пришлись весьма кстати. Латышъ уже подбиралъ крохи. Кстати, нужно замѣтить, что благотворительность очень мало или почти совсѣмъ не распространяется на этапную братію, содержимую въ пересыльныхъ камерахъ. А тамъ подчасъ бываетъ вопіющая нужда и горе. „Пересылка" получаетъ лишь остатки отъ тюремнаго стола и живетъ впроголодь.

Изъ разсказовъ объ этомъ благодѣтелѣ выяснилось, что онъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ одѣляетъ всѣхъ этапниковъ такими вкусными хлѣбами, получивъ на это особое разрѣшеніе. Дѣлаетъ же это онъ, якобы, ради сына, который гдѣ то томится въ тюрьмѣ „за политику". „Что ты есть человѣкъ"! Пусть миръ Божій исполнитъ твое сердце, чуткій другъ угнетенныхъ.

Городъ кипѣлъ въ своей обычной суетѣ. Одни лишь мы спокойно поджидали на станціи вагона и вдыхали морозный воздухъ. Такъ хотѣлось увидѣть хоть на мгновеніе кого-либо изъ единовѣрцевъ, но насъ обходили все чужіе люди. Вѣроятно наша записка не достигла цѣли и братья не вѣдали, что мимо ихъ жилищъ прошло нѣсколько душъ, гонимыхъ за имя Господа. И это—въ XX вѣкѣ, въ дни религіозной свободы, въ дни, когда требовалось забыть всѣ „распри"!

На этотъ разъ всѣ размѣстились въ „Столыпинскомъ" вагонѣ, вдоль котораго тянулась рѣшетка

раздѣлявшая вагонъ на двѣ неравныя части. Всѣ мѣста оказались отгороженными отъ выхода, по которому отъ двери до двери разгуливалъ часовой. Съ той стороны, гдѣ находились заключенные, были прорѣзаны малыя оконца, защищенныя толстыми желѣзными прутьями. Съ другой стороны— обыкновенныя окна. Назначеніе такого вагона— предупредить побѣгъ арестантовъ, но намъ разсказывали, что нѣсколько каторжанъ все таки ухитрились выпрыгнуть въ эти дырки. Такое устройство вагона облегчало наблюденіе для часовыхъ, но ужъ заключенные за рѣшеткой напоминали звѣринецъ, полный дарвиновскихъ прародителей— обезьянъ. Для полноты подобія недоставало еще духовой музыки и любопытной толпы. Если это вѣрно, что такую систему вагона изобрѣлъ убитый министръ Столыпинъ, то—онъ сотворилъ себѣ памятникъ долговѣчный.

Въ полдень нашъ поѣздъ, подъ музыку громыхающихъ колесъ, тронулся на Курскъ. Проѣзжая чрезъ станцію Кіевъ II, я знакомилъ моихъ спутниковъ съ расположеніемъ Деміевки и Слободки, такъ близко напомнившими мнѣ беззаботное и невозвратное дѣтство. Вдоль полотна желѣзной дороги бѣжалъ ручей, всегда полный городскихъ отбросовъ, а иногда окрашенный кровью животныхъ изъ скотобоенъ. И мы, дѣти, съ удовольствіемъ часами когда-то поласкались въ этой грязи, ныряя въ глубокихъ мѣстахъ. А вонъ виднѣ-

ется домъ, гдѣ я жилъ и гдѣ еще до „свободы" тайно собирались вѣрующіе для молитвы. Разъ, осеннимъ вечеромъ, нагрянула полиція, но поспѣшила раньше назначеннаго времени и захватила всего душъ десять. Проскользнувъ межъ ногъ зазѣвавшагося въ дверяхъ городового, я выскочилъ за ворота и предупредилъ остальныхъ... А вотъ здѣсь, на горѣ стояли солдатскіе лагери, куда мы бѣгали за кашей и сухарями. Вкусные были сухари!.. А вотъ здѣсь...

— Садись, не разговаривай!—оборвалъ мои воспоминанія подошедшій конвойный.

Поѣздъ шелъ по мосту чрезъ широкій Днѣпръ...

V.

Курскій ледникъ.

По предложенію веселаго, краснощекаго хохла, старшаго конвойнаго, мы перешли въ сосѣдній, меньшій размѣрами вагонъ, гдѣ и расположились, какъ могли. Напились чаю и снова завязалась бесѣда. Къ рѣшеткѣ подошелъ солдатъ, послушалъ и вмѣшался:

— Вотъ вы все тутъ говорите о Богѣ, а я думаю, что никакого Бога нѣтъ и все это выдумка поповъ.

И, не слушая возраженія, возбужденно и нервно засыпалъ словами, точно изъ пулемета. Религія—выдумка и фантазія; грѣхъ—ерунда; каждый живетъ для себя, какъ хочетъ; правительство—зло, всѣ должны знать только свое брюхо, свою шкуру,

вои похоти и свои удовольствія; поэтому всѣхъ, то мѣшаетъ, кто заграждаетъ дорогу, кто чинитъ репоны всякимъ пожеланіямъ, стремленіямъ и ѣйствіямъ народа,—нужно уничтожать, сметать ь пути, какъ соръ, какъ прахъ...

— Богъ, это я!—горячился конвойный, ударяя ебя въ грудь.—И довольно намъ быть дураками олухами, чтобы служить дойной коровой для роходимцевъ и слушать сказку про бѣлаго бычка.

Терпѣливо выждавъ окончанія этого бурнаго отока, спросили:

— Вы кончили уже?

— Кончилъ и больше ничего не хочу говорить слушать,—повернулся онъ уходить.

— Но это же односторонне, говорить самому и слушать другихъ.

Онъ остановился, подошли еще нѣкоторые солатики, и мы постарались уяснить нашъ взглядъ а высказанное мнѣніе. Противорѣчія и пороки изни дѣйствительно могутъ толкнуть ищущаго стины человѣка въ пучину невѣрія, отрицанія и кесточенія, что и встрѣчается повсюду, и даже еожиданно здѣсь, подъ солдатскимъ мундиромъ. о виновенъ въ этомъ не Богъ, а человѣкъ, оторый свободную волю подчинилъ грѣху и сталъ абомъ пороковъ; павшее человѣчество само не ожетъ встать и чтобы его поднять, „взыскать и асти" и пришелъ на землю Христосъ. Вопросъ Богѣ старъ, какъ сама жизнь и всегда человѣ-

чество дѣлилось на вѣрующихъ и невѣрующихъ но стало замѣтно, что тогда, какъ первые стремятс къ духовному совершенству и внутренней чистот вторые часто отвергаютъ Бога въ „безуміи серд своего", живя въ грязи добровольнаго грѣх который и не желаютъ оставить. Все-таки невѣрующіе признаютъ въ мірозданіи „нѣчто разумное и опредѣленное, называя его „природою Вѣрующіе же это „нѣчто" развиваютъ до предѣ ловъ возможнаго и считаютъ болѣе честным признать свою ограниченность въ познаніи нужнымъ эту разумную „волю" назвать Богом и т. д. Разныхъ религій Библія не знаетъ, а ест только одна вѣра Божія, и человѣкъ, имѣющі ее — живъ будетъ. Признать Бога и довѣритьс Ему—значить вѣрить... Правительство нужно дл управленія и устроенія порядка, обязательнаг для всѣхъ, для поощренія добра и наказанія зл отрицательныя же явленія нашего времени сві дѣтельствуютъ, что у насъ во многомъ еще нѣт порядка и улучшенія, мы если и протестуем противъ насилія другихъ, то только для тог чтобы былъ просторъ нашему брюху...

Толковали довольно долго и подъ конецъ со цатъ снова упорно заявилъ:

— Нѣтъ Бога!

— Есть Богъ!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ Бога!

— Есть, есть и есть Богъ!

— Я вѣдь упорный хохолъ.

— Среди насъ тоже много хохловъ.

Такъ и разошлись, оставаясь каждый при своемъ, все-же нашъ собесѣдникъ сталъ еще болѣе предупредительнымь и услужливымъ.

Одинъ молодой нарень, направляемый къ воинскому начальнику, признался намъ, что дядя его тоже вѣрующій и самъ онъ бывалъ на собраніяхъ, но веселая жизнь тянула къ себѣ и толкала на нехорошій путь. Выходя изъ вагона, онъ растроганный, благодарилъ за добрые совѣты и обѣщалъ служить Господу. Дай, Боже, ему новое сердце!

Стало темнѣть, зажгли свѣчи и подъ насвистъ скучающаго часового, всѣ уснули. Въ два часа ночи прибыли въ Курскъ и приготовились пересѣсть въ Московскій поѣздъ. Но вызывать что то не спѣшили и незамѣтно сонъ снова сковалъ сознаніе.

— Собирай вещи, выходи!—послышалось знакомое и я подхватился, весь дрожа отъ внутренняго холода. Ноги стянуло судорогой отъ неудобнаго положенія. При свѣтѣ мигающихъ свѣчей всѣ лица искажались уродливыми тѣнями и усталость чувствовалась во всемъ тѣлѣ. Какъ уютно, тепло и покойно теперь дома!.. Но сознаніе снова возвращалось къ дѣйствительности. Въ окнахъ показалось дымящее пламя знакомыхъ факеловъ и остановилось около вагона. Виднѣлись котомки и платки женщинъ съ малютками на рукахъ.

— Ой, какъ мнѣ цихъ хлопчатъ жалко! — приговаривалъ старшій, покрикивая, чтобы прибывшая партія скорѣе садилась въ вагонъ.

— Попадемъ ли мы на Московскій поѣздъ?

— Нѣтъ, не хватило вагоновъ, — равнодушно отвѣтилъ солдатъ, крутя папироску.

— Что же это такое? Неужели? — заволновались мы.

— Изъ за какого то несчастнаго вагона новыя мытарства, новыя страданія! Это—ужасно!

Слѣдующій этапъ шелъ только черезъ недѣлю и нужно было отправляться въ Курскую тюрьму, прославившуюся своей суровостью, неудобствами, и даже жестокостью. Боже, да минуетъ насъ чаша сія! Но, можетъ быть, еще дѣло уладится, вотъ и старшій куда то побѣжалъ? Можетъ быть, совершится чудо! Но чуда не было. Курскій конвой принялъ нашу партію и повелъ между вагонами куда-то въ сторону. Затѣмъ въ вагонѣ безъ рѣшетки поѣхали по вѣткѣ на городскую станцію. Мы затихли и сидѣли печальные. Новый солдатъ, какъ купецъ по счетамъ, провѣрялъ, весь ли товаръ на лицо.

— Какъ отечество?—повторял онъ.

— Отечество Россія,—замѣтилъ кто-то изъ насъ, вызывая невольную улыбку.

— Отца какъ звать? — настаивалъ тотъ.

— Отчество будетъ Ивановичъ, а отечество—Россія.

— Ну, не разговаривать!

Ночныя тѣни попрятались по угламъ, хотя солнце и не показывалось, не желая, видимо, освѣщать безуміе человѣковъ. Бѣлый туманъ повись надъ просыпающимся городомъ. Версты четыре, если не больше, пришлось идти до тюрьмы по глубокому рыхлому снѣгу. Ноги скользили и грузли. Сумки оттягивали плечи, а казенное понукиваніе висѣло надъ головой и било по нервамъ. Все-таки суета улицы не ускользала отъ вниманія. Вотъ баба съ корзинкой спѣшитъ на базаръ. А наши то хозяюшки, что теперь дѣлаютъ дома?.. Вотъ дѣтишки бѣгутъ въ школу. Бойкій парнишка, съ бляхой на отцовскомъ картузѣ, выкрикиваетъ названіе газетъ.

— Эхъ, вотъ бы газетку?—вздохнулъ я.

— Не отставай! Въ затылокъ,—поучаетъ конвойный и мои ноги работаютъ еще усерднѣе.

На углу улицы ветхая старушка, сложа руки, шевелитъ губами, смотритъ на насъ и качаетъ головой. Ужъ не отыскиваетъ ли бабушка своего непутеваго сынка, гдѣ либо шествующаго этапной дорожкой!.. Проѣхалъ трамвай мимо. Пошли въ гору, около какихъ то старыхъ воротъ—арки, навѣрно построенныхъ крѣпостными руками, свернули направо къ „ней“, бѣлокаменной. Въ тюремный дворъ вошли мимо какихъ то построекъ, обогнули башню съ часовымъ въ тулупѣ и взобрались во второй этажъ пересыльпой новой темницы.

Большая, мрачная, холодная, съ мокрымъ асфальтовымъ поломъ, безъ единой скамьи или столика, камера сразу наполнилась негодующими восклицаніями:

— Вотъ такъ гостинцы!

— Безплатная, мой хорошій!

— Дареному коню въ зубы не смотрятъ!

Съ желѣзныхъ балокъ на потолкѣ капали холодныя крупныя—слезы тюремнаго горя и лишеній. Отъ дыханія восьмидесяти человѣкъ воздухъ согрѣлся и число слезинокъ вверху, еще болѣе увеличилось. Операція обыска прошла быстро. Латышъ-капитанъ сосредоточилъ на себѣ вниманіе скучающихъ стражей и своимъ „дай хлэба“ вызвалъ общее гоготеніе здоровыхъ надъ больнымъ. Только съ Жакомъ вышла заминка. Длинноносый, худой какъ палка, „крючекъ“ зацѣпился за его вещи и выбрасывалъ ихъ на грязный полъ.

— Нельзя ли поаккуратнѣе,—попросилъ Жакъ.

— Ишь, баринъ нашелся,—разозлился тотъ и выругался.

Въ наказаніе за „протестъ“, онъ заставилъ провинившагося узника раздѣться до бѣлья и когда тотъ исполнилъ приказаніе, надзиратель, злобно посмѣиваясь, произнесъ:

— Ну, теперь одѣвайся! Будешь знать, какъ указывать!..

Мы молча наблюдали всю эту вакханалію и

дѣлали знаки взволнованному плѣннику, чтобы онъ не вздумалъ возражать „начальству“.

Въ это время Х. Кравченко въ дверной „волчекъ“ разсмотрѣлъ на коридорѣ появившагося помощника начальника и попросилъ надзирателя допустить къ нему. Тотъ открылъ дверь.

— Насъ здѣсь девять человѣкъ духовныхъ наставниковъ инославнаго исповѣданія, высылаемыхъ въ Сибирь, и мы покорнѣйше просимъ помѣстить насъ въ отдѣльной камерѣ,—попросилъ онъ.

Помощникъ разрѣшилъ и наша группа перешла въ меньшую, но такую же пустую, холодную, мокрую у высокихъ оконъ, комнату. Съ нами попали туда еще одинъ еврей торговецъ и нѣмецъ— нашъ собесѣдникъ. Все удобство пока выражалось въ томъ, что не нужно было стеречься отъ воровъ и глотать табачное благоуханіе. Черезъ часъ съ потолка начали падать тяжелыя слезинки на отягченныя думою головы. Большая холодная печь стояла въ углу и, поблескивая чернымъ лакомъ, точно смѣялась надъ нашей привязанностью къ теплу. Особенность ея устройства заключалась въ томъ, что она никогда не нагрѣвалась, хотя дежурный и увѣрялъ, что ее топили.

Весь день мы провалялись на полу въ какомъ-то туманѣ. Ощущеніе неудобства, сырости и холода преслѣдовало повсюду. Казалось, что сидишь на льду и кругомъ тебя тоже ледъ. На самомъ дѣлѣ, оно такъ и было. Новое зданіе, только что отстроен-

ное, замерзло, не успѣвши высохнуть и дышало холодомъ декабрьскимъ. Возникалъ вопросъ:

— Долго ли будемъ мерзнуть тутъ?

И снова неизвѣстность будущаго хранила свою тайну. Полагались сердцемъ на Того, Кто видѣлъ насъ и здѣсь.

Передъ вечеромъ въ камеру притащили по числу душъ брезентовыя подстилки, почему то названныя матрацами. На нихъ были устроены „постели“ у стѣны. Надзиратель заявилъ, чтобы во время повѣрки въ шесть часовъ мы стали по два въ рядъ. И было рѣшено попытать счастье, попросить перевода въ сухую камеру, необходимой оказалась прогулка на свѣжемъ воздухѣ, хорошо было бы погрѣться въ горячей банѣ, кстати, нужно скорѣе писать своимъ письма, не дурно было бы получить книги для чтенія и вообще облегчить неприглядное положеніе, а самое лучшее—скорѣе отправиться дальше, чтобы не пропадало зря время. Размечтались до того, что не прочь были услышать отъ начальника сего заведенія приглашеніе на „чашку чаю“...

Рѣзкій свистокъ прорѣзалъ тишину коридора, приглашая приготовиться. Простояли мы въ стройномъ ряду нѣсколько минутъ и никого не дождались.

— Надоѣло стоять,—замѣтилъ кто-то, направляясь къ двери послушать.

— Стойте, братья, а то нарвемся на непріятность,—уговаривалъ я нетерпѣливыхъ.

Но ряды разстроились, нѣкоторые сѣли. Вдругъ щелкнулъ замокъ, дверь быстро распахнулась и послышалась команда: „Смирно!“

Всѣ мы бросились „строиться“ и смѣшно толкались на мѣстѣ передъ появившимся помощникомъ. Онъ нервно передернулъ плечами и закричалъ:

— Это что за безобразіе! Да я васъ переведу въ худшую камеру, кипятку лишу! Да я васъ... Повернулся и быстро вышелъ.

— Эхъ, вы,—укоризненно замѣтилъ надзиратель,—ужъ и этого не смогли сдѣлать?!

Молча переглянулись и не знали: смѣяться намъ или плакать? Вотъ такъ лучшая камера, и прогулка, и баня, и книги, и письма, и всѣ удобства! Еще останемся безъ кипятку! Ну, и доля наша горькая!.. Мы сознавали, что провинились, нарушили священный этикетъ тюрьмы, хотя и неумышленно. Повѣрка въ тюрьмѣ, это—самый торжественный моментъ, когда заключенный долженъ, какъ солдатъ, держать руки „по швамъ“, „ѣсть“ начальство глазами и отвѣчать:

— Здравія желаю, ваше высокородіе!

Но мы, какъ духовныя лица, говорили „здравствуйте“.

Помолились вмѣстѣ и легли спать. Холодъ будилъ часто, асфальтъ пола „притягивалъ“, во снѣ жались другъ къ другу и не могли согрѣться.

— Если бы былъ цементъ, было бы еще хуже,— удостовѣряли спеціалисты по этой части.

Утромъ поднялись съ тяжелыми головами, блѣдные, съ синевой подъ глазами и, пожимаясь, принялись кружить по камерѣ. За день навѣрно дѣлали верстъ до двадцати по прямой линіи.

Послѣ утренней повѣрки, пѣли молитву Господню и многія другія, которыхъ стѣны Курскаго узилища навѣрно никогда не слыхали, молились и потомъ уже принимались за чаепитіе изъ ведра. Горячій чай былъ поистинѣ отрадой живота нашего и главнымъ подспорьемъ питанія въ тюрьмѣ. Обжигались, дули и продолжали глотать живительную влагу, радуясь теплу, разливавшемуся по всему организму. Приходилось въ такіе моменты сбрасывать теплыя одежды, которыя стали обычной неотъемлимой частью туалета и днемъ и ночью. Шапки снимали только во время повѣрки и молитвы.

Обѣдъ оказался слишкомъ скуднымъ; „супомъ“ называлась какая-то мутная теплая водица. Второго блюда не полагалось.

— Кто поймаетъ картофель—получитъ свободу,— смѣялся я, но деревянныя ложки тщетно производили въ деревянной же чашкѣ большія водовороты.

Хлебали сей супъ опять же для тепла. И благо намъ, что въ портмонэ избраннаго „кассира“ хранились сокровища размѣнныя, которыя разбитной,

хотя и плутоватый нашъ кормилецъ, надзиратель Павелъ Тимофеевичъ, обмѣнивалъ на колбасу, сало, сельди, сыръ, бѣлый хлѣбъ и прочія блага земныя. Какъ-то онъ принесъ вареный картофель въ мундирахъ; который вызвалъ общій восторгъ. Конечно, ничего не дѣлалось даромъ... Тюремный хлѣбъ былъ въ большинствѣ случаевъ хорошій, за исключеніемъ отдѣльныхъ явленій, когда онъ былъ черный, какъ земля и липкій, какъ глина. Куски этаго хлѣба мы засушили себѣ на „добрую память" потомства.

Медленно умеръ и второй день. Повѣрка прошла образцово. Помощникъ молча вошелъ и вышелъ. К. Филиповичъ вспомнилъ, что во время оно, на поляхъ Манчжуріи, въ Японскую компанію ему приходилось съ товарищами почивать на снѣжной перинѣ и онъ предложилъ испробовать „солдатскую систему". Всѣ теплыя вещи были уложены рядомъ и мы, раздѣлившись на двѣ части, улеглисъ съ двухъ сторонъ такъ, что ноги касались спины лежащаго напротивъ. Сверху покрылись, чѣмъ могли. Скоро ногамъ стало даже жарко, но грудь и голова стыли, особенно, когда во снѣ нарушался порядокъ тщательнаго пригнаннаго покрова. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ было теплѣе и послѣдующія ночи въ этомъ ледникѣ коротались въ установленномъ солдатскомъ порядкѣ.

На утро третьяго дня у нѣкоторыхъ першило въ горлѣ и ныла грудь... На общемъ совѣтѣ рѣ-

шили заняться гимнастикой и массажемъ, чтобы помочь организму въ борьбѣ съ заболѣваніемъ. Раза два въ день, напрягая мускулы, сжимали и разжимали руки, присѣдали, подымались на рукахъ и т. д. и затѣмъ болѣе смѣлые обтирались до пояса мокрымъ полотенцемъ. Кровь переливалась быстрѣе, тѣло закалялось и становилось выносливѣе...

По возможности принялись за изслѣдованія Слова Божія. Днемъ обычно кто-нибудь говорилъ слово въ назиданіе, затѣмъ обсуждалось предложенное кѣмъ либо мѣсто Св. Писанія или завязывалась оживленная бесѣда по какому нибудь предмету духовной или общиной жизни. Заканчивали наше „собраніе“ молитвою, которая всегда возбуждало острое любопытство заинтересованныхъ надзирателей. Особенно одинъ изъ нихъ, благообразный, спокойный, воздержанный, часто задавалъ вопросы то объ одномъ, то объ другомъ. Религіозный по своему, онъ стремился добрыми дѣлами заслужить спасеніе и среди остальныхъ надзирателей выдѣлялся справедливымъ и спокойнымъ отношеніемъ къ заключеннымъ. Все-же вздыхалъ о своей грѣховности. Наши отвѣты почти всегда волновали его и, потерпѣвъ пораженіе, но не желая сдаться, онъ быстро закрывалъ двери и уходилъ. Черезъ полчаса дверь снова открывалась, онъ выкладывалъ, что передумалъ за это время и разговоръ возобновлялся. Пѣніе ему нравилось и на вопросъ: „Можно ли пѣть больше“, отвѣтилъ:

— Хоть цѣлый часъ молитесь по своему.

Часто замѣчали, что онъ пріоткрывъ задвижку „волчка“, наблюдаетъ, какъ мы поемъ и молимся.

— Почему послѣ пѣнія вы стоите безъ движенія?—поинтересовался онъ.

Оказалось, что чрезъ толстыя двери не слышно словъ молитвы.

— Все это хорошо,—разсуждалъ онъ,—но было бы еще лучше, если-бы вы осѣняли себя крестнымъ знаменемъ, признавали бы церковь...

—Кто же по вашему правильно служитъ Богу: вы или мы—?спрашивали его.

— Ну, конечно, мы.

— Тогда скажите, вы знаете, гдѣ ваша душа будетъ?

— А это уже Богъ святой знаетъ.

— Богъ то знаетъ, но Онъ желаетъ, чтобы и мы знали.

— Нѣтъ, этого мы не можемъ знать,—твердилъ онъ.

— Но вѣдь Христосъ говоритъ: „Вѣрующій въ Сына Божія имѣетъ жизнь вѣчную“. Замѣтьте: „имѣетъ“, а не сказано: будетъ имѣть. Вы, вѣдь, вѣрующій? Господь говоритъ еще: гдѣ Я, тамъ и вы“..

Но онъ уже уходилъ и запиралъ двери на полчаса. Подъ тюремной бляхой у него билось живое, ищущее сердце...

Адвентисты тоже давали неисчерпаемый матерьялъ для разсужденій. Что такое адъ? Какое

и когда наступитъ тысячелѣтнее царство? Должно ли праздновать субботу, исполнять законъ и пр. и пр. Не имѣя бумаги, они на стѣнѣ чертили планы грядущаго и писали вычисленія пророчествъ. Съ ними не соглашались, доказывали противоположное—и толкамъ не было конца,..

Какъ то въ принесенномъ „супѣ“ замѣтили что-то похожее на свиное сало. Приготовили ложки и хлѣбъ.

— Благодари Господа, братъ Горѣликъ,—предложилъ Филиповичъ адвентисту.

Тотъ посмотрѣлъ на плавующіе подозрительные куски, помолчалъ и заявилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, не буду, тамъ свинное сало плаваетъ.

И оба адвентиста отложили ложки.

Послѣ обѣда я завернулся потеплѣе и легъ. Нѣкоторые братья ходили кругомъ. Потемнѣвшій и сильно осунувшійся нѣмецъ „праведникъ“ возбужденно восклицалъ:

— О, Боже, смотри, какъ Твой народъ похожъ на цыганъ!

Я слѣдилъ за двигавшимися ногами, которыя вскорѣ почему то превратились въ морскія волны, большими валами набѣгавшими на берегъ Чернаго моря. На пескѣ лежали опрокинутыя лодки. Вдали дымилъ пароходъ. Отъ него къ берегу бѣжали бѣлые гребни пѣны. Къ водѣ подошелъ на костыляхъ старикъ въ лохмотьяхъ и, указывая костылемъ на пѣну, кричалъ: „Сало, сало“! Видъ

его смѣшилъ меня и въ тоже время я боялся, чтобы волны не захлеснули старика. Подошелъ къ нему, взялъ за руку и вдругъ лицомъ онъ сталъ похожъ на Горѣлика. Но въ это время подбѣжалъ нѣмецъ и, указывая туда же, повторялъ: „Цыгане, это цыгане!“... Внезапно раздался сильный громъ и послышался знакомый голосъ: „Смирно!“

Еще не сознавая, въ чемъ дѣло, я подхватился, всталъ и снялъ шапку. Всѣ братья уже держали руки „по швамъ“. Въ нашу камеру пожаловали: товарищъ прокурора, начальникъ тюрьмы и его два помощника.

— Кто вы? За что взяты? Куда слѣдуете?—любезно распрашивалъ прокуроръ.

На нашъ вопросъ, долго ли еще насъ будутъ держать здѣсь, отвѣчалъ.

— Это трудно сказать. Теперь порядокъ этаповъ нарушенъ... Гмъ, да,—обратился онъ къ начальнику,—у васъ тутъ не особенно сухо,—и онъ указалъ на мокрый потолокъ и стѣны.

— Да, знаете, зданіе новое, замерзло, хотя и топимъ, но испаренія и прочее...—объяснялъ начальникъ.

Мы попросили разрѣшить намъ баню, прогулки, писать письма. Онъ обѣщалъ и, кланяясь, замѣтилъ:

— Вообще будетъ сдѣлано все возможное.

— До свиданія,—проводили мы гостей.

Какъ немного нужно человѣку! Нѣсколько любезныхъ словъ, человѣческое отношеніе и вниманіе оживило насъ и ободрило застывшее сознаніе.

Все чаще стало чесаться тѣло. Произвели „рекогносцировку" и на бѣльѣ открыли нѣсколько громадныхъ мерзкихъ паразитовъ—вшей. Откуда сіе? И нашли, что это „добро" во множествѣ притаилось въ брезентныхъ подстилкахъ. Смущаясь другъ друга, произвели чистку, но вскорѣ появились новые отряды врага, и въ послѣдующіе дни уже „шукали" мы регулярно утромъ и вечеромъ. Пробовали нѣкоторые братья мѣнять бѣлье, но — на чистое насѣкомые ползли еще больше. И вызывающая брезгливость работа скоро вошла въ привычку. Одинъ изъ братьевъ—имя его извѣстно небу—побилъ рекордъ: за одинъ разъ собралъ восемьдесятъ три. До сей же поры не зналъ, каковы онѣ изъ себя. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!..

Вскорѣ насъ пригласили въ баню, гдѣ горячей водѣ было оказано должное вниманіе. Начали также усиленно топить стоявшую въ углу, точно наказанную, равнодушную печь и, къ всеобщему удивленію, въ одномъ мѣстѣ проявилось тепло. Воздухъ немного согрѣлся, окна оттаяли, но ночью вся братія угорѣла; пришлось открыть форточку и проститься съ тепломъ. Дня два потомъ болѣли головы.

Еврей-торговецъ соблюдалъ законъ и не прикасался къ тюремнымъ блюдамъ; питался исклю-

чительно хлѣбомъ и чаемъ. И такихъ правовѣрныхъ встрѣчалось нѣсколько. Повернувшись къ стѣнѣ старикъ подолгу молился, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Раздобывъ открытку, онъ попросилъ написать его семьѣ:

— Что я живъ и молитесь Богу, чтобы Онъ вернулъ меня до дѣтокъ,—диктовалъ онъ, вытирая накатившіяся слезы.

— Ахъ, это война, война!—качалъ еврей головой.—Какая это ужасный штука, скажу я вамъ. Даже меня, бѣднаго жида, забрали съ лавочки и везутъ куда-то!..

Въ воскресенье въ нашу камеру впустили еще двухъ этапниковъ. Одинъ, политическій, шелъ въ Симферополь на высѣдку по приговору суда. Въ бесѣдѣ всесторонне освѣтили ему значеніе и суть истиннаго христіанства, основаннаго на Евангеліи и значеніе жертвы Христа. Во время пѣнія онъ подтягивалъ теноркомъ. Другой оказался австрійскимъ подданнымъ изъ Буковины, докторъ правъ Адельсбергеръ, захваченный заложникомъ и теперь высылаемый по нашей стезѣ. Онъ присоединился къ намъ и дѣлилъ вмѣстѣ всѣ горести и радости этапнаго шествія. Говорилъ понѣмецки и поукраински, такъ что общеніе было доступно...

Но вотъ и долгожданный вторникъ. Еще одинъ день канетъ въ вѣчность и тогда — прости, прощай Курскій ледникъ!.. Помятыя и загрязненныя вещи подверглись усердной и длительной чисткѣ

й ремонту. Щетка и иголка старались на перебой. Мысли уже попали въ полонъ новаго пути, а сердце радовалось, что такое испытаніе не подорвало въ корнѣ здоровье и ноги еще не потеряли способность двигаться. Лишь бы ѣхать дальше, а тамъ ужъ оправимся, подлѣчимся! Послѣднихъ нѣсколько ночей Л. Назаренко совсѣмъ не ложился и спалъ, сидя на скамьѣ, которую добылъ съ особаго разрѣшенія начальства; застудивъ плечо, онъ боялся холоднаго пола.

Прошла повѣрка; темница погрузилась въ сонъ. До желаннаго вызова на этапъ оставалось еще нѣсколько часовъ. Ждали больше, меньше подождемъ! Нѣкоторые прилегли на упакованный багажъ, остальные ходили, о чемъ то думая... Но вотъ въ коридорѣ послышались голоса, кашель и лязгъ наручниковъ. И въ полночь раздался крикъ:

— Конвой пришелъ!

— Забирай вещи, выходи! — ангеломъ пропѣлъ надзиратель дорогія слова.

Бодрые, веселые, мы, улыбаясь и толкаясь, высыпали въ коридоръ и смѣшались съ остальными, такими же радостными и нетерпѣливыми странниками. Казалось, что ужъ очень медленно вызываютъ по спискамъ, кажется, можно было бы немножко побыстрѣе!.. „Здѣсь!“ „тутъ!“ „есть!“— отзывались счастливчики, а остальные вытягивали шеи, ожидая услышать каждый свое имя. Наша масса таяла, точно снѣговая гора подъ лу-

чами ласковаго солнышка; но, растаявъ на половину,—остановилась. „Господинъ старшій“ собралъ свои бумаги и всталъ изъ-за стола.

— А вы чего стоите? Вамъ куда?—обратился онъ къ намъ.

— Какъ куда? На Сибирь!

— На Сибирь,—протянулъ онъ.—Эге, придется вамъ подождать.

— Почему? Не можетъ быть,—не хотѣли мы вѣрить, чувствуя какъ ясное солнышко радости закатывается и въ груди становится холодно.

— Да, придется подождать. На Сибирь отмѣнены этапы. Теперь перевозятъ войска,—объяснилъ солдатъ.

Ахъ, эта проклятая война, опять ударила по незажившей ранѣ! А мы, было, пожелали „ледднику“ быть пустымъ во всѣ дни до скончанія вѣка! Стало жутко и нехорошо на сердцѣ.

— Заходи въ камеру!—уже злымъ недругомъ зарычалъ голосъ того же надзирателя.

И побрели обиженные, сразу ослабѣвшіе, лишніе люди въ сырой, грязный, мокрый, холодный, вонючій, инквизиціонный, русскій застѣнокъ, влача за собою котомки. Бросили вещи на полъ и усталые опустились на нихъ. Еврей, нѣмецъ и политическій ушли на этапъ, но вмѣсто ихъ, въ камеру вошли три мальчика-добровольца, которыхъ по этапу съ войны возвращали на родину. Бѣдные патріоты уткнулись въ углу и горько по-

дѣтски рыдали. Гдѣ то ты, нѣжная, материнская рука, чтобы осушить эти слезы! У насъ не было словъ для утѣшенія...

Когда теперь путь освободится? Выдержимъ ли мы въ этомъ холодѣ? О, война, война, какая ты злая штука! Чрево твое ненасытное съ того дня, какъ Каинъ поднялъ руку на брата своего Авеля...

Но въ смущенномъ сердцѣ уже шепталъ тихій голосъ: Не заботьтесь ни о чемъ, но *всегда*, всегда, всегда въ молитвѣ и прошеніи съ благодареніемъ открывайте свои желанія предъ Богомъ! Вѣрующій призванъ въ жизни: *всѣ* заботы возложить на Господа, *всегда* молиться и *за все* благодарить. Смертная тѣнь падала на душу нашу, но въ затихшей груди уже загоралась надежда, крѣпла вѣра и неслась молитва къ Тому, Кто сказалъ: „Я знаю скорби ихъ“...

Озлобленные страданіями окружавшіе насъ узники сквернословили. Весь обликъ ихъ говорилъ о томъ, какъ горька капля горя людского! Но если эти капли жгучія собрать вмѣстѣ со всего міра? Ужъ ни оттого ли въ моряхъ вода горько-соленая?!.

VI.

Путь все занятъ!

Съ какимъ восторгомъ малыши вздуваютъ чрезъ соломенку мыльные пузыри и во всѣ легкія стараются одинъ передъ другимъ. „Мой лучше“!— кричитъ одинъ изъ творцовъ пузырей. „Нѣтъ,

мой больше"!—возражаетъ другой и оба довольны оба веселы. А рожденные изъ капли воды мыльные шары медленно подымаются вверхъ, красиво отражая тонкій узоръ цвѣтовъ радуги, плывутъ по воздуху и лопаются; рождаются и умираютъ, и на ихъ мѣсто появляются новые...

Такимъ мыльнымъ пузыремъ лопнула подъ тюремной крышей и наша мечта о грядущемъ освобожденіи. Мечты и ожиданія—часто тѣ-же мыльные пузыри, красивы видомъ и увлекательны весьма, но содержимое—пустота, лопнулъ и нѣтъ ничего...

Неизвѣстность и неопредѣленность положенія погребла насъ заживо, засыпала мракомъ волнующимъ. И сразу дали себя почувствовать таившіяся недуги и болѣзни.

— Грудь болитъ!—стоналъ одинъ.

— Голова болитъ!—охалъ другой.

— Шеи не могу повернуть!—жаловался третій.

— Ой, горюшко мое!—мучительно и долго кашлялъ четвертый, вытирая слезы на глазахъ.

Всѣхъ хоть сейчасъ въ больницу отправляй, да и было надъ чѣмъ задуматься. Зеленоватый нездоровый цвѣтъ покрылъ лица нѣкоторыхъ, глаза потускнѣли, пропалъ аппетитъ, все—дурные признаки. Тревожилъ вопросъ:

— Выдержимъ ли?

Дѣти-добровольцы, милые мальчики, скоро успокоились и, обласканные нами, разсказали о своихъ

мытарствахъ. Изъ Сызрани они въ солдатскомъ поѣздѣ отправились „воевать съ нѣмцемъ", но на полдорогѣ ихъ изловилъ жандармъ. Съ этой минуты начались для дѣтей не дѣтскія страданія. Горя и нужды хватили довольно и слезъ пролили много. Отощали, исхудали и жаловались на боль въ горлѣ. Въ тюрьмѣ эти воины исполняли самыя грязныя работы: выносили нечистоты, чистили уборную, мели, мыли и натирали суконкой полъ въ коридорѣ и т. д. Къ намъ они привязались и все время старались быть вблизи...

Въ большой сосѣдней камерѣ нѣкоторые заболѣли тифомъ, инфлуэнціей, воспаленіемъ легкихъ. Наконецъ, на это обратило вниманіе и начальство и рѣшило жаровнями осушить мокрыя стѣны. Всѣхъ насъ перевели въ старый корпусъ тюрьмы. Небольшія „горницы" со сводами оказались сухими и теплыми. Мы обрадовались такому „счастью" и переселялись, навѣрно, быстрѣе, чѣмъ состоялся выходъ евреевъ изъ Египта. Послѣднія сутки въ холодильникѣ было какъ то особенно тяжело. И вдругъ—о, чудо!—можно было снять теплыя одежды, можно было сѣсть на скамью, можно было положить хлѣбъ на столъ. Все это мелочи; но изъ мелочей состоитъ земная жизнь—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, мелочи становятся особенно желанными, когда ихъ не даютъ, умышленно лишаютъ васъ. Всѣ эти рѣзкія лишенія, конечно, непоколебали нашего убѣжденія, но, когда бьютъ—больно

и хочется кричать! Современный же тюремный режимъ, это—тонкое, продуманное, жестокое издѣвательство надъ личностью, гдѣ на каждомъ шагу вамъ даютъ почувствовать, что вы не Михаилъ Даниловичъ Тимошенко, а пересылаемый, подслѣдственный, уголовный, административный, политическій, крѣпостникъ, лишенецъ правъ—ротникъ, каторжанинъ разнаго ранга, а всѣ въ общемъ—собственность государства за нумеромъ такимъ-то.

Съ переходомъ въ новое жилищѣ, мы избавились отъ холода и вообще въ отношеніи къ намъ произошелъ рѣзкій переломъ къ благорасположенію и постепенному ослабленію изъ неволи. Первые дни въ одной камерѣ насъ помѣщалось душъ двадцать. Завязалось новое знакомство, появились новыя впечатлѣнія и возникали новыя бесѣды. Выдѣлялся своей разнузданностію и пошлой болтовней одинъ еврей-солдатъ, возвращаемый на фронтъ. Его разсказамъ объ удалыхъ и порочныхъ похожденіяхъ не предвидѣлось конца. Везъ съ собой онъ ножъ—бритву и постоянно чистилъ подбородки заключеннымъ.

— Отъ Читы везу и не могутъ найти!—хвастался онъ.

Какъ-то вечеромъ мы говорили со всѣми о правдѣ, добрѣ, чистотѣ и потомъ объ Источникѣ всякаго добра—Іисусѣ Христѣ. Солдатъ затихъ и слушалъ внимательно. Затѣмъ въ отдѣльности бесѣдовали съ нѣкоторыми и молились. Было предложено и

еврею отдать свое сердце Господу. Онъ согласился, но волновался такъ, что ничего не могъ сказать и только повторялъ слова молитвы брата. Остальное время велъ себя скромно и попросилъ, чтобы ему записать молитву на бумагу.

— Когда уѣду, буду молиться по запискѣ, а то самъ я вѣдь ничего не умѣю,—объяснилъ онъ свою просьбу.

Прошла еще недѣля и насъ на этапъ не вызвали.

— Путь все занятъ!—объяснили намъ.

Но волненія и недовольства уже не было, мы облеклись въ броню терпѣнія на новые дни прозябанія въ гостепріимномъ домѣ. Впрочемъ время не проходило безъ пользы. Изъ нашей камеры были удалены всѣ „посторонніе", стало свободно и удобно заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ Слова Божія. Въ опредѣленные часы принялись за разборъ ев. отъ Іоанна. Матеріалъ былъ богатый, каждый изъ участниковъ могъ говорить много и долго и поэтому за вечеръ едва управлялись съ однимъ стихомъ.

Воплощенное Слово было близко и дорого возрожденному сердцу. Слово—Логосъ, непонятное для міра, ясно выражало сущность единаго Посланника, Посредника, Вѣстника, Голоса, Сына Божія, „Свѣта отъ Свѣта", Рожденнаго безъ зарожденія, Души и Разума вселенной, Истины, Пути и Жизни. Единый Богъ-Логосъ существовалъ существуетъ и будетъ существовать и раз-

сѣивалъ, или изливалъ и будетъ разсѣивать Свою божественную сущность, божественную мудрость, свой Логосъ, Свой Голосъ, Свое Слово, Свою лучистую энергію, Свое призваніе сыновъ человѣческихъ и усыновленіе ихъ Собою Отцу... И душа наша была станціей безпроволочнаго телеграфа, пріемникомъ лучей утѣшенія, подкрѣпленія, согрѣванія и направленія духа, души и тѣла отъ Престола Благодати вѣчнаго Отца. Молитвою и пѣснію хвалы Богу нашему заканчивались эти собранія.

Приближались Рождественскіе праздники. И памятуя древній обычай на Руси,—въ такіе дни облегчать участь узниковъ, мы рѣшили послать телеграмму Одесскому генералъ-губернатору Эбѣлову съ просьбой разрѣшить намъ ѣхать до мѣста назначенія на свой счетъ. Толковали долго, составили нѣсколько черновыхъ и, наконецъ, порѣшили на одной: „Его высокопревосходительству господину Одесскому генералъ-губернатору. Умоляемъ именемъ Господа разрѣшить намъ ѣхать на свой счетъ,—евангельскіе проповѣдники: Кравченко, Бѣлоусовъ, Филиповичъ, Тимошенко, Любекъ, Албуловъ, Назаренко, Горѣликъ, Жакъ“.

Другую телеграмму составили братьямъ, чтобы на случай разрѣшенія, выслали намъ деньги на дорогу.

Казалось простымъ и яснымъ одно: какой смыслъ держать насъ въ тюрьмѣ, если мы и сами

можемъ доѣхать до мѣста назначенія? Задержка здѣсь можетъ затянуться, притомъ, вѣдь не преслѣдуется же цѣль мстить намъ за что-то, слѣдовательно: должны разрѣшить!

Возникалъ новый вопросъ: какъ послать телеграммы? Избрали депутацію къ начальнику тюрьмы, Кравченко и Албулова. Первый, въ черномъ сюртукѣ, былъ представительнымъ посломъ, второй своимъ изнуреннымъ видомъ старца долженъ былъ смягчить сердце начальника. На повѣркѣ изложили просьбу и на слѣдующій день послы отправились.

Чрезъ трое дверей прошли въ контору, гдѣ занимались два помощника. Въ ожиданіи пріема, делегаты скромно стояли у двери и разсматривали обстановку. На стѣнѣ замѣтили портретъ убитаго Максимовскаго. Кравченко громкимъ шепотомъ замѣтилъ:

— Смотри, Михаилъ Михайловичъ, вонъ портретъ нашего брата.

— Какого брата?—вмѣшался удивленный помощникъ.

— Да, брата. Это вѣдь покойный Максимовскій?

— Онъ самый.

— Я зналъ его лично. Онъ такъ же вѣрилъ Господу, какъ и мы, и былъ нашимъ братомъ.

Такое сродство съ важной въ тюремномъ мірѣ личностью имѣло значеніе. Просьба получила удовлетвореніе и кромѣ того получили разрѣшеніе пользоваться за деньги больничнымъ обѣдомъ и

книгами изъ тюремной библіотеки. Но „обѣды", по четвертаку каждый, появлялись лишь четыре раза; наши зубы отказались отъ работы надъ „больничнымъ" мясомъ, отступая передъ подметочной крѣпостью. Тогда попросили новое разрѣшеніе самимъ готовить себѣ обѣдъ и поручили это неизмѣнному „добродѣтелю" Павлу Тимофеевичу. Вышло хорошо, дешево и сытно. Телеграммы наши, пролежавъ недѣлю у прокурора, наконецъ, помчались по проволокѣ стучать въ сердце генерала.

Еще изъ „ледника" была послана открытка проживавшему въ Курскѣ Ѳ. Е. Цымбалу. Получилъ онъ ее чрезъ двѣ недѣли и поспѣшилъ къ намъ. На свиданіе вызвали меня одного. За второй рѣшеткой стояли гость и помощникъ. Брата Цымбала я узналъ, хотя и видѣлся съ нимъ еще въ дѣтствѣ.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Евдокимовичъ!

— Здравствуй, дорогой братъ,—отвѣтилъ онъ.

Вкратцѣ передалъ ему о причинахъ ареста, познакомилъ съ составомъ нашей группы и выяснилъ причину нашей задержки.

— Конечно, начальствомъ мы довольны,—повѣствовалъ я, посматривая на кричавшаго на насъ помощника.—Смотрятъ за нами хорошо, оказываютъ вниманіе. И вообще намъ *теперь* хорошо, хотя было бы лучше, если бы мы могли ѣхать дальше.

Ѳ. Е. посвятилъ меня въ новости своей жизни, замѣтилъ, что добиться свиданія было довольно

трудно, помогъ одинъ другъ, сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія изъ Слова Божія и освѣдомился о нашихъ нуждахъ.

— Пора уходить,—замѣтилъ помощникъ и мы простились.

Подробный и обстоятельный разсказъ и по-русски и по-нѣмецки пришлось повторить моимъ союзникамъ нѣсколько разъ: что говорилъ Ѳ. Е. и что говорилъ я и т. д. Это посѣщеніе брата очень ободрило всѣхъ, когда же принесли подарокъ: бѣлый хлѣбъ, сало, сельди, чай, сахаръ, полотенца, расческу, густой гребень, мыло, одѣяло, то ликованіе наше разсмѣшило надзирателя. Одѣяло я взялъ себѣ, легъ и сейчасъ же „примѣрялъ“, пришлось великолѣпно. Кстати, нужно замѣтить, что мы уже устроились на удобныхъ койкахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ, съ натянутымъ брезентомъ. Спалось куда лучше, чѣмъ на полу!

Чрезъ день разрѣшалось дышать свѣжимъ воздухомъ. Ходили по большому двору кругомъ, а бдительное око слѣдило у дверей. Видны были окна казармы, гдѣ застывала кровь наша. Въ сторонѣ арестанты пилили дрова. Снѣгъ пріятно скрипѣлъ подъ ногами. Каждый разъ Филиповичъ разбрасывалъ по снѣгу остатки хлѣба и птицы небесныя: грачи, вороны, голуби и воробьи слетались стаями на даровой обѣдъ. Смѣшилъ жадный грачъ: онъ не довольствовался однимъ кускомъ, а старался захватить нѣсколько сразу, но это ему не всегда

удавалось. Позже, при нашемъ появленіи, птицы слетались тучей и ждали угощенія. Слѣдя за ихъ вольнымъ полетомъ черезъ запретную стѣну, невольно думалось:

— Вотъ, если бы мнѣ крылья!..

Какъ то во время прогулки появился помощникъ.

— Смирно! Шапки долой!—провозгласилъ надзиратель.

Арестанты—пильщики сдернули свои безкозырки и стояли, пока онъ не скрылся. Мы дружно махнули ему шапками, но онъ уже кивалъ рукой, чтобы одѣвали свои уборы. Проходя коридоромъ, замѣтили надпись: „Карцеръ“ и знакъ мѣломъ „1“. Кто то тамъ дрожалъ въ этакую стужу!

Тюремный священникъ выдалъ нѣсколько книгъ. И, перечитывая Тургенева, духъ мой иногда силою творческаго таланта уносился за тюремную стѣну, къ тѣмъ героямъ, которые и на свободѣ стѣнали подъ гнетомъ нужды и скорбей крѣпостного права.

Наша „позолоченная клѣтка“ давала себя чувствовать; духъ жаждалъ свободы, рвался на волю. Вспоминалась дѣтская пѣсенка:

„Нѣтъ не пустимъ, птичка, нѣтъ,
Оставайся съ нами!
Мы дадимъ тебѣ конфетъ,
Чаю съ сухарями!“

Но птичкѣ дороже всего была свобода:

„Ахъ конфетъ я не клюю,
Не люблю я чаю.

Въ полѣ мошекъ я ловлю,
Зернышки сбираю!..."

Неволя—исчадіе смерти, свобода—дитя жизни. Христосъ тоже, вѣдь, пришелъ отпустить измученныхъ на свободу. Поэтому любовь къ Спасителю соединена съ любовію и къ свободѣ духа и тѣла—храма Его!.. Мы все чаще думали:

— Когда же придетъ отвѣтъ на телеграмму?

Второй помощникъ нѣсколько разъ распрашивалъ насъ объ упованіи и удивлялся отвѣтамъ. Въ его ограниченномъ сознаніи не укладывались богатыя истины Евангелія, но любознательность походила на молодую травку, которая пробивалась чрезъ щели каменныхъ плитъ городского тротуара. „Каменный" укладъ тюремнаго быта не могъ заглушить въ немъ побѣговъ устремленія къ жизненной правдѣ. И для Слова Божія нигдѣ нѣтъ узъ...

О нашей способности „совращать" по тюрьмѣ ходили преувеличенные слухи. По этой причинѣ, кажется, насъ совершенно изолировали отъ остальныхъ заключенныхъ. Но особенно это бросилось въ глаза при слѣдующемъ случаѣ.

Какъ-то передъ вечеромъ пожаловалъ помощникъ и, добродушно улыбаясь, говорилъ:

— Ничего, ничего, господа, сидите,—хотя мы продолжали стоять.—Вотъ я привелъ къ вамъ мальчишку—сироту, пусть переночуетъ у васъ здѣсь. Вы, конечно, примите?

Появился маленькій оборванецъ, лѣтъ семи, грязный, съ ручейками подъ носомъ. Мать его умерла, отецъ на войнѣ и мальчика теперь по этапу препровождали въ Харьковъ къ родственникамъ.

— Но надѣюсь, господа, что вы того...—загадочно протянулъ помощникъ и остановился.

— Что „того?"

— Ну, понимаете, надѣюсь, что вы не совратите его въ вашу вѣру, въ баптисты?

— Обѣщаемъ, что не совратимъ,—разсмѣялись мы.

— Да, да, я хотѣлъ предупредить васъ и прошу.

Ребенокъ уже оказался развращеннымъ и „совращеннымъ" тлетворной средой порока, пропитаннымъ ядомъ до мозга костей.

— Хотся покулить,—сплевывалъ онъ чрезъ зубы, какъ большой, разсказывая о себѣ.

— И ты уже куришь?

— Узе давно,—слѣдовалъ гордый отвѣтъ.

Онъ снялъ рубаху и началъ ловко бить безчисленныхъ насѣкомыхъ. Худое тѣльцо было въ прищахъ. Въ это время принесли ему новую рубаху и портки; онъ радостно нарядился въ чистое бѣлье и сожалѣлъ, что недостаетъ еще сапогъ хорошихъ. Послѣ повѣрки мальчикъ взялъ одну изъ нужныхъ намъ скамей, поставилъ у печи и свернулся на ней комочкомъ. Когда потребовалось взять скамью для койки, ему хотѣли поставить

другую, но онъ не пожелалъ встать. Всѣ уговоры и увѣщанія разбились о скалу упорства. Пришлось поднять малыша и перемѣнить скамью. Но онъ вдругъ принялся дрыгать ногами и кричать:

— Я помоснику сказу!

Началъ стучать въ двери. Подошелъ надзиратель, выслушалъ его жалобу на всѣхъ и накричалъ на забіяку. Тогда парнишка забился въ уголъ и, злобно поблескивая глазенками, долго хныкалъ и ругался. Издали походилъ на дикаго звѣрька. Становилось тяжело и непріятно при видѣ такой ожесточенности дѣтской души. Всѣ уговоры и подарки не хотѣлъ признавать. Что выйдетъ изъ такого ребенка? Вѣдь это—прямой кандидатъ въ тюрьму, и смѣшными казались слова помощника: „Смотрите, не совратите!“

На другой день юнецъ такъ и ушелъ „несовращеннымъ“ и непримиреннымъ съ нами, хотя мы уже и заискивали предъ симъ „гражданиномъ“. По всему фронту наше „совращеніе“ потерпѣло пораженіе!..

И еще разъ прошелъ этапъ и снова было объявлено:

— Путь все занятъ!

Но безъ отвѣта отъ генералъ-губернатора мы и сами не хотѣли ѣхать. Огонекъ надежды еще слабо свѣтился въ груди и готовъ былъ погаснуть каждую минуту.

Наступилъ сочельникъ. Всю тюрьму скребли и мыли; полы на коридорахъ натерли воскомъ до блеска отшлифованнаго мрамора. И видъ этой уборки толкалъ мысль къ родному шатру, напоминалъ былые дни предпраздничныхъ приготовленій. Сколько хлопотъ и работы! Дѣтская елка, праздникъ хора, частыя собранія, посѣщенія... Но все это—тамъ, за стѣной, теперь же мой удѣлъ—покой и размышленія о противорѣчіяхъ жизни людей съ завѣтами рожденнаго въ міръ Младенца. Гдѣ миръ возвѣщенный хоромъ небожителей? И особенно въ эти дни нашей жизни!..

По коридору неслось пѣніе хора любителей-арестантовъ, готовившихся къ празднику. Обязанности регента исполнялъ промотавшійся банковый кассиръ. И эти звуки гимновъ напоминали о такомъ же стараній нашего общиннаго хора, который подъ „большимъ секретомъ" (хотя мнѣ и извѣстномъ) готовился въ первый день праздника нагрянуть рано утромъ ко мнѣ на квартиру съ поздравленіемъ... Вотъ торжественное, красивое пѣніе „Тихая ночь, дивная ночь" неожиданно вливается въ сонное сознаніе и пріятно нѣжитъ слухъ. Но потомъ сознаніе вдругъ оживаетъ: открываешь глаза, прислушиваешься и, убѣдившись, что это не сонъ, быстро подхватываешься и выходишь ко всѣмъ. Двѣ—три свѣчи слабо выдѣляютъ общую группу пѣвчихъ, улыбающихся, довольныхъ своимъ нашествіемъ, милыхъ братьевъ и сестеръ.

Поемъ уже всѣ вмѣстѣ, еще и еще, похожіе на таинственныхъ заговорщиковъ, но въ дѣйствительности близкіе, родные, въ одномъ упованіи слитые работники Предвѣчнаго, „заговорщики“ противъ грѣха... И съ умиленнымъ сердцемъ провожалъ я пѣвчихъ, намѣтившихъ для посѣщенія еще нѣсколькихъ „жертвъ“. Да, это было въ прошломъ году, а теперь?.. Надзиратель принесъ газетку, гдѣ равнодушная телеграмма отмѣчала, что въ Одессѣ всѣ собранія закрыты. Это нужно было ожидать и ясно представлялась печаль и уныніе всѣхъ дѣтей Божіихъ...

Въ ночь подъ Рождество мы тихо собрались вокругъ Слова Божія, прочитали дивную повѣсть о рожденіи Младенца Іисуса и въ необычной обстановкѣ со знакомыхъ страницъ повѣяло новой силой, духъ нашъ унесся въ Виѳлеемскую пещеру, вмѣстѣ съ пастухами склонился предъ яслями, побывалъ на полѣ у костра, внимая пѣнію Ангеловъ и грудь преисполнилась благодарностію Спасителю. Никто не хотѣлъ что-либо добавлять отъ себя, но всѣ мы стали на колѣни и молились. Непослушныя слезинки скатывались по лицу, соединивъ въ себѣ радость возрожденнаго свыше духа и печаль по плоти въ разлукѣ съ близкими... Полнымъ покоемъ заполнилась наша душа, ибо—Онъ былъ здѣсь!

Ночь прошла въ мирныхъ сновидѣніяхъ.

На утренней повѣркѣ тюремная администрація

сіяла въ полной парадной формѣ. Румяный помощникъ въ новомъ мундирѣ былъ великолѣпенъ. На коридорѣ праздничность выдѣлялась тремя признаками: замѣчалось большое движеніе надзирателей при медаляхъ, носы нашихъ сторожей покраснѣли болѣе обыкновеннаго и вдоль всего коридора тянулась бѣлоснѣжная дорожка, по которой арестантамъ не разрѣшалось ходить, чтобы не испачкать.

Въ полдень братъ Ѳ. Е. Цымбалъ вызвалъ на свиданіе троихъ: Бѣлоусова, Назаренко и Кравченко, которые затѣмъ торжественно внесли въ горницу рождественскій гостинецъ. И еще въ этотъ день мы много пѣли сверхъ положеннаго, пока не наступили сумерки.

На слѣдующій день получили предложеніе посѣтить тюремную церковь. Стройными рядами стояли молящіеся подъ наблюденіемъ начальства. Намъ нашлось мѣстечко позади всѣхъ. Среди пѣвчихъ выдѣлялся могучій басъ, покрывавшій собою весь хоръ. Красивые звуки молитвы неслись надъ головами, ударялись въ стѣну и разбивались объ оконныя рѣшетки. Довольный своимъ успѣхомъ, обладатель сильнаго баса, украдкой поглядывалъ на своихъ товарищей и подмигивалъ имъ. Нѣсколько женщинъ въ арестантскихъ халатахъ стояли особо. Всѣ какъ по командѣ. разомъ кланялись, опускались на колѣни, вставали и крестились. И только лязгъ кандаловъ нарушалъ обы-

чный порядокъ установленнаго богослуженія, звукъ которыхъ не вязался съ пѣніемъ „Іисусу Сладчайшему“. Мелькавшая бѣлая, блестящая риза священника тоже не сливалась съ сѣрымъ фономъ арестантскихъ куртокъ. Смотрѣлъ я на широкія и узкія, согбенныя и стройныя спины заключенныхъ, на ихъ стриженные затылки, и думалъ: что этихъ блудныхъ сыновь привело сюда? Какія глыбы давять ихъ духъ? И гдѣ витаютъ ихъ мысли?.. Но спокойныя блѣдныя лица ничего не выражали, замкнутыя въ себѣ.

Нами тоже всѣ интересовались и надзиратели шептались сбоку:

— Вонъ бахтистскіе попы пришли!

При выходѣ помощникъ спросилъ меня:

— Почему вы не креститесь рукою?

— Въ Словѣ Божіемъ нѣтъ на это указаній.

— Но какъ же вы молитесь?—допрашивалъ онъ.

— Обыкновенно мы складываемъ руки,—показалъ я,—причемъ—установленной формы нѣтъ. Господь молился стоя, на колѣняхъ, падая ницъ. Но главное ни въ этомъ, какъ мы исполняемъ обрядъ молитвы, а въ томъ, какъ мы молимся въ сердцѣ и служимъ Богу жизнію. Поклоняться Богу нужно въ духѣ и истинѣ...

—Да, да, понимаю, понимаю,—замѣтилъ онъ, направляясь къ выходу.

— Скоро придетъ батюшка съ молитвою,—объявилъ дежурный,—вы приготовьтесь.

Албулова вдругъ затрясло въ жестокой лихорадкѣ. Уложили его на койку и укрыли потеплѣе. И въ это время въ дверяхъ появился священникъ въ облаченiи въ сопровожденiи помощника и стражи.

— Здравствуйте, господа,— произнесъ онъ съ симпатичной улыбкой.

И на нашъ поклонъ спросилъ:

— Позволите прославить Христа?

— Пожалуйста, пожалуйста!—дружно грянули мы.

Священникъ прошелъ впередъ къ иконѣ и запѣлъ „Рождество Твое, Христе, Боже нашъ". Ему вторилъ кассиръ—регентъ.

— Куда васъ отправляютъ?—спросилъ онъ, кончивъ молитву.

— Въ Томскую губернiю. Мы наставника инославнаго...

— Знаю, знаю и объ этомъ не спрашиваю. До свиданiя.

— А этотъ чего лежитъ?—указалъ помощникъ грознымъ перстомъ на занемогшаго.

— Сильно боленъ,—отвѣтилъ я.

— Но когда пришелъ священникъ, онъ долженъ встать! Почему онъ лежитъ?

— Конечно, долженъ, но не можетъ, заболѣлъ вдругъ.

— Я вотъ ему покажу „боленъ"! Вотъ отправлю въ карцеръ на семь сутокъ на хлѣбъ и воду... Вы не смотрите, что я хорошо обращаюсь съ вами,

я вѣдь могу и перемѣниться... Оселъ этакій!—бросилъ онъ въ сторону Албулова и вышелъ.

Да, перемѣна всегда возможна—это мы знали хорошо и насторожились. Бѣдный больной совсѣмъ расхворался отъ такой грозы. Вотъ тебѣ и „возсіяло Солнце правды“, какъ только-что пѣлъ батюшка!.. Обѣдъ прошелъ въ грустномъ молчаніи; разныя думы бороздили голову. Все ждали, когда придутъ брать въ карцеръ острожника безвольнаго? Совѣтовали ему одѣваться потеплѣй.

Подъ вечеръ пришелъ парень изъ тюремной больнички и, подавая термометръ, заявилъ:

— Кто у васъ тутъ больной, на вотъ, помѣряй жару.

Температура оказалось повышенной и на слѣдующее утро тотъ же арестантъ принесъ франзоль и бутылку молока.

— Это больному вашему назначено для поправки.

— Видно, молокомъ хотятъ залить „осла“,—повеселѣли всѣ, довольные такимъ неожиданнымъ концомъ бѣды.

Больной же совсѣмъ оправился и сіялъ лучами солнышка, похлебывая молоко, которое получалъ до самаго отъѣзда. Горькое обрѣло сладость!.

— Получайте новаго гостя,—произнесъ надзиратель, открывая дверь.

Въ камеру вошелъ элегантно одѣтый молодой еврей и возбужденно разсказалъ о своемъ злосчастьѣ. Живетъ въ Кіевѣ, гостилъ въ Воронежѣ

у дяди, уѣзжая домой, на время взялъ у кузины бриллiанты. Теперь по телеграфному сообщенiю изъ Воронежа, его арестовали въ поѣздѣ и возвращали обратно на дознанiе по жалобѣ дяди въ сыскное отдѣленiе. Скоро пустая жизнь свободнаго художника во всѣхъ подробностяхъ стала общимъ достоянiемъ. Заговорили съ нимъ и о Христѣ.

— Знаете, господа,—говорилъ онъ позже,—первою мыслiю при арестѣ у меня было—повѣситься. Это вѣдь такой позоръ! Но теперь я благодарю судьбу, что попалъ сюда къ вамъ. Никогда и не думалъ, чтобы въ этихъ стѣнахъ было такое богатство мысли и духовныхъ запросовъ.

Черезъ три дня онъ уѣхалъ спокойнымъ, обѣщая служить Господу. Изъ Воронежа написалъ, что недоразумѣнiе выяснилось и все кончилось хорошо.

Былъ и еще одинъ юноша изъ Москвы. Просидѣлъ подъ слѣдствiемъ годъ, считалъ себя невиновнымъ и ожесточился на людей.

— Я ободрился и ѣду спокойно на судъ. Вы благотворно повлiяли на меня. Счастливые—вѣрующiе!—говорилъ онъ на прощанiе.

Тюремный отдыхъ кончился, праздники миновали и снова будни на все наложили свою печать. Насъ перевели въ другую такую же чистую и теплую камеру на коридоръ подслѣдственныхъ, гдѣ царила особая строгость и таинственность. Общенiя между камерами содержимыхъ не допус-

калось. Выходить можно было только два раза въ день. Но наша популярность и средства открывали доступъ всякаго рода попущеніямъ. Подымаясь во второй этажъ, черезъ ограду можно было наблюдать рѣдкихъ прохожихъ на окраинѣ города. И какой-нибудь мужичекъ въ лаптяхъ и дырявомъ зипунѣ, подпрыгивая на холодѣ, и не подозрѣвалъ, что своей захудалой персоной вызываетъ чувство зависти въ „гражданахъ" за рѣшеткой! Иногда солнце скрывалось за лѣсомъ—красное-красное.

— Солнце краснѣетъ, вспоминая о томъ, что оно видѣло за день на землѣ!—философствовали мы.

— Нѣтъ, это его обрызгало кровью воюющихъ!..

Передъ Крещеніемъ еще разъ заходилъ священникъ, прочиталъ молитву, окропилъ камеру водою и молча вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вскорѣ пожаловалъ тюремный инспекторъ. Вошелъ онъ въ вицмундирѣ, съ аккуратно выбритыми щеками и подбородкомъ. „Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ, со взоромъ кроткимъ безъ границъ, полуопущеннымъ къ землѣ, съ печатью тайны на челѣ". Сопровождаемый тюремной свитой, онъ покровительственно оглянулъ всѣхъ и бросилъ равнодушно и небрежно:

— Здорово!

— Здравствуйте!—раскланялись всѣ мы.

— Кто такіе?—вскинулъ онъ очами на начальника тюрьмы и снова оглядѣлъ наши черные парадные сюртуки.

— Сектантскіе наставники, высылаются въ Сибирь, но этапъ пріостановленъ. Въ пересыльной начались заболѣванія и я помѣстилъ ихъ здѣсь,— докладывалъ начальникъ.

Инспекторъ прошелъ по чисто-выметенному полу, оглядѣлъ койки и подошелъ къ полкѣ съ провизіей.

— Это что такое?

— Сельди,—скромно заявили мы.

У дверей онъ взглянулъ на градусникъ и молвилъ:

— Однако, здѣсь тепло,—и, направляясь къ печи, осторожно приложилъ руку и быстро отдернулъ, хотя на этотъ разъ печь была и холодная.

Нѣкоторое смущеніе проявилось на начальствующемъ лицѣ, но подчиненные ничего „не замѣчали" и стояли смирно. Выходя послѣднимъ, помощникъ обернулся и весело подмигнулъ намъ. Дверь захлопнулась и кто то изъ насъ важно прошествовалъ отъ градусника къ печи и поинспекторски приложилъ и отдернулъ руку. Напыщенность, преисполнившая сего начальника, достойна была смѣха...

Но всѣ эти „мелочи" подневольнаго быта не могли заглушить большого вопроса объ отвѣтѣ на нашу телеграмму. Что то долго нѣтъ отвѣта? Да и общій кассиръ заявилъ, что деньги на исходѣ, еще на одинъ день хватитъ на обѣдъ, а тамъ придется перейти на казенный паекъ; чай, сахаръ и пр. тоже на донышкѣ. Нашъ „хлѣбодаръ", Павелъ

Тимофеевичъ, тоже поостылъ въ рвеніи, видя грядущее банкротство своихъ питомцевъ. Вообще, всѣ обстоятельства наводили на различныя размышленія, которыя и слагались у ногъ Господа.

И какъ то въ полдень Албулова потребовали въ контору. Зачѣмъ, почему? Догадкамъ и предположеніямъ не было конца; наше любопытство превышало возбужденность дѣтишекъ, ожидающихъ, когда ихъ позовутъ „на елку“. Но вотъ появился сіяющій, торжествующій М. М. и объявилъ радостно:

— Лидочка пріѣхала, а къ брату Любеку-зять. Передала всѣмъ и отъ всѣхъ привѣтъ, привезла письма, деньги, провизію, вещи...

И въ подтвержденіе сихъ утѣшительныхъ словъ надзиратель уже тащилъ обильную дань любви; все оказалось вкусно и благопотребно. Неожиданное свиданіе съ дочерью черезъ двѣ рѣшетки было такъ кратко и отрывисто, что Албуловъ и не могъ узнать всѣхъ новостей, кому и какія привезены вещи. Дѣло въ томъ, что поспѣшное бѣгство изъ Одессы лишило многихъ изъ насъ возможности запастись теплыми вещами для суровой Сибири и объ этомъ думалось не разъ. Теперь же М. М. зналъ, что вещи имѣются для двоихъ, Любека и Горѣлика, а за остальныхъ ничего не могъ сказать. Да еще узнали мы, что просьба наша генералъ-губернаторомъ отклонена. Отвѣта же не послѣдовало по той причинѣ, что нами было уплачено только за десять словъ.

— Жаль, что генерала и именемъ Господа не проймешь! Да будетъ воля Божія!—замѣтили мы, уже освоившись съ создавшимся положеніемъ.

На слѣдующій день Любекъ и Албуловъ увидѣлись съ своими близкими, намъ же въ вознагражденіе за отсутствіе нашихъ родныхъ, принесли теплыя вещи, бѣлье, подушки, одѣяла и т. д. Всѣ вдругъ оказались богатыми, ликовали и при появленіи новаго узла кричали „Ура!“ Что о насъ помнили—свидѣтельствовали вещественныя доказательства.

— Барышня спрашиваетъ, не нужно ли еще что купить? - спросилъ надзиратель.

Написали на записку кое-что, я себѣ-валенки. И вечеромъ мы умиленно и долго вспоминали наши семьи и друзей. За окномъ же завывалъ морозный вѣтеръ и зябла отъ стужи стража...

И еще разъ гости прибыли въ темницу съ нотаріусомъ для выдачи нужныхъ довѣренностей. Албуловъ передалъ дочери прошеніе въ Петроградъ сестрѣ Ч. и, сидя рядомъ, долго бесѣдовалъ съ нею по душамъ. Любекъ же отъ зятя получилъ въ рукавъ пятьдесятъ рублей, кромѣ тѣхъ, которые были сданы на наше имя въ контору и которые попали въ руки только черезъ полгода.

Наконецъ, милые гости уѣхали и мы принялись за дѣятельную подготовку въ путь. На этотъ разъ дорога уже освободилась. И на радостяхъ хотѣлось подѣлиться „избыткомъ“ богатства съ подъ-

яремными спутниками въ пересыльной, которые снова находились въ „ледникѣ" и къ которымъ никто не пріѣзжалъ. Среди нихъ были симпатичныя лица, особенно между каторжанами. Исходатойствовали разрѣшеніе и заказали сто булокъ и десять фунтовъ сахару.

Въ день отъѣзда надзиратель принесъ намъ ножницы, машинку и бритву. Камера превратилась въ образцовую парикмахерскую. Еще до этого была попытка ножомъ содрать отросшія бороды. Но рискнувшій смѣльчакъ, Адельсбергеръ, искровянилъ себѣ лицо и потомъ долго мазался цинковой мазью,—единственнымъ лѣкарствомъ въ камерѣ. Теперь же всѣ подмолодились на славу и даже переусердствовали на затылкахъ.

— Ничего, отрастетъ, пока доѣдемъ,—утѣшали себя.

Расплатились, гдѣ было нужно, простились съ пріютившей насъ хижиной и въ два часа ночи гуськомъ побрели на тотъ же коридоръ, гдѣ страдали три недѣли тому назадъ. Пройдя чистилище, стали въ ряды и приготовились къ шествію.

— Получили булки?—поинтересовались узнать.

— Какія булки? Нѣтъ.

Пошли разслѣдовать и корзину съ хлѣбомъ извлекли изъ какихъ то тайниковъ. Роздали на дворѣ при свѣтѣ факела. Булокъ оказалось меньше, чѣмъ этапниковъ, сіе удивило, но разбираться было некогда, старшій покрикивалъ:

— Баптисты, скорѣй, а то опоздаемъ!

Тутъ же отъ помощника получили принесенныя р. Цымбаломъ евангелiи, которыя все время проежали въ конторѣ.

По глубокому снѣгу пришлось буквально бѣжать езъ отдыха, чтобы не опоздать на поѣздъ. Сверху адали спокойныя снѣжинки, ночная тишина заолняла спящiй городъ. Взмокшiе, запыхавшiеся, ы вытирали разогрѣвшiяся лица, весело отдуваись и радостно бѣжали къ невидимой и невѣдоой цѣли, на воротахъ которой стояло: „Освобожденiе!“

— Уфъ! Это будетъ получше гимнастики!

— Не отставай, ребята, не отставай!

— Труси сало мѣсячное, чтобъ ему пусто было!

— Ой, не могу, задыхаюсь!—стоналъ женскiй олосъ.

— Ничего, моложе будешь!

Сѣли въ вагонъ передаточнаго поѣзда. Смотѣлъ я на станцiонные огни и думалъ:

— Прощай, Курская тюрьма! Подарили мы твомъ стѣнамъ четыре недѣли драгоцѣнной жизни будемъ помнить о тебѣ всегда!.. Когда же ты, ь числѣ другихъ, превратишься въ памятникъ ревности, въ музей былыхъ страданiй, мы покаемъ твои стѣны нашимъ дѣтямъ, гдѣ плоть подергалась испытанiю и мерзла, гдѣ духъ затѣмъ омился въ „позолотѣ“ клѣтки и проходилъ чрезъ гненное горнило къ совершенству и славѣ! Въ

стѣнахъ твоихъ еще разъ подтвердилась вѣрность словъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ“!.. Да, были слезы, было и ликованіе, было уныніе, была и радость!.. Прощай, гнойникъ человѣческаго естества, дѣтище падшаго порабощеннаго духа!..

Нашъ поѣздъ быстро прорѣзалъ ночной мракъ стремясь на встрѣчу нарождающемуся утру...

VII.

Тула и Пенза.

Наша родина—великая страна неисчерпаемыхъ богатствъ, непочатой еще энергіи и духовныхъ устремленій. И неожиданнымъ противоположностямъ въ ней нѣтъ конца-края. Управлялася она въ каждомъ мѣстѣ, какъ Богъ на душу положитъ поставленнымъ хозяевамъ, сирѣчь, отъ губернатора и до урядника включительно, начальствующимъ. Въ ней можно было встрѣтить монархическій строй конституціонное княжество, оброчное помѣстье и даже республиканскій порядокъ. Побольше городъ —и начальство большое, но есть благодатные углы, гдѣ форменной фуражки не видѣли годами, а жили люди припѣваючи. Въ ней по волѣ и желанію одного владѣльца высылали, напримѣръ, всѣхъ сектантскихъ проповѣдниковъ и закрывали собранія, и рядомъ во владѣніи другого хозяина тѣ же общины и тѣ же лица благоденствовали и преуспѣвали.

Наша родина—еще необъединенная огромная асть вселенной, требующая тьмы-темъ работниковъ) всѣмъ отраслямъ духа и тѣла. Ей предстоитъ еликое будущее, когда свѣтъ Божій пронижетъ олщу ея предразсудковъ, суевѣрій, лѣности и ерадѣнія, когда Евангеліе станетъ основою изни ея лучшихъ сыновъ, стремящихся къ равдѣ. Пока-же что, эта огромная земля плохо вязана дорогами между городами, селами и еревнями, еще хуже-общими интересами и цѣлями. динственно прочныя узы издревле сплетали ее въ дно цѣлое: пьянство, развратъ, неурожай, голодъ, пидемія, война, насиліе. Но не вѣчно же этимъ алѣкамъ бродить по великой россійской равнинѣ, ридетъ и имъ конецъ, и онъ не за горами!..

Вотъ по этой равнинѣ и мчался нашъ поѣздъ, имо лѣсныхъ чащъ, полей, селеній и рѣдкихъ ородовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше подымались нѣговые сугробы и крѣпчалъ морозъ.

Развѣсивъ сушить промокшія части одежды, мы азмѣстились въ маленькомъ, старинномъ вагонѣ, озившемъ, навѣрно, нашихъ крѣпостныхъ праодителей. Но неудобства не замѣчались; уныніе е успѣло забраться въ вагонъ и вернулось обрат-о въ острогъ. Движеніе доставляло радость и еселье.

— Ѣдемъ! ѣдемъ! И это—не сонъ!

Обѣденный чай устроили въ Орлѣ и неожиданно, ъ недопитыми чашками, должны были пересѣсть

въ другую клѣтушку. Проходя вдоль платформы я отыскивалъ знакомыхъ, но никого не встрѣтилъ. Всего четыре часа ѣзды отъ Орла живетъ моя матушка и не знаетъ, родная, куда гонятъ ея чадо. Впрочемъ, это и—къ лучшему: сохранятся лишнія слезинки, которымъ она за свою жизнь и счетъ потеряла..

Въ новомъ вагонѣ встрѣтили типичнаго „политическаго" въ черной косовороткѣ, съ длинными волосами, худого, блѣднаго, съ болѣзненнымъ налетомъ на лицѣ отъ долгаго сидѣнія по тюрьмамъ. Послушалъ онъ нашъ разговоръ и вмѣшался.

- Если не ошибаюсь, вы—баптисты?

— А почему вы судите?

— Изъ разговоровъ, конечно. Я съ баптистами хорошо знакомъ. Когда въ Петроградѣ работалъ, то ходилъ на собранія и даже пѣлъ въ хорѣ. Ну, а затѣмъ послѣдовало разочарованіе...

— Чѣмъ же вы разочаровались?

— Да такъ, вообще, всякая религія, это—пережитокъ старины, возвращеніе въ рабство, отъ котораго мы должны освободиться совершенно. Замѣтилъ я также, что богачи—баптисты неособенно то отказываются отъ своего имущества. Былъ одинъ фабрикантъ, такъ онъ давилъ своихъ рабочихъ, какъ и всѣ кулаки, а считалъ себя вѣрующимъ.

— Вы, конечно, противъ богатства?

— Я думаю, что если кто желаетъ жить по

вангелію, тотъ долженъ отказаться отъ всего и ыть бѣднякомъ.

— Этотъ вопросъ нужно обсудить,—отвѣчали ы.—Изъ Слова Божія ясно видно, что сердце хри-тіанина не должно быть привязано къ богатству, тому идолу многихъ людей. „Дѣти, храните себя ъ идоловъ",—говорилъ когда-то Іоаннъ вѣрую-имъ. Богатый впадаетъ во многія искушенія. то все такъ, но отказаться рѣшительно отъ всего -это слишкомъ растяжимо и туманно. Самый алкій нищій хоть что-нибудь да имѣетъ. И если сѣ начнутъ отдавать, то кто же будетъ брать? атѣмъ является вопросъ: дѣйствительно ли рѣшно имѣть что-нибудь? Посмотрите на Христа: ѣкоторыя вѣрующія женщины служили Ему мѣніемъ своимъ; у Его учениковъ былъ денеж-ый ящикъ и даже кассиръ—Іуда Искаріотъ. нятый съ распятаго Христа хитонъ воины не ожелали портить, а бросили о немъ жребій, какъ цѣнной вещи, и мы видимъ, что Христосъ не казался носить его. Но дѣло въ томъ, что всѣ и цѣнности для Него не имѣли значенія, и Онъ имѣлъ, гдѣ голову склонить. Онъ созидалъ вое Царство внутри человѣка...

— Значитъ, вы считаете эксплуатацію допусти-ой и разрѣшенной?—перебилъ нашъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ, не допускаемъ, считаемъ это позоромъ находимъ, что богатство приноситъ много зла юдямъ, дѣлитъ ихъ на классы. Знаемъ что зо-

лото страшно властвуетъ на землѣ. „На землѣ вес
родъ людской чтитъ одинъ кумиръ священный
говоритъ поэтъ. Даже къ Богу доступъ люди пр
градили металломъ; за деньги бываютъ молитв
простыя и не простыя. Но если человѣкъ возр
жденъ свыше отъ Духа, то онъ не рабъ богатств
и если имѣетъ таковое, то является лишь управ
телемъ не своего имущества для добраго. И есл
указанный вами фабрикантъ угнетаетъ рабочих
то еще вопросъ: вѣрующій ли онъ? Вѣдь не вс
тѣ вѣрующіе по Евангелію, кто бываетъ на собр
ніяхъ....

— Все это сказки и ханжество,—рѣзко возрази
политическій.—Я понимаю такъ, что никако
Бога нѣтъ, а Христосъ былъ первымъ соціалъ-д
мократомъ, котораго темная, фанатичная толпа то
времени сдѣлала Богомъ.. Намъ пора отдѣлать
отъ этихъ глупостей...

— Мы полагаемъ, что всякій, считающій се
интеллигентомъ, долженъ выбирать выраженія
осторожно относиться къ убѣжденію другихъ, хо
бы съ нимъ и несогласныхъ, но которые не мѣш
ютъ прогрессу человѣчества къ лучшему будущем

— Вотъ, именно, вы мѣшаете тѣмъ, что вбив
ете въ головы людей всякую тамъ мистику и пр
чую ерунду... Больше я съ вами и говорить
хочу, ну васъ...—и онъ скверно выругался.

— Бываютъ дикари и въ Европѣ,—замѣтили м
и умолкли.

Позднимъ вечеромъ прибыли въ Тулу. Холодный вѣтеръ обжигалъ лицо и обсыпалъ снѣговой пылью. Всѣ пассажиры жались по сторонамъ платформы, уступая дорогу торжественной арестантской процессіи. На площади конвойные наложили наручники и выстроили по-четыре.

— Давай руку,—подступилъ солдатъ къ нашему ряду.

— Мы—духовныя лица!—отвѣтили ему строго.

Было похоже на то, какъ когда-то апостолъ Павелъ сказалъ: „Я—римскій гражданинъ!"

— Какіе духовные?—недоумѣвалъ стражъ.

— Духовныя лица инославнаго исповѣданія.

— Значитъ, вы пригилированные?

— Да, мы привилегированные.

Цѣпи исчезли. Для вещей подводы не оказалось, и мѣшки изрядно оттянули наши плечи, пока добрались до мѣста. Ровнымъ шагомъ шли по тихимъ улицамъ верстъ пять съ „гакомъ". Вспомнилось одно путешествіе изъ деревни на станцію тоже ночью. Встрѣтили мы тогда мужика и спросили: „Далеко ли до вокзала?"—„Да верстовъ восемь съ гакомъ мабудь буде!"—отвѣтилъ хохолъ. Шли-шли тогда, устали, а станціи все нѣтъ. „Что значитъ съ „гакомъ"? полюбопытствовалъ я, останавливаясь для передышки. „Съ излишкомъ!"—былъ отвѣтъ. Этотъ „гакъ" въ ту ночь едва одолѣли! Такимъ онъ оказался и теперь, а отдыхъ не

полагался... Завидѣвъ высокую каменную стѣну, мы облегченно вздохнули, предвкушая покой.

Довольно любезный и доступный помощникъ начальника, за неимѣніемъ отдѣльной камеры, отвелъ намъ въ общей мѣсто у стѣны на деревянномъ полу съ большими щелями. Тюремныя крысы и мыши пробирались къ провизіи изъ подполья, а двуногіе „охотники" бродили около по полу; приходилось наблюдать на два фронта...

Утромъ одинъ изъ стаи воровъ напустился было на насъ съ отборной бранью, но мы всѣ такъ дружно заговорили, что онъ умолкъ, а позже извинился, ссылаясь на нервность и уже ладилъ съ нами до самаго Томска.

Изъ общей массы однокашниковъ выдѣлялись нѣкоторыя лица. Нѣкій „толстовецъ" съ искривленной, короткой ногой, на костылѣ, попалъ по его словамъ, „за протестъ противъ войны". Въ числѣ другихъ онъ участвовалъ въ расклейкѣ прокламаціи на заборахъ, на этомъ дѣлѣ и попался.

Въ разсужденіяхъ проявлялъ большую наивность, объяснить основаніе своихъ убѣжденій не могъ, а отдѣлывался общей фразой:

— У насъ такой порядокъ!

Свое теплое пальто, бѣлье и другія вещи онъ раздалъ заключеннымъ, которые же потомъ надъ нимъ и смѣялись. И все-же, несмотря на наивность, онъ вмѣстѣ съ товарищами устроилъ гдѣ-то въ тюрьмѣ тайную типографію и печаталъ свои воз-

званія. Только измѣна одного изъ заговорщиковъ открыла „крамолу“.

Тамъ же познакомились съ типичнымъ купцомъ—воротилой, въ сапогахъ бутылками и подстриженнаго въ скобку. Гдѣ то „сорвалось“ выгодное дѣльце, пришлось выдать подложный вексель, который и загналъ на отдыхъ за рѣшетку.

— Такъ ужъ вышло, нужно было на время, на самый короткій срокъ сдѣлать это, да не успѣлъ выпутаться, — качалъ старикъ головой, глубоко вздыхая.

Слушая о спасеніи во Христѣ, онъ проливалъ слезы и разсказывалъ:

— Теперь я вижу, что заблуждался много. Былъ я членомъ „союза истинно-русскихъ“. И все шло по-хорошему, пока жертвовалъ много, а какъ стряслась бѣда, ни одинъ не помогъ, точно я незнакомый имъ. А сколько мы ругали евреевъ, ученыхъ, да и вамъ доставалось на орѣхи, нечего ужъ грѣха таить! Скажите мнѣ, правда ли, что вы молитесь за Вильгельма? Говорятъ, что для него собираете деньги?

Эту легенду приходилось слышать уже не разъ, и теперь снова повторили купцу азбучную истину, что мы—русскіе по національности, любимъ нашу родину, и въ рядахъ арміи теперь находятся наши отцы, братья, дѣти. Съ Вильгельмомъ никакого знакомства не ведемъ и не вели, денегъ ему не давали и отъ него не получали. Все это клевета

со стороны противниковъ въ лицѣ духовенства, миссіонеровъ и всякихъ ревнителей, пользующихся военнымъ положеніемъ для своихъ цѣлей.

Среди сектантовъ измѣнниковъ нѣтъ. Извѣстное же дѣло казненнаго полковника Мясоѣдова и другихъ показало, что предатели находятся въ верхахъ. Пользуясь нѣкоторымъ сходствомъ нашихъ богослуженій съ лютеранствомъ, враги и кричатъ: „нѣмецкая вѣра", „измѣнники". Въ древнее время Неронъ сжегъ Римъ, обвинилъ же въ этомъ ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ, которые погибли тысячами. Возможно, что и теперь вину за неудачи валятъ на сектантовъ. Но правда всегда восторжествуетъ.

— Да, неправды много на свѣтѣ,—вздыхалъ собесѣдникъ.—Вотъ и со мной былъ случай. Украли у меня лѣтомъ бумажникъ съ тысячью рублями. Думалъ я на однихъ и все слѣдилъ за ними, а оказались совсѣмъ другіе. Вонъ тамъ, въ углу лежитъ парень курносый, такъ онъ признался мнѣ, что съ двумя такими же жуликами вытащилъ деньги и давно уже ихъ прокутили. Вотъ жулье-то!

Гулъ голосовъ, смѣхъ, крикъ, лязгъ цѣпей сливался въ шумъ, похожій на прибой морскихъ волнъ.

— Я радъ вамъ, какъ ангеламъ Божіимъ,— говорилъ купецъ, утирая глаза.—Что здѣсь было до васъ, не приведи Богъ! Сущій адъ кромѣшный! Только и слышишь: „мать да перемать"! Безстыд-

ники всѣ тутъ. А теперь, гладь да божья благодать. Всѣ бесѣдуютъ и ведутъ себя чинно. А что тутъ дѣлается ночью,—зашепталъ онъ, оглядываясь,—и сказать стыдно! Вонъ, тамъ спитъ староста камеры, конокрадъ, такъ онъ ночью беретъ къ себѣ мальчиковъ, тьфу! Ай, ай, что тутъ только дѣлается, Царица Небесная! Чистый Содомъ и Гомора.

На койкѣ конокрада, единственной во всей камерѣ, сидѣлъ бойкій мальчикъ лѣтъ 13-ти, въ полотняной, когда-то бывшей бѣлой рубахѣ, курилъ папиросу и пускалъ дымъ въ лицо своему покровителю. На блѣдномъ, испитомъ лицѣ старосты блуждала улыбка, тусклые глаза щурились. Бросивъ окурокъ, юнецъ взялъ новую папиросу и ударилъ конокрада по спинѣ. Тутъ же стояли другіе арестанты, что-то говорили про женщинъ, смѣялись и старались ущипнуть извивавшагося парнишку.

— Самый послѣдній мальченка!—махнулъ рукой купецъ, указывая на него.—Пропащій!

„Дѣти—цвѣты земли",—такъ часто звучитъ трогательное сравненіе. Но какъ часто во множествѣ гибнутъ эти „цвѣты", замораживаемые суровой дѣйствительностью. Безжалостный богъ войны тяжелой поступью давитъ всѣхъ обывателей земли, на кого только наступитъ,—и бѣдныхъ и богатыхъ, счастливыхъ и обездоленныхъ,—давитъ и нѣжные всходы, и „цвѣты земли". Дѣти—точное отраженіе

большихъ. При заболѣваніи организма большихъ эпидемичной болѣзней „войною“, быстро и неуклонно растетъ и дѣтская преступность, принимающая все новыя формы. Развращенность дѣтской души достигаетъ своего предѣла въ заразной атмосферѣ „мертваго дома“, откуда малыши выходятъ съ „профессорскими“ познаніями по части многограннаго порока, изощренной преступности и съ богатымъ арсеналомъ отборныхъ „словечекъ“ и примѣровъ. Обреченные на долгое заточеніе, многіе изъ преступниковъ обращаютъ свое похотливое вниманіе на юное дѣтское тѣльце и въ этой области мерзостямъ нѣтъ конца. Для достиженія своихъ цѣлей безумцы пользуются ласками, угощеніемъ, подарками, а то даже угрозами и насиліемъ.

Три мальчика—добровольца, отбивъ нѣсколько такихъ „атакъ“, сидѣли вблизи насъ и читали Евангеліе. Нѣкоторые братья, вспоминая своихъ дѣтишекъ, много бесѣдовали съ ними.

Большая камера освѣщалась двумя электрическими лампочками, висѣвшими на потолкѣ. И при этомъ скудномъ свѣтѣ, напрягая зрѣніе и голосъ, кто-либо изъ служителей Божіихъ читалъ Евангеліе. Заинтересованные слушатели окружали чтеца. Ставились вопросы, высказывались мнѣнія, завязывалась бесѣда, и незамѣтная работа „расчистки поля“ двигалась впередъ.

— Сколько я листовъ этого самаго Евангелія покурилъ въ тюрьмахъ, и не счесть! А вотъ эта-

кихъ вещей тамъ и не находилъ,—говорилъ пожилой узникъ.

На четвертыя сутки былъ назначенъ этапъ внѣ очереди. Старикъ—надзиратель притащилъ большую корзину заказанной провизіи, и мы были готовы „къ отплытію“. „Два вора тоже хотѣли купить кое-что, но, распоровъ шубу, открыли, что зашитыя деньги исчезли. Выходило по пословицѣ: „Воръ у вора дубинку укралъ“. Злые, обворованные воры въ этомъ злодѣяніи обвиняли другъ друга и ссорились безконечно.

Послѣ угарной духоты, движеніе на чистомъ воздухѣ, при блескѣ звѣзднаго небосвода, по скрипучему снѣгу радовало духъ. Шли тихо, точно совершали прогулку. Бойкія лошадки старательно зарабатывали себѣ на овесъ, и сѣдоки на санкахъ засматривали намъ въ лица. Изъ-за угла вынырнула парочка и быстро промчалась; увидѣвъ партію, дама испуганно прижалась къ своему спутнику. Мы только горько улыбнулись во-слѣдъ. Совсѣмъ, вѣдь, недавно я катилъ на резиновыхъ шинахъ по столичной мостовой „бариномъ“ и за быстроту прибавилъ извозчику лишній гривенникъ.

— Не отставай и въ ногу, штобы ровно було!— поучалъ неповоротливый языкъ хохла-солдата.

У вокзала произошла задержка на полчаса, и морозъ началъ сердито пощипывать уши, лица, ноги, и особенно сердился надъ тѣми, кои остались вѣрными своему лѣтнему костюму.

Но щупальцы мороза не щадили и солдатъ, которые пригласили озябшую братію въ залъ III класса. Часа два простояли, подобно овцамъ, вплотную, и затѣмъ заняли вагоны безъ рѣшетокъ, чему и обрадовались: все-таки хоть немного походило на свободу! На станціи какой-то „любитель“ вытащилъ изъ кармана мои перчатки и платокъ. Я замѣтилъ, обернулся, но воръ одну перчатку уже бросилъ на снѣгъ за платформу.

— Ты, видно, самъ бросилъ, чего врешь!—отвѣтилъ мнѣ на заявленіе конвойный.

Вагонъ оказался удобнымъ, отдыхъ—пріятнымъ. Вотъ, если бы у дверей не торчалъ стражъ, то сіе путешествіе походило бы на любительскую экскурсію. Впрочемъ, въ нашемъ вагонѣ появился и вольный пассажиръ: бойкій, кудрявый, съ вздернутымъ небольшимъ носомъ проводникъ вагона. Избалованные безпрекословнымъ подчиненіемъ этапниковъ, конвойные попробывали было и на сего молодца распространить свою власть, но нарвались на отпоръ. Въ вагонѣ одно мѣсто принадлежало проводнику, и какъ его солдаты ни гнали, онъ не ушелъ; часовой выругалъ упрямца, тотъ отвѣтилъ и остался побѣдителемъ. Приказаніе отступило передъ свободной волей, пѣтушиный задоръ начальства распылился передъ смѣльчакомъ, сознающимъ свое право. Было отрадно сознаніе, что въ лицѣ этого парня наша человѣчность хоть отчасти получила защиту. Проводникъ свободно

проходилъ по вагону, входилъ и выходилъ, дымя папиросой, и не обращалъ вниманія на ворчливыхъ „нянекъ“. Такъ и тянуло послѣдовать за нимъ, выйти на площадку, сбѣгать за кипяткомъ, но даже попытка перейти на сосѣднюю скамью обрывалось грознымъ:

— Сядь на мѣсто!

Оставалось только съ завистью взирать на храбраго выходца изъ свободнаго міра. Впрочемъ, мирный сонъ въ безопасности скоро покрылъ усталыя головы своей пеленою...

Въ Пензѣ предстояла смѣна конвоя въ вагонѣ. Связали вещи и съ люботытствомъ слѣдили за бѣготней тоже приготовившихся въ обратный путь солдатъ. Новые стражи не являлись, что и волновало старыхъ. Но вотъ поѣздъ тронулся дальше, всѣ станціонныя зданія медленно проползли мимо оконъ вагона, и снова открылся видъ на снѣговое поле.

— Ѣдемъ дальше!—ликовали мы.

Но радость оказалась преждевременной. На разъѣздѣ насъ высадили на полотно и уютные вагоны умчались дальше, провожаемые грустнымъ взоромъ и подавленнымъ вздохомъ. Ожесточенные же каторжане тихо кляли все и вся. Выяснилось, что Пензенскій конвой, не ожидая внѣочередной партіи, наслаждался въ банѣ. Предстояло знакомство съ новой тюрьмой, куда мы и поѣхали въ новомъ вагонѣ. Тамъ „милыхъ гостей“ тоже не ожидали,

и у воротъ пришлось изрядно попрыгать на морозѣ, по примѣру уже опытныхъ солдатъ, пока дождались милостиваго пріема. Конвойные весело обмѣнивались съ арестантками забористыми „любезностями". Вѣдь нигдѣ, кажется, такъ не умѣютъ сквернословить, какъ у насъ на Руси!

Пройдя обычное чистилище пріема и провѣрки, мы расположились въ небольшой камерѣ со сводами, сырой и холодной. Появился кипятокъ, который быстро переселился въ пустые желудки въ содружествѣ со всякой снѣдью. А на подогрѣтое чрево всплывалъ и новый вопросъ:

— Долго ли придется зябнуть здѣсь?

Часа черезъ три прибыли чистенькіе, еще не остывшіе солдатики, вызвали насъ, изслѣдовали и повели на станцію. По накатанному снѣгу праздная нарядная толпа сновала во всѣ стороны. Бабы щелкали сѣмячки, которымъ „лишенцы" и прочіе узники, лихо заломивъ безкозырки, весело подмигивали и въ тактъ звенѣли цѣпями. Всѣ были довольны путешествіемъ.

Въ маленькихъ, старинныхъ, „допотопныхъ", съ низкимъ потолкомъ, клѣтушкахъ мы размѣстились кое-какъ и, прицѣпленные къ товарному поѣзду, поползли къ Самарѣ съ долгими остановками на каждой станціи и безконечными маневрами; ѣхали „абы на ночь!", не спѣша, ибо и нашъ календарь вѣдь отстаетъ отъ заграничнаго на цѣлыхъ тринадцать сутокъ! Спать приходилось по-очереди на

умкахъ, которыми заполнили пространство между двумя скамьями.

Черезъ долгія томительныя сутки увидѣли Сызрань, родину трехъ мальчиковъ—добровольцевъ. Взволнованныя дѣти нетерпѣливо заглядывали въ окна, узнавали знакомыхъ, показывали то роковое мѣсто, гдѣ они тайно пробрались въ солдатскій поѣздъ.

— Задастъ мнѣ теперь батя березовой каши!—трунилъ одинъ изъ „воиновъ" надъ собой.

—Ничего, больше терпѣли, меньше перенесемъ,—утѣшалъ другой.

Часа два мы катались безплатно по какимъ—то запаснымъ путямъ взадъ-впередъ, а конвой за дѣтьми все не приходилъ. Снова оказалось неурочное время. Въ этапной хроникѣ такіе злосчастные странники встрѣчаются довольно часто. Нѣкій мужъ вспомнилъ, что такимъ порядкомъ его возили мимо назначеннаго мѣста разъ пять, пока ему посчастливилось сойти. Такой участи нынѣ подверглись и неразумные юнцы. И, смотря на удалявшійся родной очагъ, они навзрыдъ плакали. Лишняя капля переполнила чашу горечи. Только черезъ недѣлю отощавшихъ героевъ возвратили домой, гдѣ состоялось примиреніе, орошенное слезами и омовеніе въ банѣ отъ этапной грязи и вшей.

Тягучее „плаваніе" по рельсамъ необъятной страны становилось нуднымъ. Наша сторонушка—великая неряха, привыкшая къ нечистоплотности,

безпорядку, медлительности въ благоустроенiи, быстра только на руку для пресѣченiя и непущанiя. Какъ не будетъ „разстройства транспорта" нехватки вагоновъ, когда вотъ нашъ поѣздъ тянется трое сутокъ отъ Пензы до Самары,—обычный ж пробѣгъ этого разстоянiя двѣнадцать часовъ! „Малая скорость" еще царствуетъ повсюду!

Наши бесѣды на различныя темы, чередовались пѣнiемъ, конечно, съ согласiя конвойныхъ. Направляемые въ неизвѣстность, мы утѣшались словами

„Влеки къ Себѣ Ты мощно
И близко дай прильнуть,
Не дай и въ часъ полночный
Душою мнѣ уснуть.
Но дай чрезъ всѣ невзгоды,
Что встрѣчу я въ пути,
Во всѣ земные годы,
Мнѣ радостно идти!"...

По мягкой, обильно усыпанной снѣгомъ, точно пухомъ, тропѣ, мимо церкви, чрезъ какую-то площадь, поеживаясь отъ предутренняго холода, мы быстро прошли къ жилищу самарскихъ отверженныхъ. Надъ городомъ витали чары укрѣпляющаго сна. Спали и наши многочисленные единовѣрцы, которымъ мы мысленно послали братскiй привѣтъ. Навстрѣчу попался санитарный ночной обозъ с пустыми бочками, да шли одинокiе закутанные мастеровые, гонимые нуждой на заработокъ. Сверху падали хлопья затвердѣвшей холодной влаги

тысячелѣтья повторяющіе свою прогулку на землю и по веснѣ обратно, въ лазурную высь.

Открылись и закрылись одни ворота, затѣмъ— другіе, далѣе третіе, наконецъ, четвертыя двери, за которыми оказался пріемный покой. Надзиратель долго возился, пока наладилъ электричество. Пришелъ заспанный старшій, Иванъ Ивановичъ, и, громко зѣвая, лѣниво принялся за работу пріема партіи. Запомнивъ весь порядокъ опроса, нѣкоторые изъ вызываемыхъ залпомъ отвѣчали на всѣ, не дожидаясь вопроса.

— Такъ, проходи,—соглашался онъ, откладывая листъ.

— Ну и далеко же стала Самара,—разсказывалъ конвойный,—только на третьи сутки добрались! Думали, что и не доѣдемъ...

— Могли бы проѣхать дальше, намъ бы легче было, меньше возни,—гоготалъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, ужъ нельзя огорчать васъ, еще обидитесь за обходъ...

Въ коридорѣ надзирательскія руки любезно привѣтствовали арестантскую собственность.

Самарскій теремъ содержалъ болѣе двухъ тысячъ „изъятыхъ изъ общенія", по устройству не уступалъ Одесскому и, поглощая насъ на двѣ недѣли новыхъ переживаній, добавилъ еще одну главу къ этой повѣсти.

VIII.

Двѣ недѣли въ угарѣ.

Нѣкій графъ, желая уйти въ монастырь, написалъ о семъ Гоголю. И знаменитый писатель посовѣтовалъ ему, вмѣсто монастыря, идти подвизаться въ Россію среди неразвитаго народа. „Жизнь нужно показать человѣку,—писалъ онъ графу въ заключеніе,—жизнь, взятую подъ угломъ ея нынѣшнихъ запутанностей, а не прежнихъ,—жизнь, оглянутую не поверхностнымъ взглядомъ свѣтскаго человѣка, но взвѣшенную и оцѣненную такимъ оцѣнщикомъ, который взглянулъ на нее высшимъ взглядомъ христіанина. Велико незнаніе Россіи посреди Россіи. Городъ не знаетъ города, человѣкъ—человѣка, люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями. Вы можете во время вашей поѣздки ихъ познакомить между собою и произвести взаимный благодѣтельный размѣнъ, какъ расторопный купецъ: забравши свѣдѣнія въ одномъ городѣ, продать ихъ съ барышомъ въ другомъ, всѣхъ обогатить и въ то же время разбогатѣть самому больше всѣхъ. Подобный подвигъ предстоитъ вамъ на всякомъ шагу—и вы того не видите! Очнитесь! Куриная слѣпота на глазахъ вашихъ! не залучить вамъ любовь къ себѣ въ душу. Не полюбить вамъ людей до тѣхъ поръ, пока не послужите имъ. Монастырь вашъ—Россія“.

Вотъ по отдѣльнымъ келіямъ этого громаднаго монастыря, по тюрьмамъ и шли мы на подвигъ, если и не по своей волѣ, то все-таки съ согласія Пославшаго насъ въ сіе странствіе. И дѣйствительно, ко многимъ душамъ пришлось подойти такъ близко, какъ нигдѣ и обмѣняться съ ними запасами богатствъ вѣчныхъ.

Разговорчивый надзиратель успѣлъ повѣдать мнѣ, что былъ у нихъ въ тюрьмѣ одинъ фельдшеръ баптистъ, недавно же другъ надзирателя въ деревнѣ тоже „принялъ эту вѣру". О себѣ же онъ пока еще ничего не могъ сказать, но объ этомъ думаетъ часто. Выходя во второй коридоръ, я увидѣлъ взволнованнаго Любека, застегивавшаго ботинки.

— У, нѣмецъ, собака,—злобно шипѣлъ обыскивавшій его надзиратель, разбрасывая вещи.

— Успокойся, отъ темнаго человѣка вѣдь и ожидать чего другого трудно,—старался я успокоить обиженнаго брата и помогъ собрать смятое бѣлье.

Надзиратель взялъ солонку съ солью, обѣщалъ вернуть, и больше его мы не видали.

Сразу бросалась въ глаза особенность устройства зданія: всѣ коридоры отдѣлялись толстыми рѣшетками, и всѣ двери держались на солидныхъ замкахъ. И этотъ порядокъ имѣлъ свою причину; послѣ грандіознаго бунта заключенныхъ прибѣгли къ такимъ предосторожностямъ.

На второмъ этажѣ въ наше распоряженіе была отведена небольшая келія съ деревяннымъ крашеннымъ поломъ и крашенными прочными нарами. Первые два дня жить можно было сносно; но потомъ съ каждымъ днемъ тюремной клади начало прибывать все больше и больше, точно гдѣ прорвало плотину, и въ короткое время, вмѣсто полагаемыхъ двадцати пяти, вмѣстѣ сгоняли до 80-ти человѣческихъ головъ. Вмѣсто воздуха дышали испареніями, вонью и табачнымъ дымомъ; въ головѣ шумѣло, точно въ лѣсу сосновомъ, въ ушахъ трещала барабанная дробь говора, во рту былъ такой вкусъ и запахъ, точно ямщикъ смазалъ колесной мазью. Лежали добрые люди и на нарахъ, и подъ нарами, и въ проходѣ. Негдѣ было, какъ говорятъ, яблоку упасть, а если бы какое и вздумало прилетѣть, то попало бы на голодные зубы. Въ довершеніе всего, по неумному распоряженію тюремнаго игумена, заключенные не выпускались „оправляться“; въ углу за небольшимъ барьеромъ стояла знаменитая „параша“. Можно ли удивляться, что отъ такого букета ароматовъ каждый день уводили въ больницу по нѣскольку скошенныхъ инфлуэнціей, тифомъ, воспаленіемъ легкихъ. Мы же обвязывали мокрымъ полотенцемъ затуманенныя головы и протирали слезившіеся очи; все тѣло было точно побитое.

Злѣйшій врагъ—табакъ сизыми облаками плавалъ надъ головами, превращенный въ дымъ на

фабрикѣ человѣческихъ глотокъ. Недаромъ о немъ сложилось одно арабское сказаніе: какъ то Магометъ нашелъ на полѣ окоченѣвшую змѣю и отогрѣлъ ее. А она, когда ожила и говоритъ ему: „Я тебя должна укусить".—Почему?—удивился пророкъ. „Потому что твой родъ вѣчно воюетъ съ моимъ и старается его искоренить".—Но я же спасъ тебѣ жизнь, а ты не благодарна,—укорилъ Магометъ. „Благодарности на свѣтѣ нѣтъ. И я, клянусь Аллахомъ, должна тебя укусить".—Ну, разъ ты клянешься Аллахомъ,—сказалъ пророкъ,—кусай!. Змѣя укусила Магомета, а онъ высосалъ ядъ змѣи и выплюнулъ на землю. На этомъ мѣстѣ взошло растеніе, соединившее въ себѣ ядъ змѣи и состраданіе пророка. Это растеніе люди назвали табакомъ.

Для насъ табакъ былъ—ядъ змѣиный, отравлявшій легкія всю дорогу.

Суетной, шумливый день начинался часовъ въ шесть. Вдоль всего коридора тянулись умывальные краны, къ которымъ умываться подходили поочереди камерами. Зычный голосъ Ивана Ивановича покрывалъ собою весь гамъ и властно требовалъ: „Скорѣе! Скорѣе!" Въ это же время выносили „параши" и мокрой шваброй размазывали въ камерѣ грязь. По числу душъ на вѣсъ приносили хлѣбъ; дѣлить на ровныя части приходилось самимъ и каждый разъ при раздѣлѣ вспыхивали ссоры и перебранка, одинъ получалъ меньше, другой—

больше. Стараясь примирить негодующихъ, мы часто изъ нашей доли отдѣляли обиженныхъ. Но не успѣвали страсти поостыть надъ хлѣбомъ, какъ въ большихъ чанахъ приносился кипятокъ, и давка возобновлялась. Въ концѣ концовъ хватало всѣмъ, но ужъ такъ устроенъ человѣкъ, что долженъ толкаться и спѣшить куда—то.

— Кому въ лавочку, выходи?—предлагалъ надзиратель послѣ чаепитія, и богатые счастливцы шли въ конецъ коридора, гдѣ Иванъ Ивановичъ уже разложилъ свой товаръ. Рыкающій, аки звѣрь, на праваго и виноватаго въ продолженіи всего дня, за своимъ прилавкомъ сей староста превращался въ мирнаго торговца, и на его угрюмомъ лицѣ появлялось нѣчто, похожее на улыбку. Можно было купить сахаръ, чай, баранки, мыло, табакъ, спички, бумагу и т. д., но все оплачивалось въ тридорога, и посему эта лавочка наименовалась „грабиловкой“. Попробовали, было, мы заказать кое-что купить особо, но обожглись и оставили сіе удовольствіе.

Въ обѣденный часъ у рѣшетчатой двери появлялся арестантъ съ миской мяса и выдавалъ каждому „порцію“ въ палецъ величиною, затѣмъ слѣдовалъ супъ или щи и иногда каша. Ѣли группами по нѣсколько человѣкъ. Качество варева въ общемъ было сносно, иногда—плохое изъ плохихъ.

Короткія прогулки по отгороженному кругу гуськомъ мало освѣжали организмъ, и со свѣжаго воз-

духа еще болѣе становилось тошно возвращеніе въ вонючій уголъ. И побывавшіе на дворѣ морщились:

— Фу, господа, какъ вы испортили воздухъ!

— Ничего, не великій баринъ!—смѣялись въ отвѣтъ.

Послѣ ужина изъ жидкой кашицы, всѣ становились по-четыре и больше въ рядъ на повѣрку; надзиратель взбирался на нары и считалъ. Не подымавшихся больныхъ отыскивали подъ нарами. Администрація уходила, но мы не смѣли расходиться, пока невидимый хоръ гдѣ-то въ дальнемъ коридорѣ не пропоетъ молитвы. Общее отношеніе къ молитвѣ—пренебрежительное, насмѣшливое, и спокойно стояли только первые ряды, сзади же всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Пѣли хорошо, особенно гремѣлъ могучій басъ, который на словѣ „жительство" покрывалъ весь хоръ.

— Ложись спать!—приказывалъ дежурный.

Подымалась возня укладыванія, и постепенно шумъ затихалъ; голоса отдалялись, уходили все дальше и дальше, подобно затихавшей бурѣ; тюрьма засыпала послѣ утомительнаго, но никчемнаго, безполезнаго, потеряннаго дня. И только страдавшіе безсонницей предавались своимъ неизбывнымъ думамъ, уносились мечтой, Богъ знаетъ, куда...

Въ нашемъ коридорѣ дежурили два „мена", противоположно разные другъ друга. Одинъ былъ

высокій, могучій, изрыгающій ругань и горячій на руку дѣтина, другой—худенькій, рябой, съ лисьей улыбкой и тихимъ говоромъ, дѣлецъ себѣ на умѣ. У перваго нельзя было ничего допроситься, второй перепродавалъ краденое и всюду старался заработать копейку.

Среди нашихъ однокашниковъ было много интересныхъ типовъ. Такъ одинъ худенькій старичекъ, съ косичкой на затылкѣ, типичный „странничекъ, божія коровка“, балагурилъ безъ конца и смѣшилъ своими присказками. Жаль, что нельзя было записать складъ его рѣчи. О себѣ онъ разсказывалъ:

— У меня двѣ семьи: въ Москвѣ и въ Сибири. Поживу съ одной, надоѣстъ, иду къ другой, а потомъ обратно. Такъ всѣ зубы и проѣлъ. Видъ у меня елейный, святой, и всюду подаютъ. Иду изъ села въ село, всюду угодниковъ Божіихъ поминаю, а бабы, что твои куры—глупы. Запоетъ пѣтухъ, онѣ и бѣгутъ. Войду, значитъ, я въ избу, перекрещусь, всѣ углы окрещу и начну читать молитвы, а самъ посматриваю: добрые люди готовы принять, ну и запою соловьемъ курскимъ. И сытъ и согрѣтъ и носъ въ табакѣ, но плохо не ложи, хамъ и съѣмъ, потомъ ищи вѣтеръ въ полѣ...“

Подвижной, бойкій старикъ не лѣзъ за словомъ въ карманъ. Намъ разсказывалъ что-либо изъ „божественнаго“, а другимъ что и поскоромнѣе. Ему не вѣрили, но слушали охотно.

Пріятное воспоминаніе о себѣ оставилъ румяный

съ сѣдыми кудрями и черной бородой старичекъ-малороссъ кіевской губерніи, веселый и добродушный. Его часто заставляли танцевать гопака, И, припѣвая себѣ: „Ой вези жъ меня изъ дому, де богацько грому, грому, де гопцюють все дивки, де гуляють парубки“, онъ брался въ боки и пускался въ присѣдку.

— За что тебя, диду, выслали?

— А Богъ его святый знае, говорятъ, што за полытыку,—смѣется старикъ.

— За какую же политику?

— Да на сходкѣ я, дурень, сказавъ: и на што намъ ѣта война, только парубковъ бьютъ, вотъ и все, а меня и выслали. „Ты, говорятъ мнѣ, полытыку намъ не разводы“.

— Ты, диду, знаешь, что такое политика?

— Полытыка? А Богъ его святый знае!— и подумавъ, старикъ добавляетъ:—Мабуть полытыка та, што не треба воеваты...

Безобидный старикъ „за полытыку“ долженъ былъ пропутешествовать куда—то въ Иркутскъ. Онъ всѣмъ старался услужить, и за это получалъ подарки изъ съѣдобнаго.

Чрезъ желѣзные прутья двери видно было все происходившее въ коридорѣ. Цѣпляясь за рѣшетку, шутники дѣлали серьезное лицо и подзывали кого-либо изъ проходившихъ. Ничего не подозрѣвающій простакъ подходилъ, его схватывали за волосы и тянули на радость всѣмъ повѣсамъ

Иногда проводили больныхъ стариковъ нѣмцевъ-колонистовъ и другихъ страждущихъ.

— Смотрите, поймали шпіона и ведутъ!—слышались остроты.

— Видно, важные преступники, коли подъ руки торжественно держутъ!

— Будутъ держать, когда ноги не дѣйствуютъ.

Такихъ больныхъ и ветхихъ днями встрѣчалось много; немало изъ нихъ сложили свои косточки на тюремномъ кладбищѣ.

Какъ—то подъ вечеръ насъ перевели въ другую переполненную камеру. Послѣ долгихъ хлопотъ, наконецъ, устроились на ночлегъ при содѣйствіи молодого человѣка въ вышитой фескѣ. Познакомились. Оказался генеральскимъ сыномъ, инженеръ-путеецъ. Обвинялся въ растратѣ большой суммы казенныхъ денегъ и теперь препровождался на дознаніе въ Читу. Во время ареста онъ имѣлъ при себѣ болѣе тысячи рублей и въ Н-ской тюрьмѣ пьянствовалъ съ надзирателями, и за деньги къ нему въ одиночку приводили женщинъ. Но на пересыльной тропѣ сему разгульному барчуку пришлось туго. Деньги отобрали и безпечный инженеръ вдругъ сталъ беднѣе Лазаря. Какой—то ловкій еврейчикъ уговорилъ его не брать съ собой дорогой шубы, а предложилъ обмѣнять ее на болѣе дешевую съ приплатой. Но вышло такъ, что онъ и шубы лишился, и новой не получилъ, и денегъ не увидѣлъ. Теперь ѣхалъ въ какомъ—то отрепьѣ,

которое одѣвалъ лишь въ трескучій морозъ. Жизнь его—повтореніе исторіи блуднаго сына, промотавшаго все доброе; съ отцомъ былъ въ ссорѣ; съ женой разошелся; товарищей имѣлъ среди преступнаго міра. Разсказывая о своихъ похожденіяхъ, онъ твердилъ:

— Только теперь я вижу, какъ низко палъ! Но даю вамъ слово, что по выходѣ изъ тюрьмы перемѣню образъ жизни.

Мы старались уяснить ему, что добраго рѣшенія мало, нужно „встать и идти“ къ Отцу, нужно отдать свое сердце Господу, принять Его вѣрою. Онъ слушалъ внимательно, соглашался и снова давалъ торжественныя обѣщанія. Бросалъ курить, потомъ соблазнялся и выкуривалъ „послѣднюю“, раскаивался, пока соблазнъ не бралъ надъ нимъ верхъ. Во время вечерней молитвы братьевъ становился на колѣни рядомъ и тихо просилъ у Бога милости. Много часовъ толковали съ нимъ. Дали ему денегъ на посылку телеграммы роднымъ о помощи, но отвѣта онъ не дождался. Разстались мы съ нимъ при взаимномъ пожеланіи служить Господу во всѣ дни жизни. Исполнилъ ли онъ свое слово—Богъ знаетъ!

Былъ и еще одинъ мальчикъ—сирота, воспитанникъ военнаго музыкальнаго оркестра, гдѣ онъ игралъ. За свою короткую жизнь ему пришлось окунуться въ болото пороковъ взрослыхъ и отвѣдать всего. Встрѣтивъ ласку, онъ прильнулъ къ

намъ и со слезами повѣдалъ о своей сиротской безпризорной долѣ. Обѣщалъ исправиться, и при насъ велъ себя тихо. Обращаясь за чѣмъ-либо, всегда называлъ насъ братьями. Конечно, въ мальчикѣ было много дѣтскаго, наивнаго непостоянства, но при другой обстановкѣ и хорошемъ вліяніи изъ этой воспріимчивой дѣтской души можно было бы вылѣпить хорошій сосудъ. Но гдѣ это вліяніе? Въ Ново-Николаевскѣ Коля обѣщалъ посѣщать собраніе и жить по Евангелію...

Многіе изъ рыцарей отмычки и ломика охотно разсуждали о вѣрѣ, о Богѣ, о честной жизни. И всегда они въ своемъ паденіи обвиняли или условія жизни, или друзей, завлекшихъ ихъ на преступленіе или еще кого-нибудь, но только не себя. Иногда Кравченко обращался къ собесѣднику:

— Ну, братъ еврей, что вы думаете о Христѣ?

Но, зная неисправимость еврея или сосѣда, мы слово „братъ“ оканчивали на ь: „брать еврей“, „брать сосѣдъ“, намекая на любовь къ чужому добру. Былъ одинъ такой „брать“ Ивановъ, слѣдовавшій съ нами отъ Курска и до Томска. Надоѣлъ онъ намъ ужасно, да и мы намозолили его воровскіе глаза, ибо мѣшали открыто грабить запуганныхъ и робкихъ пересыльныхъ. Но о немъ рѣчь будетъ ниже, ибо, несмотря на всѣ старанія, столкновенія съ нимъ не удалось избѣжать.

Прошла недѣля, а намъ все не удавалось извѣстить самарскихъ братьевъ о томленіи въ губерн-

скомъ „монастырѣ“. Но потомъ чрезъ одного выходившаго изъ тюрьмы самарца передали записку въ собраніе. И бр. П. О. Воробьевъ вызвалъ меня на свиданіе. Вѣрующіе уже знали, что мы должны пріѣхать, но когда,—это для нихъ была тайна. Черезъ день насъ вызвали уже всѣхъ, и въ кругу нѣкоторыхъ братьевъ и сестеръ мы провели нѣсколько радостныхъ минутъ, сидя на одной скамьѣ и мирно бесѣдуя. На прощаніе молились и ободренные, съ грузомъ любви въ сердцѣ и разнаго злака въ рукахъ, возвратились въ свою коптильню, гдѣ на радостяхъ всѣхъ одѣлили баранками.

Наступилъ волнующій день этапа. Мы упаковались, приготовились, готовые отряхнуть прахъ тюремный отъ ногъ нашихъ. Но вотъ подходитъ Иванъ Ивановичъ и заявляетъ:

— Эта камера остается, баптистскіе наставники тоже не поѣдутъ.

Въ отвѣтъ несется взрывъ негодованія и ропота, но старшій спокойно идетъ дальше, онъ уже привыкъ въ болѣзненному стону обойденныхъ.

Коридоръ заполняютъ счастливые путники.

Какой—то нахальный рябой иванъ [1]) наступаетъ на ногу прилично одѣтому поляку и кричитъ:

— Чего ноги разставилъ, ворона!

Полякъ морщится отъ боли и сторонится. Но иванъ уже прицѣпъ къ нему и поноситъ всячески.

---

[1]) „Иванами“ называются опытные, дерзкіе преступники.

— Иди, панъ, своей дорогою,—возражаетъ тотъ.

Но не тутъ то было; кулаки грубіяна уже касаются носа оробѣвшаго господина. Уголовные смѣются и подзадариваютъ ивана. Вдругъ нѣсколько молодыхъ поляковъ, товарищей обиженнаго, смѣло двинулись къ задирѣ и сжали его со всѣхъ сторонъ.

— Я ничего, что вы,—сразу мирнымъ тономъ заговорилъ тотъ, стараясь выйти изъ круга.

— Ну того же, смотри!—пригрозили ему.

Партія ушла, а мы еще остались на недѣлю.

Намъ разрѣшили писать домой. И, не замѣчая шума, мы довѣряли бумагѣ накопившіяся на сердцѣ чувства и переживанія, записывали впечатлѣнія. Бѣлоусовъ въ своемъ письмѣ упомянулъ объ одномъ крестьянинѣ, котораго уже десятый разъ высылали въ Сибирь, но онъ обѣщалъ снова бѣжать. Этимъ письмомъ заинтересовался помощникъ начальника и вызвалъ автора на допросъ, допытываясь узнать, кто это собирается бѣжать изъ тюрьмы? Недоразумѣніе выяснилось.

И еще разъ выпало счастье свидѣться съ единовѣрцами. Пришло душъ пятнадцать братьевъ и сестеръ, но говорили мы съ ними черезъ двѣ сѣтки. Отрадное чувство единенія духа и того, что мы не одиноки въ мірѣ, заполняло грудь. Разсказали кое-что изъ тюремныхъ переживаній и встрѣчъ, обмѣнялись сердечными привѣтствіями и благодарили за ласку и помощь.

— Вы тутъ и живете?—спросила одна сестра, въ первый разъ посѣтившая тюрьму.

Посвятили ее въ тайны нашей обители, но не распространялись особенно: бдительное нянино ухо внимало лепету административныхъ дѣтишекъ и нужно было опасаться, чтобы не попасть въ уголъ.

Надзиратель просмотрѣлъ и передалъ намъ продукты и нѣкоторыя теплыя вещи, и предложилъ вернуться со свѣжаго воздуха въ казенное зловоніе. Простились съ дорогими друзьями, въ дверяхъ обернулись, еще разъ улыбнулись имъ и пошли во-свояси. Бѣлоусовъ сейчасъ же забрался въ уголокъ, досталъ карандашъ, писалъ—писалъ и, наконецъ, прочиталъ намъ стихотвореніе, посвященное этому свиданію. Вотъ оно:

Какъ солнце въ день туманный
Лучемъ сквозь мглу прольетъ
Тепло, и свѣтъ желанный
На землю принесетъ,

Такъ въ жизни безотрадной,
Гдѣ зло и тьма царитъ,
Привѣтъ любви отрадной
Такъ много говоритъ!

Одна улыбка съ миромъ,
Одинъ съ участьемъ взглядъ
Въ душѣ пріятнымъ клиромъ
Чувствъ много пробудятъ.

На сердцѣ веселѣе:
Посѣяно зерно!
Тюрьма глядитъ милѣе...
Какъ нужно всѣмъ одно!

Да, одна любовь Божія во Христѣ Іисусѣ соед
няетъ всѣхъ искупленныхъ въ большую семь
въ одно неразрывное Тѣло, Глава которому—Хри
стосъ. И эту любовь Божію не можетъ разби
ни какой кулакъ насилія; она—вѣчна и всепоб
ждающа! И только подъ ея сводами возможен
райскій расцвѣтъ и личности, и общины, и госу
дарства...

Прибыла новая партія переселенцевъ, и от
скопленія народовъ буквально нечѣмъ было ды
шать. Открытая форточка не освѣжала воздухъ,
отравляющій угаръ все больше и больше тума
нилъ голову и сдавливалъ грудь. Нѣкоторых
братьевъ лихорадило. Наконецъ, такую „мелочь"
какъ переполненіе камеръ, замѣтила и админи
страція, и рѣшила разрядить клѣтки.

— Политика, собирай вещи, перейдешь въ дру
гія камеры,—объявилъ Иванъ Ивановичъ.

Нѣсколько политическихъ принялись уклады
ваться. Черезъ минуту дверь открылась.

— Выходи! А вы чего же лежите?—обратился
старшій къ намъ.

— Мы—не политика.

— Это все равно, что баптисты, что политика
Выходите и вы. Живо!

Захваченные врасплохъ, мы кое-какъ схватили вещи и вразбродъ отправились въ коридоръ одиночекъ", гдѣ въ каждую камеру размѣстили по три человѣка. Это неожиданное разъединеніе спутало весь порядокъ нашей коммуны. Я помѣстился вмѣстѣ съ Филиповичемъ и Любекомъ и мы, оказывается, захватили съ собою весь хлѣбъ. Но у кого была остальная провизія—не знали. Кромѣ того у меня не досчитывалось пиджака, у Филиповича—шубы, у Бѣлоусова—шапки. На вечерней повѣркѣ мы стали въ рядъ передъ закрытой дверью, въ которой было устроено особое оконце. Начальство, проходя мимо, наклоняло голову, и если что нужно было заявить, то-лови моментъ. Мы сообщили о пропажѣ, и только черезъ сутки получили разрѣшеніе отправиться на развѣдки. Мой пиджакъ попалъ за полтора рубля на плечи какому—то татарину, успѣвшему уѣхать. Шуба и шапка были цѣлы, хотя и попороты ножомъ еврея Соломона, искавшаго деньги. Но тутъ открылось, что и мѣшокъ съ запасами сахара, колбасы, сыра и т. д. тоже пропалъ въ общей сутолокѣ; воришки подъ нарами подѣлили все добро

Однако нѣтъ худа безъ добра. Изъ бурной, кипящей страстями клоаки мы попали въ тихій, полный чистаго живительнаго воздуха уголокъ. Сперва даже страннымъ показался такой покой, и еще долго стучало въ вискахъ. Бываетъ, что

послѣ жестокой качки на морѣ, сойдешь съ парохода и уже идешь по твердой мостовой, а все кажется, что тебя качаетъ. Такое состояніе испытывали и мы послѣ ядовитаго угара пережитой качки. Наша келія была шесть шаговъ въ длину и три въ ширину съ однимъ окномъ. Къ одной стѣнѣ была придѣлана койка, къ другой-столъ и скамья. Ярко начищенная посуда изъ красной мѣди: тазикъ, судокъ и чашка, находилась на особой полочкѣ. Асфальтовый полъ сіялъ подобно начищенному сапогу. Добавьте еще электрическую лампочку, да особаго устройства звонокъ въ двери который больше одного раза не хотѣлъ звонить,—вотъ вамъ жилище государственныхъ и общественныхъ преступниковъ самарскихъ „одиночекъ". Надзиратель не особенно спѣшилъ на звонокъ, и если бы такая прислуга была въ вольнонаемной гостиницѣ, то хозяинъ давно бы прогналъ ее.

Въ ясные дни голубое небо, дѣлимое на квадраты оконной рѣшеткой, казалось глубокимъ-глубокимъ и такимъ чарующимъ, манящимъ. Тамъ, за солнцемъ, моя родина, гдѣ на престолѣ Богъ царитъ, а здѣсь мнѣ—страннику и пришельцу, даже смотрѣть на вѣчную отчизну дозволяютъ лишь чрезъ желѣзные квадраты! А когда въ ночную пору открывались небесныя оконца—звѣзды, то такъ и тянуло заглянуть въ нихъ, посмотрѣть, что творится въ Божіихъ горницахъ!.. Видѣнъ былъ также кусокъ улицы съ бакалейной лавоч-

кой. Вдали изрѣдка проходилъ трамвай. Иногда не стройнымъ шагомъ двигались колонны новобранцевъ, горланившихъ: „Три деревни, два села“... Заботливыя хозяйки несли изъ лавочки кульки, бутылки и чайники съ кипяткомъ. Все это была обычная картина копѣечной жизни бѣдноты, которой и не замѣчаешь въ обыденной сутолокѣ. Но теперь мы часами жадно слѣдили украдкой, чтобы не нарваться на пулю часового, за движенiемъ улицы и мысли бродили далеко, далеко...

Иногда въ камеру заходилъ надзиратель и болталъ обо всемъ. Мы атаковали его душу и на вопросъ: како вѣруешь?—онъ не зналъ, что отвѣчать.

Посѣтилъ насъ и товарищъ прокурора, и устало спросилъ:

— Имѣете ли что заявить?

— Покорнѣйше просимъ отправить насъ скорѣе.

— Хорошо, хорошо!

Въ другое время мы могли бы много кое-чего поразсказать о всякихъ нарушенiяхъ закона, но теперь хотѣлось только одного: ѣхать дальше, освободиться отъ этого чада рабства!

— Прокуроръ только спрашиваетъ такъ себѣ, чтобы не даромъ получать жалованiе, а все дѣлается такъ, какъ хотятъ не арестанты, а начальникъ,—замѣтилъ послѣ надзиратель.

— Конечно, рука руку моетъ!

Все-же на слѣдующій день послѣ посѣщенія прокурора, желаніе души превратилось въ дѣйствительность: насъ вызвали на этапъ. Оглядывая въ послѣдній разъ двери „одиночекъ“, на одной изъ нихъ я прочелъ написанное мѣломъ: „Безъ кипятку“. Это—наказаніе за провинность, одно изъ легкихъ. Но наказаніе можетъ повыситься до карцера, сырого, темнаго и холоднаго и до рукоприкладства...

Партія пересылаемыхъ набралась душъ до трехсотъ, и часовъ шесть тянулась процедура пріема и обыска. Всѣ радостно бесѣдовали, а воры свою радость выражали тѣмъ, что дерзко тащили все плохо-лежащее. У Албулова изъ—подъ рукъ исчезли хорошія рукавицы.

Среди конвойныхъ одинъ оказался братомъ по вѣрѣ; скромный солдатикъ подошелъ къ намъ, пожалъ руку, но говорить много не пришлось: вскорѣ двинулись въ путь. Тяжело было сознаніе, что брату приходилось подъ оружіемъ вести своихъ же единовѣрцевъ, но это чувство подавлялось грубою силою приказанія.

Шумная, многоголосая и многоголовая толпа выкатилась изъ тюремныхъ вратъ и по скользкой, накатанной дорогѣ быстро поползла къ станціи. Всѣ встрѣчные добрые граждане въ испугѣ сторонились и качали головой надъ такимъ множе-

ствомъ лишенныхъ свободы передвиженія. Одинъ изъ насъ въ валенкахъ съ новыми подметками не могъ идти, скользилъ, падалъ, взмахивалъ руками, какъ подстрѣленная птица крыльями. Солдатъ прикрикнулъ на него, чтобы шелъ хорошо, но самъ поскользнулся и полетѣлъ въ сторону, чуть не напоровшись на свой длинный ножъ. Мы подхватили брата съ непослушными разбѣгающимися ногами подъ руки и помогли добраться до вагона..

Хотѣлось еще разъ взглянуть на милыя лица самарскихъ вѣрующихъ, но никого не встрѣтили, и это желаніе мы отложили до радостныхъ дней возвращенія изъ Сибири. Бывшіе все время съ нами и оставшіеся въ общей камерѣ узники повѣдали, что послѣдніе дни „братъ“ Ивановъ и другія воры дали волю своей разнузданности и открыто грабили „чужаковъ“, а кто осмѣлился протестовать, того били. Рецидивисты дѣлятъ людей на двѣ части: „свои“, это воры, „чужаки“— не воры. Теперь всѣ эти запуганные, робкіе „чужаки“, благодаря войнѣ загнанные въ тюрьму, старались попасть съ нами въ одинъ вагонъ. Было тѣсно и не уютно, но всѣ соглашались стоять хоть цѣлыя сутки, только бы ѣхать. Передъ утромъ простились съ Самарой, поглотившей двѣ недѣли короткой жизни, и помчались къ новому Россійскому „монастырю“.

IX.

Новая задержка.

Какъ въ каплѣ воды заключается цѣлый міръ, такъ каждый арестантскій вагонъ представляетъ собой обособленный микрокосмосъ, маленькій мірокъ, стремящійся къ своимъ радостямъ и волнуемый своими горестями. Если вамъ придется пройти мимо такого вагона, то помните, прежде всего, что тамъ томятся человѣки, жаждущіе— и еще какъ! —свободы и воли, мечтающіе о ней иногда съ петлею на шеѣ. Эти несчастные дважды несчастны: рабство плоти увеличивается порабощеніемъ духа, изъ котораго и выливается вся горечь озлобленія, дикости и срама. Въ дурномъ обществѣ чужды добрые нравы, и если есть въ комъ что хорошее, такъ оно прячется, подобно цвѣтку, въ гущѣ сорной травы показного порока. Личина скрываетъ доброе зерно и выявляетъ лишь зло...

Добывъ вторую полку у двери, я помѣстился вмѣстѣ съ Жакомъ и, лежа съ краю, все думалъ о томъ, чтобы не упасть. Солдатъ хотѣлъ было отнять это мѣсто, да взглянулъ на насъ и не тронулъ. Сосѣдомъ оказался богато одѣтый грузинскій „князь“, служившій около Карса урядникомъ; по его шикарному камзолу въ множествѣ прогуливались парочки паразитовъ, на ко

торыхъ горецъ смотрѣлъ равнодушными очами. Немало этихъ гостей перебралось и на нашу сторону...

Въ углу находился умывальникъ съ замерзшей трубой и вода лужей стояла подъ нашей скамьей. Накаленнымъ въ печи желѣзомъ нѣсколько разъ прогрѣвали и прочищали стокъ, но морозъ снова закрѣплялъ свою позицію. Это походило на тѣхъ людей, которыхъ сколько не прогрѣвай добромъ, они все замерзаютъ въ своемъ злостномъ упорствѣ.

Въ моемъ углу еврей Вольфсонъ, представившійся намъ владѣльцемъ ресторана, а ворамъ— „своимъ", посвящалъ молодого конвойнаго въ шулерскіе пріемы картежной игры и училъ, какъ ставить условные знаки. Тотъ скоро постигъ сіе искусство и обыгралъ своихъ сослуживцевъ.

— Вотъ везетъ ему!—удивлялись игроки.

— Дуракамъ счастье,—смѣялся тотъ лукаво.

Вскорѣ, какъ знакъ благодарности, Вольфсонъ получилъ папиросы, газету и стащилъ съ мѣста одного польскаго еврейчика въ пейсахъ. Его согражданинъ, лишившись удобнаго мѣста, только цокалъ языкомъ и качалъ сокрушенно кончиками волосъ.

Уральскія горы вызвали всеобщій восторгъ. Причудливые выступы, скалы, уклоны, лощины, горы съ сосновыми шапками были покрыты снѣгомъ и чаровали своими свѣтотѣнями и смѣсью красокъ лѣса, камня и снѣга. Стройныя сосны

иногда стояли отдѣльно, какъ часовые на стражѣ. Рельсовый путь, точно длинная-длинная змѣя, вился по уклону, и за каждымъ поворотомъ открывалась новая восхитительная панорама. Красота Божьяго міра вдохновляла упоенный духъ и отрывала отъ мрачной дѣйствительности.

Въ воскресенье въ полдень показался Челябинскъ. Предстояла пересадка и смѣна конвоя. Проходя вдоль солдатскаго поѣзда изъ вагоновъ съ надписью: „сорокъ человѣкъ, восемь лошадей", кто то изъ нашей партіи спросилъ:

— Откуда служивые?

— Изъ Сибири,—отвѣчали солдаты.

— Ага, а мы въ Сибирь, на ваше мѣсто.

Мимо кладбища и церкви, по узкой тропѣ мы вразбродъ добрались къ деревянному арестному дому. Въ крохотныхъ клѣтушкахъ пробыли часъ и потомъ, вызванные поименно, перешли въ другую камеру.

— Для чего эта перекличка? Гдѣ остальные? Неужели оставятъ? И кого, насъ или тѣхъ?—такіе вопросы волновали всѣхъ.

Но вотъ насъ, родненькихъ, построили въ ряды и погнали за городъ въ тюрьму. На всѣ ходатайства и просьбы, звучалъ отвѣтъ:

— Конвоя не хватаетъ!

О, мы несчастные, лишніе, безправные, что за злой рокъ преслѣдуетъ насъ! То вагоновъ нѣтъ, то путь занятъ, то конвойныхъ не хватаетъ! И

что это за новое капище Левіофана, готовое поглотить насъ? Съ печально поникшими головами, брела партія по малолюднымъ улицамъ. Большинство построекъ—деревянныя, много затѣйливаго узора оконъ съ цвѣтными стеклами, что казалось страннымъ для холодной Сибири. Видно, обыватели не боятся стужи и любятъ свѣтъ! Самымъ красивымъ зданіемъ показался костелъ изъ краснаго кирпича, готическаго строя, высокій, изящный, почему-то напомнившій стройныхъ, худыхъ, бритыхъ ксендзовъ. И какой широкой, низкой, вросшей въ землю была напротивъ стоящая церковь, похожая на широкополыхъ, большеволосыхъ патріархальныхъ батюшекъ...

Новая тюрьма стоитъ на возвышенности въ сторонѣ отъ городскихъ построекъ. Образцовое устройство, строгій обыскъ, суровыя лица,—таковъ первый пріемъ. Всѣхъ, прошедшихъ чрезъ сіе горнило испытанія, загоняли въ... уборную. Пришлось недоумѣвать и смѣяться такой неожиданной чести. Общимъ смѣхомъ встрѣчали новыхъ товарищей, которые съ удивленными лицами разсматривали водопроводныя трубы и отливы. Черезъ полчаса насъ перевели въ большую камеру, гдѣ произошелъ жаркій бой за обладаніе койками, на которыхъ улеглись двадцать шесть счастливцевъ. Остальные должны были почивать на полу. Посреди камеры стояло два большихъ стола и нѣсколько скамей, у стѣны два ящика съ отдѣ-

ленiями по числу коекъ и на стѣнѣ—о, чудо! — небольшое зеркало, въ которое поспѣшили заглянуть всѣ усатые и безусые франты. Для казенной квартиры лучшей обстановки и желать нестоило-бы, но преслѣдовавшее насъ переполненie скоро испортило воздухъ и снова затуманило головы.

Что ни городъ, то—норовъ, что ни тюрьма, то новый порядокъ и правило, къ которому и приходилось приспосабливаться. И своимъ образцовымъ, продуманнымъ до мелочей, порядкомъ челябинская тюрьма утерла носъ всѣмъ извѣстнымъ намъ ея роднымъ сестрамъ. Вы дрессированные блюстители порядка говорили тихо, не повышая голоса, въ сознанiи своей силы и достоинства. Послѣ самарскихъ буяновъ, даже не вѣрилось въ возможность такого превращенiя. Особенно выдѣлялся одинъ изъ нихъ. Войдетъ въ камеру, скажетъ тихо что-нибудь, а потомъ уже охотники изъ заключенныхъ выкрикиваютъ его распоряженiе. Замѣтивъ, что нѣкоторые изъ умывающихся обтираются мокрымъ полотенцемъ до пояся, онъ запретилъ и молвилъ:

— Дозволено только умываться, а на это нужно испросить особое разрѣшенiе!

Обтиранiе было перенесено въ камеру.

Хлѣбъ выдавался уже нарѣзанными пайками. Для кипятка чайники ставили въ очередь и все дѣлалось быстро и спокойно. Обѣдъ состоялъ изъ

двухъ „блюдъ“: щей или супа и неизмѣнной пшенной или гречневой каши, разсыпчатой и вкусной на голодное чрево. Вмѣсто ужина давался вторично кипятокъ. На ежедневныя прогулки для желающихъ полагалось десять минутъ. Услышавъ въ первый день призывъ: „Собирайся на прогулку!“ мы начали спокойно одѣваться, но не прошло и минуты, какъ дядько возгласилъ: „Выходи на прогулку!“ И, увидѣвъ, что мы не готовы, захлопнулъ двери, приговаривая;

— Что я вамъ нянька, што-ли? Еще одѣть прикажете! Возись тутъ съ вами!..

Слѣдующіе разы, уже при первомъ гласѣ, мы стояли у двери, готовые въ походъ. Ходили по кругу, а „нянька“ по часамъ смотрѣлъ, чтобы не просрочить и минуты. Черезъ окна можно было наблюдать другихъ гуляющихъ. И удручающее впечатлѣніе своимъ видомъ производили закованные въ ручные и ножные кандалы „вѣчники“, т. е. долгосрочные каторжане. Теплыя куртки одѣвались особымъ способомъ на пуговицы. Страннымъ казался ихъ смѣхъ, но въ то же время чувствовалось, что сила жизни преодолѣла всѣ ужасы положенія, и цѣпи не угасили огонька надежды на что-то лучшее... Мнѣ пришлось въ коридорѣ наблюдать переодѣваніе прибывшаго съ нами каторжанина. Онъ раздѣлся донага, и только цѣпи лежали на полу, своими кольцами охватывая его мускулистыя, сильныя ноги. Видъ здороваго, крѣп-

каго тѣла, къ ногамъ котораго точно прилипли ядовитыя змѣи, взволновалъ меня. Сколько тысячъ душъ несчастныхъ, съ цѣпями грѣха, жизнь безъ Господа влачатъ!...

Въ первую же ночь, лежа на полу, я вдругъ проснулся и подъ койкой Любека у его вещей замѣтилъ какую-то тѣнь. Что дѣлать? Поднять ли шумъ, изловивъ воришку или смолчать? И, подумавъ не много, я шепотомъ повелѣлъ тѣни

— Вылазь оттуда, а то плохо будетъ!

Тѣнь безшумно исчезла, а соблазнительный тюкъ владѣлецъ переложилъ себѣ подъ голову.

Ночная пора, это—время „работы" клоповъ надъ сонными тѣлами и воровъ, промышляющихъ за счетъ чужихъ послѣднихъ копѣекъ. При пробужденіи жертвы хитрые клопы удираютъ въ щелку, а хитрѣйшіе человѣки притворяются спящими или предупреждаютъ другъ друга условными знаками: кашлемъ, чиханіемъ, храпомъ, шиканіемъ и т. д. Дерзокъ и ловокъ въ этой „работѣ" былъ уже упомянутый хулиганъ Ивановъ или „Ванька: Москвичъ", какъ онъ величалъ себя. Какъ-то ночью я долго любовался его „работой" и зналъ что на этотъ разъ онъ избралъ „безплодную смоковницу", одного поляка, не имѣвшаго и ломаннаго гроша въ карманѣ. Утромъ я обратился къ вору:

— Вы меня не брали въ долю, а мнѣ приходится участвовать съ вами въ „работѣ".

— Кто васъ звалъ участвовать?

— Да вотъ и сегодня я видѣлъ васъ у поляка.

— А что я буду дѣлать, если вы то одинъ, то другой просыпаетесь всю ночь. Не брошу же я изъ-за васъ „работу“!

Самымъ бдительнымъ стражемъ у насъ былъ чуткій во снѣ и страдавшій безсонницей Назаренко. И воры обходили наше добро.

Прошло нѣсколько дней, запасы сахара и прочей провизіи у насъ израсходовались; обратились къ начальству за выпиской и вдругъ наткнулись на заборъ новыхъ правилъ: выписка продуктовъ разрѣшается только два раза въ мѣсяцъ, перваго и пятнадцатаго числа. Возбудили ходатайство нарушить это „правило“, и помощникъ начальника обѣщалъ послать человѣка за покупками. Но отъ обѣщанія до исполненія—сто верстъ! Стали пить чай съ солью, но это не всѣмъ казалось вкуснымъ. У воровъ оказался мѣшочекъ съ сахаромъ, (ужъ не тотъ ли, что пропалъ у насъ въ Самарѣ!) и мы взяли у нихъ нѣсколько кусковъ въ долгъ. Къ общему дурману, разслабленію и вялости прибавилось еще и чувство голода, особенно по вечерамъ, и было досадно, что и за деньги нельзя почему-то купить провизіи. Напомнили еще нѣсколько разъ о выпискѣ и хотя слышали въ отвѣтъ: „Хорошо, хорошо!“, но дѣло не подвигалось впередъ. Но вотъ и чадная недѣля проползла въ ворота вѣчности, и надвигалось желанное воскре-

сеніе, день дальнѣйшаго пути. Въ субботу сходили въ хорошую баню, и хотя надъ нашими мокрыми головами и летали стрѣлы надзирательской брани, понуждавшей къ поспѣшности, но вѣдь извѣстно, что русская брань на воротѣ не виснетъ, и мы пополоскались изрядно.

Въ воскресенье вся камера гадала съ утра: „Поѣдемъ или не поѣдемъ?“ Прошелъ обѣдъ, нѣкоторыхъ вызвали на этапъ въ Тамбовъ, въ Самару, а о Томскѣ ни гу-гу. Къ вечеру появились новыя вшивыя головы и сообщили:

— Самарская партія прослѣдовала дальше!

Это значило: намъ предстояло еще сидѣть здѣсь недѣлю, а можетъ быть и больше! Всѣ разстроились нервные начали бѣгать по камерѣ, болѣе сдержанные—вздыхать, воры-ругаться и грозить кому-то кулаками. Но все это—клокотанія, раздраженіе и гнѣвъ—походило на шумъ разбивавшейся о несокрушимую скалу морской волны. Послѣ вечерней повѣрки всей камерой обсудили создавшееся положеніе и рѣшили:

—Такъ какъ насъ на этапъ не вызвали и неизвѣстно, когда вызовутъ, то нужно протестовать. Съ нами поступили несправедливо; сегодняшняя партія должна была бы замѣнить насъ здѣсь, но этого не сдѣлали, и слѣдующій разъ могутъ поступить съ нами снова такъ же, то потребуемъ къ себѣ для объясненія начальника. Выписки намъ не даютъ, камера полна больныхъ, которыхъ не

лѣчатъ, просьбъ не слышатъ, попробуемъ требовать и завтра откажемся отъ хлѣба.

Толковали долго, слышались голоса и за и противъ. Но „требовать“ въ тюремной обстановкѣ—звучало гордо и, наконецъ, порѣшили на устройствѣ „голодовки“. Лично я не раздѣлялъ этой крайности, видѣлъ, что съ такой разношерстной толпой врядъ ли удастся что путное, но не возражалъ: безцѣльное прозябаніе опротивѣло, да и хуже врядъ ли будетъ... Уснули всѣ съ геройскимъ сознаніемъ предстоящей жертвы желудочныхъ благъ, а по утру отрядили къ дверямъ дежурныхъ, чтобы не принимали хлѣбъ. Но все вышло по—иному.

Сейчасъ же послѣ повѣрки, вмѣсто хлѣба, появился бравый старшій надзиратель съ листомъ бумаги и молвилъ:

— Вы хотѣли выписку сдѣлать, такъ вотъ вамъ бумага, напишите, кому что нужно, и сколько у кого денегъ въ конторѣ. Пошлемъ за покупкой. Поняли?—обвелъ онъ всѣхъ соколинымъ взоромъ.

— Ну, такъ вотъ, пишите!—и онъ повернулся, еще разъ метнулъ глазами, закрутилъ лѣвый усъ и исчезъ.

Откуда сіе вниманіе? Очевидно, вчерашній „заговоръ“ подслушалъ дежурный коридорный, доложилъ о крамолѣ, и начальство пошло на уступки. За одной уступкой можно ожидать и другую, и мы, довольные оказаннымъ вниманіемъ, отмѣнили

голодовку и вскорѣ хлебали кипятокъ съ хлѣбомъ. Къ вечеру прибыла „выписка“ сахару, хлѣба и т. д. Обѣщали и начальника пригласить къ намъ.

Больныхъ становилось все больше и больше. Нѣкоторые бредили въ тифозной горячкѣ. Во время одной повѣрки помощникъ остановился надъ больнымъ менонитомъ, послушалъ его безсвязную жалобу, качнулъ головой и молча вышелъ.

— Всѣ можемъ заболѣть такъ,— замѣтили ему во слѣдъ, и какъ то жутко стало на душѣ.

Приходилъ фельдшеръ, записывалъ больныхъ, измѣрялъ температуру и уходилъ. И только разъ принесъ хининъ, касторку, а ревматику намазалъ іодомъ опухшія ноги. Тифозныхъ отдѣлили въ небольшую камеру, гдѣ они и лежали безъ помощи. При образцовой тюрьмѣ не оказалось больнички. На мѣсто уведенныхъ больныхъ, появились новые занемогшіе, и каждый ждалъ своей очереди. Какъ то въ послѣобѣденную пору вдругъ вошелъ свѣтъ-начальникъ тюрьмы, а за нимъ врачъ, который, дохнувъ камернаго яда, только развелъ руками. Больные обступили его; нѣкоторые показали гнойные нарывы на груди и спинѣ. Докторъ только махнулъ рукой на эти украшенія заразнаго сифилиса. Начальникъ отечески утѣшилъ всѣхъ и обѣщалъ слѣдующимъ этапомъ обязательно отправить дальше. Ну, что-же, подождемъ еще, намъ не стать привыкать!..

У стѣны на полу на своихъ буркахъ расположилась группа черкесовъ изъ Карса. Старики-магометане, всю жизнь проведшіе въ Кавказскихъ горахъ и промышлявшіе скотомъ, неожиданно для себя и своихъ домочадцевъ, „попали въ нарушителей существующаго строя" и за неблагонадежность по оговору высылались въ Сибирь. Печальные глаза бѣдныхъ сыновъ Корана со страхомъ и недоумѣніемъ взирали на всѣхъ и какъ бы спрашивали: „Куда это насъ загнали и что съ нами дѣлаютъ?" Особенно во взорѣ одного дряхлаго старика застылъ испугъ животнаго, надъ которымъ мясникъ занесъ острый ножъ. Былъ среди нихъ и мулла, красивый, статный горецъ, который молился трижды въ день, по своему обряду, и трогательно было смотрѣть, какъ онъ воздѣвалъ къ потолку руки и шепталъ:

— Алло гим эндзыльны миндзыленъ минъ...

Стоголосый шумъ толпы катился мимо склонившагося предъ Аллахомъ правовѣрнаго. Иногда мы усаживались наабуркѣ въкружекъ и вели рѣчь о Богѣ и послнномъ Имъ Мессіи—великомъ Пророкѣ Іисусѣ. По-русски хорошо говорилъ только одинъ, который и служилъ переводчикомъ для остальныхъ... Остальной путь мы прошли съ ними вмѣстѣ и помогали имъ, чѣмъ могли...

Натянутые нервы въ этомъ загонѣ не выдерживали, и то въ одномъ углу, то въ другомъ прорывались болѣзненныя вспышки вражды и ссоръ.

И вскорѣ съ воромъ Ивановымъ у насъ произошло крупное столкновеніе. Дѣло загорѣлось изъ-за одного поляка. Подметая полъ, онъ хотѣлъ поправить метлу и нечаянно задѣлъ ею проходившаго Иванова. Тотъ размахнулся, и звонкая пощечина раздалась на всю камеру. Весь въ слезахъ, съ пылающей щекою, полякъ бросился къ дверямъ, чтобы пожаловаться на хулигана. Его удержали, но другіе настаивали, чтобы онъ сказалъ надзирателю.

— Это безобразіе! Сегодня онъ ударилъ одного, а завтра будетъ бить насъ,—волновались многіе и особенно Любекъ и Адельсбергеръ.

Но Ивановъ, съ искаженнымъ лицомъ, уже прыгалъ около Любека, страшно сквернословилъ и готовъ былъ ударить его. Тщедушный, маленькій, онъ былъ и смѣшенъ и страшенъ. Камера затихла, и всѣ мы почувствовали, что надвигается что-то мерзкое, безобразное, и насторожились. Еще моментъ, и, можетъ быть, произошла бы общая свалка. Но товарищи оттащили обезумѣвшаго вора, а мы начали успокаивать взволнованнаго Любека. Гроза прошла, и постепенно всѣ успокоились. Обсуждая этотъ инцидентъ, мы сознались другъ другу, что врядъ ли смогли бы снести обиду, хотя на душѣ еще долго оставался скверный осадокъ отъ происшедшаго. Скажи мы администраціи о семъ, и „москвичъ“, вѣроятно, попалъ бы въ карцеръ, но тогда пакостямъ его не было бы конца.

побитаго поляка уговорили проглотить обиду. И по совѣту благосклонныхъ къ намъ рецедивистовъ, мы удвоили бдительность и осторожность. Все же во едину изъ ночей ботинки Любека оказались распоротыми въноскахъ. Кто это сдѣлалъ—покрыто мракомъ, но, можно полагать, не безъ участія злобнаго Иванова.

— О, хотя бы скорѣе!—молились мы, подавленные равнодушнымъ, безучастнымъ временемъ, ставшимъ почему-то такимъ долгимъ и медленнымъ, хуже тащившаго насъ товарнаго поѣзда.

И, всматриваясь въ видимую часть города, такъ хотѣлось послать вѣсточку живущимъ въ немъ братьямъ, которые и не догадывались о нашемъ прозябаніи на окраинѣ ихъ города.

Наконецъ, проползла и эта недѣля. Въ воскресенье насъ вызвали на этапъ и повели въ пересыльную. Многіе больные увѣряли, что выздоровѣли, и умоляли взять и ихъ, но ихъ оставили еще „на поправку". Радостно глотали мы чистый воздухъ, разбрасывали ногами снѣгъ и слѣдили за всякимъ движеніемъ улицы. Вонъ пролетѣла неуклюжая ворона, а за нею бойкій воробей. Подрумяненные морозомъ молодые и старые челядинцы глазѣли на насъ, а мы на нихъ. За нами скрипѣли полозья саней, везшихъ арестантскую кладь и больныхъ. Цвѣтныя окна освѣщались лучами солнца, въ сіяніи котораго красовался и костелъ, похожій на патера и храмъ, похожій на

широкополаго батюшку. Даже пріятно было смотрѣть на деревянную „пересылку"—преддверье грядущимъ испытаніямъ и свободы. Надежда снова расцвѣтала въ нашемъ воодушевленномъ сознаніи... Пучина унынія и смущенія осталась позади, и мы шли впередъ подъ охраною Того, Кто сказалъ: „Миръ Мой даю вамъ, миръ Мой оставляю вамъ". Да, внутренній, вѣчный, неизмѣнный, глубокій, возрождающій и ведущій къ дѣятельной работѣ, къ стремленію творить волю Божію, миръ владѣлъ сердцами нашими, закрѣпляемый вѣчною любовію Отца Небеснаго...

Кстати, приведу здѣсь оригинальный трудъ Ѳ. Бѣлоусова, успѣвшаго и среди тюремной „канители" описать свои переживанія.

Съ пути.

Средь этапной канители,
Двѣ недѣли просидѣли
Мы въ челябинской тюрьмѣ.
Все конвоя дожидались
Нервы сильно истрепались,
Томскъ мерещился въ умѣ!
Съ неудобствами мирились,
Въ тѣснотѣ на полъ ложились,
Вшей кормили по ночамъ.
Въ тюрьмѣ пищи было мало,
А своей не разрѣшало
Покупать начальство намъ.
Все что было, ужъ поѣли;
Даже сахаръ не имѣли
Къ чаю многіе изъ насъ.
Раза два мы заявляли,
Чтобы выписку намъ дали—
Обѣщали всякій разъ.

Дни за днями проходили,
Мы отъ голода завыли,
Стали многіе болѣть.
Съ своихъ коекъ не вставали,
На повѣркахъ заявляли:
„Ихъ хотя бы пожалѣть!"
Но начальство было глухо,
Проворчитъ имъ очень сухо,
Что, молъ, фельдшера пришлетъ.
И такое чудо было:
Медицинское свѣтило
Вдругъ къ себѣ больныхъ зоветъ!
Термометръ къ локтю приставитъ,
Кашлянуть хоть разъ заставитъ
И глазами обведетъ.
Въ книгу осмотра запишетъ,
Что „такой то" еще дышетъ
И до мѣста добредетъ.
Черезъ день пришлетъ лѣкарство...
Но не вѣчны же мытарства!
И для нихъ бываетъ край!
Иногда отъ малой вѣсти
Цвѣтетъ радость у невѣсты
И на сердцѣ—цѣлый рай!..
Двери въ камеру открылись,
Люди новые явились,
Вѣсть отрадную внесли;
„На Россію изъ Якутска,
Благовѣщенска, Иркутска
Два вагона привезли,
Часть въ Челябинскѣ оставятъ,
На Уфу другихъ отправятъ,
А конвой назадъ пойдетъ.
Всѣхъ, кто ѣдетъ теперь въ Томскъ,
На Тобольскъ, Тюмень и Омскъ,
Онъ съ собою заберетъ"...
Всѣ страданія забылись,
Языки всѣхъ оживились,
Безпрерывно шумъ гудѣлъ.
Кто бѣлье свое сбираетъ,
Кто что ниткой подшиваетъ...
Всякъ уѣхать захотѣлъ!
Ждали бодро перекличку.
Намъ вошло уже въ привычку

Такой способъ вызывать:
— Семпнъ?—Здѣсь я!—Звать?—Иванъ!
— А какъ батьку?—Мптрофанъ!
— Сколько лѣтъ?—Мнѣ двадцать пять!
—Куда пдешь ты?—Я, въ Читу...
Слова бросая на лету,
Онъ выходитъ на этапъ.
Тамъ солдаты молчаливо
Вещи смотрятъ торопливо,
Отъ ботинокъ и до шляпъ.
Ищутъ больше средь вещей,
Нѣтъ ли денегъ и ножей,
Иль другой запретный плодъ.
По четыре въ рядъ поставятъ
Въ слѣдъ другихъ шагать заставятъ
По командѣ: „Маршъ впередъ!"
Тутъ побѣгъ ужъ не возможенъ.
Сабли вынуты изъ ноженъ...
И кричатъ: „Не отставать!"
Кто хоть шагъ пойдетъ въ сторонку,
Пулю тѣмъ грозятъ въ догонку
Изъ револьвера послать.
И идутъ всѣ тихо въ кучкѣ,—
Лишь „браслетики" на ручкѣ
Издаютъ зловѣщій звонъ...
Да больной какой, бѣдняжка,
Иль безсильный старикашка
Не удержитъ тихій стонъ.
А добравшись до вагона,
Отъ такого перегона
Рады всѣ передохнуть.
Часовые тутъ же встали,
Сидѣть смирно приказали.
Дальше двинулися въ путь...
И въ рѣшетчаты окошки
Видимъ: лѣсъ, поля, сторожки,
Бѣлый снѣгъ кругомъ лежитъ.
Но съ невѣдомою силой
Сердце рвется къ семьѣ милой
И къ друзьямъ назадъ летитъ.
Тамъ, далеко на просторѣ,
Я оставилъ жену въ горѣ,
Съ нею семеро дѣтей.
Насъ невольно разлучили,

Меня въ узы заключили;
Но не легче тамъ и ей.
Какъ же быть съ такой оравой?
Скоро къ ней рукой костлявой
Нужда смѣло постучитъ...
Поѣздъ мчится... Мнѣ же мысли
Тучей темною нависли.
На глазахъ слеза дрожитъ.
Но въ минуту искушенья
Вспомнилъ Божье утѣшенье:
„Не заботьтесь ни о чемъ!"
И въ мольбѣ, съ горячей вѣрой,
Все открылъ Отцу... Не мѣрой
Онъ поможетъ намъ во всемъ.
И заботъ тяжелыхъ тучи
И нужды ударъ могучій
Рукой властно отведетъ.
Всѣхъ измученныхъ работой,
Непосильною заботой
Въ пристань Мира приведетъ...

Маленькая снѣжинка спокойно легла на мою щеку и растаяла. Откуда пришла она и куда исчезла? И всѣ наши заботы подвергаются той же участи, растворяясь въ теплѣ Божьяго вниманія и заботы о насъ....

X.

„Свои" и „чужіе".

Рыцари ломика и отмычки дѣлятъ тюремныхъ обывателей на два разряда: „свои", это воры всѣхъ ранговъ и сортовъ, и—чужіе или „чужаки"—всѣ прочіе, случайно или временно попавшіе въ „мертвый домъ". И, облеченные въ доспѣхи нахальства, дерзости, жестокости и ловкости, „свои",

обыкновенно, любять проявить повсюду свою власть и силу. Это имъ удается тѣмъ болѣе легко, что забитые, запуганные, оторопѣвшіе „чужаки", попавъ въ такой кипящій разнузданностью и злобой котелъ, терпѣливо и молча сносять всѣ обиды и даже стараются поддѣлаться подъ вкусъ господъ воровъ и угодить имъ. Политическихъ уголовные преступники не переносять и всячески стараются досадить имъ, считая ихъ виновниками увеличенія тюремнаго режима, какого не было до 1905 года. Особенно же нахальны и тягостны „свои" во время этапа. За все время только двѣ группы независимыхъ и смѣлыхъ этапниковъ встрѣтились намъ: партія молодыхъ поляковъ, да черкесовъ, которыя смѣло отражали нападенія и были ловки на руку. Наша группа тоже должна сказать генералу Эбѣлову большое спасибо, что онъ по тюремнымъ мытарствамъ отправилъ насъ всѣхъ вмѣстѣ; одиночное шествіе было бы горше горькаго... Прочіе же „чужаки" пролили ни одну слезу обиды и снесли оплеуху, пока не попали подъ нашъ покровъ и охрану. Были, конечно, среди „своихъ" и спокойные, съ которыми мы даже вели нѣкоторую дружбу и просили досматривать вещи. Какъ-то, возвратившись съ прогулки, Филиповичъ нашелъ свою котомку открытой и вещи перерытыми, но все было цѣло.

— Тутъ одинъ дядя хотѣлъ было взять кое-что,

но мы не позволили, разъ вещи отданы подъ нашу охрану,—объяснили сосѣди и добавили:

— Все, что прячутъ, надъ чѣмъ дрожатъ и что берегутъ,—это обязательно хочется достать и ужъ украдемъ непремѣнно. Лучше положи на одно мѣсто и не дрожи надъ вещами. Запретный плодъ сладокъ!..

И это было вѣрно отчасти, хотя не мѣшало наблюдать за собственностью внимательнымъ взоромъ, чтобы „не потерять". Если кто искалъ уворованное, то спрашивалъ:

— Господа, не подымалъ ли кто мой платокъ съ полу? Я обронилъ, не знаю гдѣ.

И если воръ былъ милостивый и не находилъ пользы въ ворованномъ, то, обычно, вещь оказывалась гдѣ-нибудь на полу, подъ столомъ и другой, подымая ее надъ головой, провозглашалъ громко:

— Кто обронилъ? Кто потерялъ?

На одной утренней повѣркѣ, одинъ полякъ заявилъ вдругъ, что у него украли ночью три рубля денегъ, золотое кольцо и бѣлье.. Бравый старшой поправилъ усъ и молвилъ:

— Чтобы мнѣ черезъ часъ возвратили украденныя вещи и деньги, а не то произведу повальный обыскъ.

Поднялся шумъ: на голову жалобщика посыпались укоры и ругань; воры выходили изъ себя

и начали прятать въ хлѣбъ деньги, и по угламъ разсовывать ножи.

— Товарищи, — ораторствовалъ Ивановъ, — отдайте этому... вещи, а то всѣхъ обыщутъ и найдутъ то, чего и не нужно имъ. Кто поднялъ отдай...

Вскорѣ подъ ящикомъ блеснуло колечко и подъ койкой оказалось бѣлье; но деньги исчезли безвозвратно.

— Ну, нашлись вещи?—спросилъ старшой.

— Нашлись, онъ самъ обронилъ.

— А деньги?

— Денегъ не было. Онъ полякъ и плохо говоритъ по русски, такъ-что хотѣлъ сказать, что рубаха стоитъ три рубля,—толковали камерные дипломаты.

Наидипломатнѣйшій только улыбнулся и отмѣнилъ обыскъ. Во время чаепитія воръ Ивановъ отомстилъ поляку за „безпокойство", плеснувъ ему въ лицо изъ чашки горячей водой. Тотъ молча вытерся.

Страсть къ чужой собственности этого „брата" Иванова вызывала иногда насмѣшки даже среди „своихъ". Его глаза вѣчно бѣгали во всѣ стороны и ощупывали встрѣчнаго и поперечнаго съ ногъ до головы. Однажды вечеромъ товарищи шепнули Иванову, что за воротникомъ у спящаго Николая, тоже члена „своихъ", что-то спрятано интересное. Ивановъ быстро вытащилъ записку и прочелъ:

— Дураковъ много на свѣтѣ!

И весь вечеръ надъ нимъ трунили и смѣялись.

Усвоивъ воровской жаргонъ, непонятный для непосвященныхъ, Филиповичъ составилъ стихотвореніе о „знаменитомъ“ Ивановѣ и преподнесъ ему, торжественно прочитавъ во всеуслышанье:

Съ виду—блондинчикъ пріятный, бравый;
Прическа вправо, самъ худощавый;
Усики рыжіе,—часто ихъ крутитъ;
Шуткой, улыбкой разумъ всѣхъ мутитъ.
За бокъ держась, по камерѣ бродитъ,
Фельдшера встрѣтитъ,—быстро подходитъ.
„Животъ болитъ, ахъ!“—скорчившись скажетъ.
Дадутъ касторки—сапоги смажетъ...
Какъ на повѣркѣ, такъ въ часъ прогулки,
Всякому строитъ „карикатурки“.
Видна по тѣлу татуировка.
Зубы гнилые... Танцуетъ ловко.
На всякій случай „перышко“ носитъ;
Всякаго „сидора“ тайно тормошитъ.
Кто въ какомъ дѣлѣ съ нимъ не сойдется,
Безъ оплеухи не обойдется.
Шармачъ—марвихарь, хапесникъ, койфщикъ,
Скокарь, халмидникъ, налетчикъ, мойщикъ,
Голубятникъ, жуликъ, фармазонщикъ,
Котлетчикъ, супникъ и бугайщикъ,
Стрѣлочникъ тоже,—всякъ его знаетъ,
„Москвичемъ Ванькой“ провозглашаетъ...

Это произведеніе новаго „поэта“ изумило всѣхъ „своихъ“, которые долго повторяли:

— Ай да Филиповичъ! Ловко отдѣлалъ москвича. „Зубы гнилые... Танцуетъ ловко!“ Вѣрно, прямо не въ бровь, а въ глазъ попалъ... И откуда всѣ наши названія знаетъ?..

Значеніе указанныхъ словъ таково: перышко — перочинный ножъ, сидоръ—мѣшокъ съ вещами, шармачъ-марвихаръ—карманный воръ, кассистъ—взломщикъ кассъ, собачникъ—пользующійся для грабежа соннымъ порошкомъ, шопенъ-фелыгеръ—магазинный воръ, скокарь—квартирный воръ, хапесникъ—воръ, обирающій мужчинъ въ комнатѣ съ падшими женщинами, койфщикъ—грабитель-убійца, котлетчикъ-фармазонщикъ—ловко подсовывающій при продажѣ вмѣсто купленной хорошей вещи плохую, напр., вмѣсто шелковаго платка—простой и т. д., голубятникъ—чердачный воръ, мойщикъ—вагонный и трамвайный воръ, халмидникъ—мелкій базарный воришка, налетчикъ—врывающійся съ оружіемъ въ рукахъ подъ видомъ анархиста, жуликъ—обсчитывающій при дѣлежѣ своихъ товарищей, бугайщикъ—подкидчикъ кошельковъ, стрѣлочникъ—обмѣнивающій на улицѣ при продажѣ золотыя вещи на мѣдныя, супникъ—охранитель проститутки и т. д.

Всѣ наши дверные замки и запоры для хорошаго вора не имѣютъ значенія. Отмычки работаютъ лучше ключей. Но понятно, это „искусство“

для вора все-же соединено съ большой опасностью и рискомъ; вмѣсто добычи, часто приходится отвѣчать своими боками...

Не мало въ дѣятельности рецидивистовъ бываетъ и неожиданныхъ курьезовъ, гдѣ они попадаютъ въ непредвидѣнное положеніе. Нѣкій молодой воръ изъ Одессы повѣдалъ намъ кое-что изъ своихъ переживаній.

— Облюбовалъ я какъ то музыкальный магазинъ,—разсказывалъ онъ.—Подговорилъ помощника и въ полночь направился съ нимъ къ воротамъ этого дома. Мы смѣло открыли отмычкой калитку на виду у городового и ночного сторожа, какъ постоянные жильцы и вошли во дворъ. Тамъ я снялъ ботинки и черезъ форточку въ окнѣ пролѣзъ въ спальню владѣльца магазина. Онъ спалъ и тихо похрапывалъ. Мимо его кровати, я безшумно прошелъ въ магазинъ и ощупью добрался до кассы; но тутъ нечаянно толкнулъ стулъ, который упалъ и этотъ шумъ разбудилъ хозяина. Слышу я, что онъ всталъ и идетъ за мной. Нужно спасаться и я вдругъ освѣтилъ его электрическимъ фонарикомъ. Яркій свѣтъ на время ослѣпилъ его и онъ бросился въ сторону, а я тѣмъ временемъ въ форточку, товарищъ подхватилъ меня и вытащилъ. Это было дѣло одного мгновенія. Но въ это время, какъ нарочно, дворникъ впускалъ кого-то изъ жильцовъ и намъ путь былъ отрѣзанъ. А въ форточку уже несется

вопль испуганнаго человѣка: „Держи вора! Держи!“ Мы по лѣстницѣ помчались на чердакъ четвертаго этажа. За нами съ крикомъ неслась погоня. Товарища я подсадилъ на крышу, а самъ не успѣлъ взобраться, цѣпкія люди повалили меня на какую-то балку и принялись избивать. Тутъ оказался и городовой и сторожъ и дворникъ и еще кто-то. Ну, били-били, пока не устали, а я уже и сознанія лишился. Все пальто мое изорвали костюмъ. Цѣлую недѣлю пролежалъ я не вставая Затѣмъ на допросъ явился владѣлецъ магазина Я и попросилъ его: „Простите, хозяинъ, и откажитесь отъ обвиненія. Я у васъ ничего не взялъ, а самъ пострадалъ“, и я показалъ ему кровоподтеки и ссадины. Онъ заявилъ, что не знаетъ меня и на прощаніе далъ полтинникъ. „Это тебѣ, говоритъ, за ловкость; ты какъ кошка выпрыгнулъ въ маленькую форточку!“ Похвала была пріятна и меня скоро выпустили изъ католажки.

— Но вотъ была исторія, — продолжалъ словоохотливый воръ, — полѣзъ я какъ-то по водосточной трубѣ на второй этажъ, потомъ по узкому карнизу отъ окна къ окну перебѣжалъ до форточки и скоро былъ въ богато-обставленномъ залѣ. При лунномъ свѣтѣ такъ все и блестѣло... Вы говорите, опасно лазить по карнизу? Да, опасно, но все-же возможно, нужно только не терять хладнокровія. Вотъ, мой товарищъ сорвался какъ-то съ карниза, угодилъ въ сорный ящикъ и объ край

разбилъ себѣ голову. Живъ остался, но дуракъ дуракомъ, даже жаль смотрѣть на него... Да, хлѣбъ нашъ нелегкій! Ну, вотъ, влѣзъ я, значитъ, въ форточку и пошелъ осматривать, съ чего начинать. Добра много и нужно выбирать, что поцѣннѣе. И вдругъ открывается дверь, входитъ хозяинъ квартиры съ сыномъ, оба здоровые такіе и освѣщаютъ меня лампой. Я и замеръ на мѣстѣ; путь мнѣ былъ отрѣзанъ. „А, незванный гость, здравствуйте, проходите въ столовую, пожалуйте, не стѣсняйтесь“,—предлагаетъ хозяинъ. Иду покорно за нимъ и все думаю: что-то будетъ, а ужъ участка мнѣ не миновать! Посматриваю на руки любезныхъ хозяевъ и досадую, что засыпался такъ глупо. Меня усадили за столъ, налили чаю и долго распрашивали, какъ я дошелъ до жизни такой и не страшно ли мнѣ? Ну, сидимъ, разговариваемъ, а я все посматриваю на дверь.

— Ничего, не спѣшите, разскажите еще что нибудь изъ интересной жизни. Такого гостя у насъ еще никогда не было,—проситъ хозяинъ, а я чувствую, что сижу на угольяхъ.

Ну, стало совсѣмъ свѣтло, на улицѣ и на дворѣ застучали каблуки прохожихъ, слышно, какъ дворникъ работаетъ метлой. Наконецъ, мой собесѣдникъ говоритъ: „Спасибо за разсказъ, можете идти себѣ домой“. Я не вѣрю своимъ ушамъ, обрадовался и двинулся къ двери. „Нѣтъ, голубчикъ,—остановилъ меня хозяинъ,—вы ужъ потрудитесь вы-

браться отсюда тѣмъ же путемъ, какимъ пожало-
вали къ намъ, Интересно посмотрѣть на ваше
искусство!“ Просилъ я и умолялъ не срамить меня
при всемъ народѣ, но это не помогло и полѣзъ я
чрезъ форточку, пробѣжалъ по карнизу до сточ-
ной трубы и началъ осторожно спускаться. Гля-
нулъ на верхъ, а хозяинъ съ сыномъ стоятъ на
балконѣ и качаютъ головами, слѣдя за моими
движеніями. Посмотрѣлъ внизъ, а тамъ уже двор-
никъ летитъ съ метлой и жильцы подняли головы.
Меня, просто, въ жаръ бросило, а мой тиранъ
кричитъ дворнику.

— Иванъ, не тронь его, это—нашъ гость!

Ну, соскочилъ я и скорѣе въ ворота... Эхъ
сколько сраму было, мѣста себѣ не находилъ!..

И разсказчикъ умолкъ на минуту, подавленный
этимъ воспоминаніемъ.

— А то былъ еще такой случай,—продолжалъ
онъ, тряхнувъ головой.—Поѣхалъ я въ Херсонъ
и черезъ такую же форточку почтилъ своимъ ви-
зитомъ квартиру богатаго купчины, да и попался
прямо ему въ лапы. Здоровый былъ медвѣдь.
Сграбасталъ онъ меня и говоритъ: „Вотъ что, ми-
лѣйшій, не будь меня, обчистилъ бы ты мои хо-
ромы, какъ пить дать, а теперь ты втюрился, н
и отвѣчай. Въ полицію не охота тебя вести,
разстанемся мы мирно, такъ сказать, друзьями.
Расплачивайся-ка, милѣйшій, за неудачу, снима
свое пальтишко и давай деньги!“ Я только гл

зами хлопалъ и очнулся уже на улицѣ, безъ пальто хорошаго и ботинокъ, да изъ кармана исчезло двадцать семь рубликовъ. Обчистилъ меня вора, какъ пить далъ! Покачалъ я головой, плюнулъ на жилище этого милѣйшаго и пошелъ прочь. Вотъ это другъ, такъ другъ, разуважилъ на славу! Видно, былъ мужикъ почище меня...

Подобныхъ разсказовъ приходилось слышать нѣсколько. Легкая нажива таила въ себѣ большую опасность и все-таки тянула къ себѣ новыхъ любителей, которые, подобно мотылькамъ, льнули къ огню, обжигались, отскакивали и налетали снова, пока не падали совсѣмъ искалѣченными на землю. Почти всѣ воры выражали сожалѣніе о своемъ паденіи и потери добраго имени, и... снова принимались за старое.

— Видно, горбатаго могила исправитъ,—оправдывали они свою страсть,—такъ и тянетъ нелегкая сила, привычка—вторая мать...

Нужда, „легкій хлѣбъ“, вліяніе порочныхъ товарищей, „съ пьяныхъ глазъ“ и пр.—таковы причины паденія, а тамъ уже жизнь, какъ шаръ, покатилась по наклону къ пропасти. Добытыя деньги скоро уплывали въ карманы кабатчиковъ, жрицъ всякихъ притоновъ и картежниковъ, а затѣмъ слѣдовало тошное похмѣлье, снова „работа“ и опять тюрьма...

Однажды намъ пришлось наблюдать товарищескій судъ воровъ. Прибыла въ нашу камеру новая

партія пересыльныхъ. И изъ множества лицъ, я невольно остановился на худомъ, чахоточномъ грузинѣ въ арестанскомъ армякѣ. Слишкомъ выдѣлялись его яркіе, черные глаза, отражавшіе что-то жуткое и злобное. Онъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, дергалъ козлиную бородку и бормоталъ что-то. Затѣмъ подошелъ къ коренастому здоровому арестанту, схватилъ его за халатъ и потащилъ въ уголъ.

— Я тебѣ отплачу за обиду,—невнятно бормоталъ онъ побѣлѣвшими губами и нѣсколько разъ ударилъ своего врага по уху.

Тотъ не возражалъ, не возмущался и не отвѣчалъ на удары, что совершенно сбило насъ съ толку. Подошелъ Ивановъ, разнялъ ихъ и скоро устроилось „засѣданіе". Долго разсказывалъ грузинъ и я понялъ, что гдѣ-то, когда-то коренастый обидѣлъ его и теперь онъ расплачивался съ нимъ. Потомъ говорилъ коренастый, но Ивановъ не дослушалъ его и ударилъ по уху, какъ виноваго. Другіе воры запротестовали на такое рѣшеніе и „засѣданіе" продолжалось дальше. Наконецъ, былъ вынесенъ приговоръ:

— Ударьте другъ друга и разойдитесь!

Спорники смазали одинъ другого по лицу и успокоились. Но пренія судей перешли на поступокъ Иванова. Наконецъ и Ивановъ выразилъ нѣчто похожее на извиненіе предъ обиженнымъ имъ русскимъ. На томъ дѣло и закончилось.

взирая на всѣ эти правила преступнаго міра, невольно приходилось изумляться тому, что, оказывается, своеобразный долгъ чести существуетъ и въ средѣ головорѣзовъ. „Свой“ у „своего“ открыто не воруетъ, и кто прегрѣшитъ въ этомъ, тому придется испытать кое-что на своихъ ланитахъ... Расправа съ нарушителемъ тюремной традиціи, измѣнникомъ, предателемъ бываетъ коротка, смотря по преступленію: могутъ побить слегка, избить до полусмерти или же убить совсѣмъ.

Въ одной тюрьмѣ былъ задуманъ грандіозный побѣгъ. Готовились нѣсколько мѣсяцевъ, изъ одной башни спускались въ кладовую, откуда и рыли подкопъ. Работа подходила уже къ концу и былъ назначенъ побѣгъ въ воскресенье во время обѣдни, когда всѣ заключенные собирались въ церкви и могли свободно выходить во дворъ. Но въ субботу вдругъ администрація всполошилась, каторжанъ экстреннымъ этапомъ увезли въ другой городъ, а оставшихся уголовныхъ заковали въ цѣпи. Открылось, что одинъ участникъ задуманнаго побѣга, проигралъ въ карты что-то около девяти рублей и чтобы расплатиться съ долгомъ задумалъ выдать подкопъ, въ надеждѣ получить наградныя деньги; но расплатиться съ долгами несчастному пришлось жизнію своею. Его посадили въ одиночку, поставили особую стражу и ночью отправили въ другую тюрьму. Но и тамъ

его настигла карающая рука: его зарѣзали в уборной... И такихъ исторій наберется сотни.

Въ пути пришлось встрѣтиться съ нѣкіем „лишенцемъ“ (лишеннымъ правъ) Григоріем „Сумасшедшимъ“, хотя по бумагамъ онъ назы вался иначе. Кличка „Сумасшедшій“ пристала к нему за буйный, горячій характеръ и безумну смѣлость.

— Въ сыскномъ отдѣленіи меня боялись тро гать,—хвалился онъ.—Вѣдь вамъ извѣстно, чт нашего брата тамъ бьютъ сильно. Но однажд меня арестовали и привели на допросъ. Я, конечн не сознаюсь ни въ чемъ, я не я и лошадь не моя отпираюсь всѣми силами. Вижу, что сыщик заходитъ сзади, чтобы кулакомъ сломить мо упорство. Но не успѣлъ онъ и замахнуться, как я опрокинулъ столъ, сломалъ стулъ, выбил стекла въ окнѣ и заоралъ, какъ рѣзанный пор сенокъ. Едва удержали и больше уже никогда пальцемъ не тронули... „Кого привели, сумасше шаго? нѣтъ, съ нимъ опасно связываться“, гово рили всегда сыщики.

— Знаете, Григорій, въ Одессѣ я могъ б найти вамъ работу,—какъ-то сказалъ я ему.

— Вотъ было бы славно,—оживился онъ,—а бы ужс старался! Вы думаете, мнѣ легко в моей то шкурѣ? Иной разъ жизни не радъ. Так то шатаешься, шатаешься по городу, голодны холодный, обтрепанный, не находишь работы, н

и берешься снова за „фомича“ (ломикъ), пока не попадешь въ тюрьму на гніеніе. Вѣдь насъ, „лишенцевъ“, нигдѣ не берутъ на работу, боятся. Заявишься къ какому нибудь хозяину и просишься на службу. „Хорошо, давай паспортъ“, говоритъ. Подаю и жду. Развертываетъ и читаетъ: „лишенный правъ“, потомъ окинетъ меня этакъ подозрительно съ ногъ до головы и заявляетъ: „Проходи дальше, нѣтъ работы“. Ну и щелкнешь зубами, какъ затравленный волкъ, готовъ всѣмъ горло перегрызть... Согрѣшилъ когда то сдуру да съ пьяныхъ глазъ, попалъ на скамью подсудимыхъ и потомъ вышелъ съ тюрьмы съ „волчьимъ билетомъ“, хотѣлъ заняться честнымъ трудомъ, да сунулся въ одно мѣсто, въ другое, въ третье и всюду тебя по носу: „Не надо, проходи!“, тутъ то и задумаешься что дѣлать? А брюхо жрать требуетъ, а сапоги каши просятъ, а лукавый шепчетъ въ лѣвое ухо: „Иди укради, чего голову повѣсилъ“, и идешь на „работу“...

Долго мы слушали о горькой долѣ „лишенцевъ“, которые и нравственно и физически были чужды современному обществу и, подобно Гадаринскому бѣсноватому, бились о камни закона безпріютною головою, лазили по чердачнымъ вершинамъ, пугали другихъ и разлагались въ тюремныхъ гробахъ. О, вражья сила поднебесья! духъ злобы и погибели! сколько жертвъ на твоемъ позорномъ алтарѣ! Кто измѣрялъ глубину чинимыхъ тобой

несчастій, горестей, слезъ, убійствъ и самоубійствъ! Во всѣ углы земли проникли твои щупальцы! И только на единой Скалѣ уготовано спасеніе отъ твоихъ козней, и эта скала—Іисусъ Христосъ!

XI.

Въ Томскѣ.

Выйдя изъ Челябинскаго разсадника тифа, инфлуэнцы, сифилиса, часотки и другихъ болѣзней, коимъ нѣсть числа, мы радовались уцѣлѣвшему здоровью и за охрану отъ заразныхъ микробовъ благодарили Бога. По дорогѣ къ вокзалу наша партія соединилась съ вновь прибывшими, среди которыхъ мы узнали тоже высылаемаго наборщика изъ нашей типографіи.

— Вы еще не доѣхали?—удивился онъ.

— Какъ видите, намъ везетъ!

Всѣ заядлые воры не попали въ нашъ вагонъ и мы размѣстились довольно удобно. На каждой остановкѣ можно было купить молока, мяса жаренаго и вареннаго, масла, яицъ и пр. свѣжей провизіи. И скоро въ организмѣ забили свѣжіе источники силъ физическихъ и душевныхъ. По Сибирской дорогѣ поѣзда мчатся такъ, что иногда нельзя стоять и вагонъ качаетъ, какъ на волнахъ бурнаго моря. Просыпаясь ночью и прислушиваясь къ музыкѣ грохочущаго желѣза, я улыбался быстрой ѣздѣ чрезъ Сибирскую тайгу и по замерзшимъ окнамъ судилъ о лютомъ морозѣ, кото-

рый свободно разгуливалъ по тысячеверстному пустынному полю и лѣсу. И послушавъ немного носовую гармонію спавшихъ товарищей, я снова склонялъ голову на подушку и забывался укрѣпляющимъ сномъ.

Къ вечеру другого дня прибыли въ Омскъ, гдѣ въ нашъ вагонъ впустили нѣсколько новыхъ пилигримовъ. Пославъ мысленно привѣтъ Омскимъ вѣрующимъ, черезъ часъ мы умчались дальше. Съ двумя политическими завязалась бесѣда на тему: кто устраиваетъ жизнь человѣка, онъ самъ или высшая сила?

— Бога нѣтъ, а если бы Онъ и былъ, то я вызвалъ бы Его на поединокъ и поразилъ бы за всѣ несправедливости въ мірѣ,—съ театральнымъ жестомъ восклицалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Мы нашли, что святыни не слѣдуетъ бросать на попраніе, и умолкли. Солдатъ злобно смотрѣлъ на дерзкаго безбожника и, сжимая кулаки, ворчалъ въ гнѣвѣ:

— Я бы тебѣ показалъ „нѣтъ Бога"!

Въ Ново-Николаевскѣ въ вагонъ ввели двухъ родныхъ братьевъ, два дня тому назадъ осужденныхъ за убійство на двадцать лѣтъ каторжныхъ работъ каждый. Въ тюрьмѣ не нашлось лишнихъ кандаловъ и новоиспеченные каторжане ѣхали пока незакованными. Угнетенные, покорные своей участи, они смирно лежали на одной скамьѣ и иногда тихо перекидывались отрывочными фразами.

Смотрѣлъ я на ихъ здоровыя, цвѣтущія лица, хо-
тѣлъ представить себѣ всю величину и тяжест
двадцатилѣтней каторжной лямки и не могъ. Вы
ходило что-то тягучее и мучительное: двадцат
лѣтъ, это—7300 долгихъ дней-сутокъ, это—175,20
мучительныхъ часовъ! Какая это долгая, долга
жизнь! Время летитъ быстро для однихъ и моно
тонно для другихъ. Но для меня лично прожито
и неиспользованное время вызываетъ вздохъ со
жалѣнія при воспоминаніи и чувство горечи пр
сознаніи, что его нельзя возвратить.

И страшитъ какъ бездна, и гнететъ, какъ бремя
Зачастую даромъ прожитое время;
Мы живемъ не долго; но живи хоть вѣчно,
Все-же дней минувшихъ жалко безконечно...

Для нашего нервнаго XX вѣка навсегда по
теряна та драгоцѣнность насыщенности жизні
какою пользовались ветхозавѣтные патріархи. М
все кипимъ, горимъ, спѣшимъ, волнуемся, все при
способливаемся, учимся, а когда почувствуемъ
что стали на что-то годны, какъ уже надо отпра
ляться въ вѣчность. И минувшее всегда вызывает
или тихую грусть, или жгучую скорбь, и многі
ли изъ насъ осмѣлятся провозгласить: „Течені
совершилъ, вѣру сохранилъ"!...

На станціи „Тайга" нашъ вагонъ отцѣпили
поѣздъ умчался дальше, на Иркутскъ. Къ нам
вошелъ Томскій конвой, все молодые солдат
послѣдняго набора, и, узнавъ о нескованныхъ ка

ржанахъ, всполошились, поставили около преступ-
иковъ двухъ стражей и велѣли имъ не шевелить-
я. Смирные узники, такъ непохожіе на удалыхъ
одѣевъ, совсѣмъ затихли и повѣсили головы...
Но вотъ нога наша ступила на Томскую почву,
ли вѣрнѣе: на снѣгъ. Наконецъ-то! Давно бы пора!
ибирскій старикъ—морозъ сердито охаживалъ
асъ и заставлялъ приплясывать, пока всѣ выбра-
ись изъ вагона. Видно, онъ придерживался древ-
яго правила: „нужда скачетъ, нужда пляшетъ"
отъ, еще недоставало, что бы мы и запѣли! Съ
ашимъ богоборцемъ сдѣлалось вдругъ дурно и
го уложили на сани. Молодые солдатики усердно
овняли ряды, кричали, суетились, но мы не
бращали на нихъ вниманія, а радостно бѣжали
передъ; вѣдь это послѣдній же конвой, ну и
усть себѣ покричитъ на здоровье!

Городъ спалъ, когда мы вошли въ ворота „Том-
каго замка", стараго и теплаго. У меня отъ хо-
ода одервенѣли ноги; годное для Одессы платье,
дѣсь потерпѣло крахъ и я долго стучалъ по
литамъ, точно чужими ногами. Другимъ было
е лучше.

Когда насъ хотѣли было помѣстить отдѣльно и
ыло повелѣно: „Сектанты, отдѣлитесь!" то за нами
винула армія душъ въ сорокъ всѣхъ нашихъ
рузей: черкесовъ, поляковъ, нѣмцевъ, евреевъ и
усскихъ. Только одни воры остались въ сторонѣ.
асъ повели на коридоръ и впустили въ камеру,

уже заполненную „лишенцами". Но съ ними мы ладили все время и жили дружно. Легли мы на полу; изъ окна дуло и на утро у меня заболѣло горло и голова, а потомъ начало лихорадить. Но я крѣпился: свобода вѣдь уже почти протянула къ намъ свою нѣжную, дружественную длань!

Тюрьма была полна разнорѣчивыхъ толковъ: одни говорили, что всѣхъ высылаемыхъ отправляютъ въ Нарымскій край, другіе же увѣряли, что не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ. И теперь обсуждался новый вопросъ: „Оставятъ ли насъ въ Томскѣ, или пошлютъ куда дальше?" Конечно, всѣмъ хотѣлось остаться въ городѣ и не тащиться куда то въ дикую глушь. О Нарымскомъ краѣ здѣсь мы услышали впервые, какъ о мѣстѣ высылки политическихъ ссыльныхъ и воры пріуныли.

— Надо исправиться,—разсуждали они,—а то вѣдь въ Нарымѣ царство политическихъ, и насъ еще оставятъ безъ квартиры; придется мерзнуть на улицѣ...

— Насъ должны освободить 19-го февраля,—пророчествовалъ я братьямъ наканунѣ.

— Почему девятнадцатаго?

— Въ этотъ день крестьянъ освободили отъ крѣпостного рабства, а насъ должны освободить отъ тюремнаго...

Но наступилъ и этотъ знаменательный день и прошелъ уныло, а насъ не тревожили. Впрочемъ, въ камеру навѣдался начальникъ тюрьмы, только

что до нашего пріѣзда замѣнившій своего предшественника, угодившаго подъ судъ за какую—то растрату, но оставившаго по себѣ у заключенныхъ добрую память мягкимъ отношеніемъ и простотой обращенія, а также и хорошей пищей. Новый начальникъ еще не успѣлъ проявить своего характера и вкуса, но относился тоже довольно любезно. Спросили его, куда и когда насъ отправятъ?

— Всѣхъ, господа, въ Нарымскій край.

— А далеко—ли это?

— Отъ Томска совсѣмъ недалеко, этакъ верстъ пятьсотъ; но у насъ это не считается за большое разстояніе, всего вѣдь только одинъ уѣздъ. Это Сибирь—матушка!

Указавъ ему на то, что всякій лишній день, проведенный въ тюрьмѣ причиняетъ новыя страданія и лишенія, мы просили ускорить отъѣздъ, а пока разрѣшить намъ всякія облегченія,

— Вши заѣли, грязь опротивѣла, смотрите, ваше бр-одіе, какія носимъ рубахи,—показывали „лишенцы" на бѣлье.

— Все сдѣлаемъ,—согласился начальникъ и посовѣтывалъ въ заключеніе ошпарить кипяткомъ армію таракановъ, гнѣздившихся у печи, которые только одни и чувствовали себя, какъ дома. На сей гибельный совѣтъ задумчивыя твари только повели въ сторону начальника своимъ длиннымъ усомъ.

Еще въ Самарѣ какой-то проходимецъ увѣрилъ насъ, что знаетъ въ Томскѣ баптистовъ и даже мѣстонахожденіе собранія „Тобольская улица, № 82“. По этому адресу мы послали открытку, но позже узнали, что въ Томскѣ и такой улицы нѣтъ. Не теряя времени, мы составили и послали губернатору прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на таинственное содѣйствіе „высокопоставленныхъ лицъ въ Петроградѣ“, просили дозволить намъ жить въ Томскѣ. Какой отвѣтъ былъ на это прошеніе, ничего этого неизвѣстно.

Вскорѣ „лишенцы“ получили чистое бѣлье и всѣ мы отправились въ баню. Къ намъ присоединились еще и политическіе, у которыхъ съ „Гришкой Сумасшедшимъ“ произошла ссора изъ-за мѣста; предстояла свалка и „Сумасшедшій“ уже схватился за полѣно, но мы кое-какъ затушили вспышку страстей. Политическіе ушли и заявили надзирателямъ объ столкновеніи... Передъ дальней дорогой не дурно было пополоскаться, благо, воды и пару было въ изобиліи. Затѣяли мы и стирку бѣлья, но у меня вышло неудачно: я сразу обдалъ всѣ вещи кипяткомъ, а нужно было сначала намочить въ теплой водѣ; этого секрета прачешной я не зналъ и бѣлье у меня „заппарилось“, сколько не теръ, упорно не хотѣло побѣлѣть; когда же я полетѣлъ на скользкомъ асфальтѣ и сильно ушибъ себѣ бокъ, то и совсѣмъ бросилъ работу. Надзиратель нѣсколько разъ требовалъ,

чтобы гости выходили, но ему со всѣхъ сторонъ кричали:

— Намъ самъ начальникъ разрѣшилъ стирать бѣлье!—и работа продолжалась.

Попробовалъ было надзиратель выругаться, но „лишенцы" начали его „пугать":

— Съ нами потише! Мы не какіе-нибудь, а мы одесситы, изъ самой Одессы, понялъ, а у васъ такихъ и не водилось; мы всѣ люди на подборъ. Смотри, какіе молодцы!..

— Вижу, что одесситы,—ворчалъ надзиратель, —вотъ, чуть политическихъ не убили.

— То-то, дядя, у насъ такъ: чуть што, сичасъ башку долой!..

Надзиратель смолчалъ, наши же „герои" торжествовали и, уходя, добавили:

— Мы въ водѣ не горимъ и въ огнѣ не тонемъ, мы не какіе-нибудь...

Къ вечеру насъ перевели на второй этажъ въ сообщество съ „знаменитымъ" Ивановымъ, который немного притихъ передъ путешествіемъ въ неизвѣстный край, но все-же не забывалъ быть вѣрнымъ своему призванію и теперь особенно „интересовался" теплыми вещами; ему помогали единомышленники по убѣжденію. Окна новой камеры выходили на улицу и можно было наблюдать, какъ у воротъ пожимались отъ холода женщины съ узелками, дожидавшія свиданія съ заключенными. Черезъ дорогу виднѣлся домъ, окна ко-

тораго вечеромъ освѣщались голубымъ свѣтомъ и показывали уютъ и чистоту семейнаго очага... Въ оконной рѣшеткѣ нашего жилья были наложены свѣжія заплаты: каторжане готовили побѣгъ, но „дѣло“ сорвалось и заговорщиковъ перевели въ другое мѣсто.

Наконецъ, въ воздухѣ послышалось приближеніе весны—освобожденія изъ неволи: насъ вызывали къ фельдшеру на освидѣтельствованіе и велѣли быть готовыми на-завтра... Послѣдняя ночь была... Впрочемъ, всѣмъ чуткимъ людямъ извѣстны тягостные часы и минуты ожиданія чего нибудь, когда нервы натягиваются, какъ струна, и готовы каждое мгновеніе лопнуть, когда сонъ бѣжитъ отъ вашихъ глазъ съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, смотря потому, гдѣ вы обрѣтаетесь...

Это было 24 февраля, когда насъ въ полдень вызвали въ коридоръ. Вмѣсто ожидаемаго конвоя, прибылъ всего лишь разъединственный урядникъ съ золотыми погонами, подъ руководствомъ котораго мы стройными рядами двинулись къ уѣздному управленію. Грозные пажи отсутствовали, цѣпи видимыя остались въ темницѣ, грозные окрики не дергали по нервамъ и вся партія въ тридцать человѣкъ шла бодро и, пожалуй, стройнѣе, чѣмъ подъ управленіемъ десятка солдатъ. Какой чистый воздухъ! Какъ милы лица встрѣчныхъ томцевъ! И убѣленныя городскія строенія тоже казались красивыми. Заворачивая за уголъ,

мы въ послѣдній разъ взглянули на „Томскій замокъ“ и пожелали ему дружески:

— Да будетъ сей домъ пустъ!

Кончилось этапное прозябаніе и отравленіе легкихъ въ вонючей копоти! Теперь начиналось новое странствіе по снѣжному морю, въ вольномъ царствѣ крѣпкаго вѣтра, который ужъ постарается выгнать изъ насъ всякую копоть. Предстоящій путь былъ чреватъ,—мы это знали,—новыми трудностями, но мы не страшились дальняго путешествія и готовы были проѣхать еще пятьсотъ верстъ, лишь бы не сидѣть въ неизвѣстности и угарѣ, не томиться въ ожиданіи. Каждый изъ насъ подарилъ тюрьмамъ по восемьдесятъ одному дню, а всѣ вмѣстѣ 729 дней, т. е. два года безъ одного дня. Разъ восемнадцать насъ обыскивали и, къ сожалѣнію, мы не додумались вести счетъ всѣмъ загубленнымъ насѣкомымъ. Въ Самарской тюрьмѣ одинъ лютеранскій пасторъ заявилъ, что перевалилъ на третью тысячу въ подсчетѣ сего "удовольствія"... Тѣло наше устало, занемогло, но духъ былъ бодръ. Этапныя мытарства помогли и въ углубленіи самосознанія, въ открытіи многихъ недостатковъ, немощей и недоразвитія личности, пріучили къ порядку согласованнаго общежитія, къ чему требовалось приспосабливать нашу волю, нервы, вкусы, привычки и запросы желудка. Слѣдя за горнимъ призваніемъ, мы никому ни въ чемъ не полагали преткновенія, чтобы не было пори-

цаемо наше служеніе, но во всемъ являли себя, какъ служители Божіи: въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами лишеній, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ постахъ, въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ благости, въ Духѣ Святомъ, въ нелицемѣрной любви, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ; насъ почитали и почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны; мы неизвѣстны, но насъ узнавали; насъ почитали умершими, но вотъ, мы живы; насъ наказывали, но мы не умирали; насъ огорчали, а мы всегда радовались въ упованіи; мы нищи, но многихъ обогащали; мы ничего не имѣли, но всѣмъ обладали. Сердце наше было расширено для всякой души и мы не преклонялись подъ чужое ярмо съ невѣрными, но за все благодарили Бога во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ... У древнихъ римлянъ Февраль былъ послѣднимъ мѣсяцемъ въ году и названъ такъ по имени Февруса, древне-италійскаго бога, которому былъ посвященъ, и въ честь котораго совершались въ этомъ мѣсяцѣ празднества—февруаліи; а для насъ февраль оказался тоже послѣднимъ мѣсяцомъ краткаго и кошмарнаго періода жизни и, протискиваясь въ небольшую кутузку при уѣздномъ управленіи, мы вступали на новое поприще воспитанія духа и увеличенія опыта...

Черезъ часъ насъ вызвали въ канцелярію и подробно записали въ особые опросные листы: званіе, лѣта, семейное положеніе, имена родныхъ, кто гдѣ живетъ, чѣмъ занимается и т. д. Кравченко уже успѣлъ представиться помощнику исправника и кстати отрекомендовалъ и меня, какъ редактора „Слово Истины". Еще въ тюрьмѣ урядникъ передалъ мнѣ повѣстку на десять рублей; кто-то помнилъ о насъ, теперь нужно было получить деньги. Намъ дали стражника, мы сѣли на сани и съ „меномъ" на облучкѣ покатили на почту. Ухъ, какъ хорошо! Вотъ если бы сбросить съ козелъ сѣрую шинель, то было бы совсѣмъ хорошо!. Деньги оказались въ другомъ отдѣленіи вблизи тюрьмы и уже было поздно ѣхать туда; зато мы получили письма „до востребованія" отъ своихъ близкихъ и погрузились въ новости родныхъ, обильно пересыпанныя тревогою за нашу участь.

Возвратились обратно и застали бр. Ермакова, который пріѣхалъ навѣстить насъ и пришелъ удачно во-время. Въ коридорѣ все время суетился старикъ-сторожъ, покрикивалъ на стражниковъ и на публику.

— Много васъ тутъ шляется всякихъ,—ворчалъ онъ.

— А вамъ какое дѣло!—возразили мы.

Но потомъ оказалось, что въ рукахъ его была большая власть. Стражникъ по секрету разска-

залъ намъ, что старикъ въ управленіи считается правой рукой исправника, вмѣшивается во всѣ дѣла и даже бьетъ непослушныхъ стражниковъ. Чтобы пройти въ канцелярію требовалось его разрѣшенія и пускалъ онъ не всякаго. Посмотрѣвъ на наше, довольно приличное въ сравненіи съ другимъ одѣяніе, ворчливый дѣдъ настаивалъ предъ чиновникомъ, чтобы тотъ не выдавалъ намъ одежныя деньги, восемнадцать рублей.

— Ишь какіе господа, не жалѣютъ казенныхъ денегъ,—приговаривалъ онъ, сердито стуча половой щеткой,—разоряютъ правительство... Теперь какіе расходы на войну, люди въ окопахъ мерзнутъ, а имъ теплую одежду давай... Не грѣхъ будетъ и померзнуть малость...

Чиновникъ уже началъ было колебаться, проникаясь состраданіемъ къ бѣдной казнѣ, и пришлось прибѣгнуть къ настойчивости, чтобы добиться успѣха.

Уже передъ вечеромъ, въ сопровожденіи урядника, мы пошли на базаръ за покупками. Зашли въ одинъ магазинъ татарина и, хотя выборъ былъ плохой, дальше стражникъ вести не пожелалъ, повидимому, находясь въ сдѣлкѣ съ хозяиномъ лавки. Пришлось переплачивать здѣсь. Затѣмъ Филиповичъ, Кравченко, я и стражникъ посѣтили еще одинъ магазинъ и поѣхали за деньгами. Попали въ почтовое отдѣленіе за двѣ минуты до аакрытія, но начальникъ выдалъ деньги. На обо-

ротной сторонѣ перевода я прочиталъ: „Петроградъ, 17, 1. 1915. 3 Царс. 17. 6. Примите привѣтъ и сочувствіе отъ тѣхъ, которые васъ не забыли, но съ любовію помнятъ и молятся о васъ, чтобы Богъ подкрѣпилъ и сохранилъ васъ. Да сохранитъ васъ Богъ! Ваша наименьшая сестра А. Ф.“ „Не много можно написать на бумагѣ или вообще выразить словами, но Тотъ Духъ, Которому мы одинаково принадлежимъ, даетъ вамъ знать, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ, когда слышимъ о васъ. Пишите, если можно. А. Ф.“

Эти простыя искреннія слова отозвались въ сердцѣ богатой гармоніей, заполнили его радостью общенія въ Возлюбленномъ и напомнили былые восторги далекой столицы! Но нужно спѣшить назадъ; по дорогѣ закупили провизіи и веселые слились съ остальными спутниками. На гвоздѣ висѣла шуба одного 72-хъ-лѣтняго еврея, высылаемаго изъ Польши „за шпіонство“; я, было, прислонился къ ней, но взглянулъ и отскочилъ: сбитый, потертый мѣхъ кишѣлъ насѣкомыми. На сдѣланное замѣчаніе владѣлецъ такого сокровища только махнулъ рукой и вытеръ мокрый носъ. Урядникъ принесъ сводъ законовъ и прочелъ все, относящееся къ высылаемымъ. Мы плохо слушали и запомнили только одно доступное пониманію: „Воспрещается... воспрещается, воспрещается“. Но сіе правило уже извѣстно и чувствуемо со дня нашего рожденія!..

Наконецъ, подали подводы, и мы, натянувъ на себя все теплое, размѣстились кое-какъ. Я примостился гдѣ-то на козлахъ, но рядомъ сѣлъ беспокойный сынъ Израиля, который вертѣлся до тѣхъ поръ, пока не столкнулъ меня на самый край. Въ темнотѣ нельзя было разобрать, кто гдѣ сидитъ, но по плачу дѣтей мы рѣшили, что партія увеличилась новыми „пассажирами". И уже собирались тронуться со двора, какъ ко мнѣ подошелъ Кравченко и взволнованно заявилъ;

— Я остаюсь... Меня возвращаютъ на судъ въ Одессу...

— Какъ же такъ? Почему?

— Сейчасъ мнѣ обявилъ это ı спртвникъ. Ну, что-же дѣлать! На это воля Божія! До свиданія. бр тья Счастзиваго пути!..

Только тепарь я вспомнизъ, что въ пи ьмѣ жене писала мнѣ, что Ок . Судъ постановилъ вызвать Кравч нко къ разбору его дѣла по 78 ст. „ за кощунство ".по совѣту мисіонера Коль ера и К°. Съ тяжелымъ чувствомъ простились мы и благословили брата на новый крестный путь по тюрьмамъ.

— Господь знаетъ нашъ путь!—утѣшали его.

Кравченко взялъ вещи и направился обратно въ застѣнокъ, а наши сани принялись нырять по ухабамъ. У воротъ стояла дама, и свѣтъ отъ фонаря освѣщалъ ее заплаканное лицо и каракулевый сакъ. Ея мужъ, богатый коммерсантъ, сидѣлъ въ однихъ изъ саней. До Томска же супруги ѣха-

ли экспрессомъ въ купэ 1 класса... Взволнованная женщина нѣсколько разъ кивнула ему муфтой, громко зарыдала и побѣжала въ сторону...

Въ этотъ день накопилось слишкомъ много разнообразныхъ впечатлѣній. Шумно привѣтствовали освобожденіе изъ узилища, ликовали при чтеніи писемъ близкихъ, суетились съ закупками и теперь ѣхали опечаленные предстоящими новыми страданіями нашего спутника. Изъ прошлаго тянуло сыростью грусти, настоящее давила усталостью, но будущее притягивало вниманіе новизною невѣдомаго... Яркія звѣзды таинственно сверкали вверху и тысячью глазъ слѣдили за всѣми переходами нашего бытія, точно Небо хотѣло дать намъ почувствовать, что все тамъ записываетъся въ Книгу Жизни. Дружно и согласно свѣтящіяся звѣзды напоминали о вѣчной Любви и Единеніи, которыя во Христѣ открылись нынѣ въ дѣтяхъ Божіихъ; настанетъ время, когда праведники будутъ сіять, какъ звѣзды небесныя. Но дѣти Вѣчности уже и здѣсь вкушаютъ блага этой Любви.

Переваливаясь со стороны на сторону, я вдругъ почувствовалъ сильное переутомленіе; голова затуманилась, глаза закрывались противъ желанія, Казалось, что я плыву на лодкѣ, возвращаюсь домой изъ дальняго плаванія и уже предвкушаю теплый покойный отдыхъ въ кругу своихъ, гдѣ уже поджидаетъ шумящій самоваръ,—да, именно, самоваръ,—изъ котораго я уже сто лѣтъ не пилъ

чаю... Все хотѣлось протянуть ноги и что-то мѣшало, задерживало; я попробовалъ выпрямиться и почувствовалъ, что куда—то падаю.

— Стой!.. Стой!.. Дер-жи!..—кричалъ кто-то отчаяннымъ голосомъ.

Я схватился за сани, очнулся и не могъ понять, гдѣ это я и что тутъ дѣлается?

Изъ нашихъ саней вывалился сѣдокъ, ноги котораго застряли въ саняхъ, а голова билась объ дорогу. И какъ мы не тянули за возжи, упорный конь продолжалъ тянуть дальше. Прибѣжалъ мужикъ, остановилъ лошадь и поднялъ бѣднягу пострадавшаго. Черезъ минуту тронулись дальше, полозья заскрипѣли, и снова я закачался на большихъ волнахъ, чудилась музыка, повторявшая одну и ту-же мелодію, гдѣ то далеко—далеко...

Поздно ночью мы добрались до деревни, и хлопотливая крестьянка скоро поставила на столъ важный пыхтѣвшій самоваръ.

Въ семейной обстановкѣ мы съ молокомъ напились чаю, вытерли вспотѣвшіе лбы и скоро уснули крѣпкимъ здоровымъ сномъ. Засыпая, я слышалъ, какъ кто-то во снѣ уже бредилъ: „Осторожно!. Не вывали!..“ И не успѣлъзакрыть глаза, какъ оказался въ далекой Одессѣ за своимъ письменнымп столомъ...

На пути въ Нарымскій край спалось то-жэ хорошо...

XII

Пятьсотъ верстъ на саняхъ.

Вмѣтто нудныхъ, мрачныхъ, вонючихъ, грязныхъ клоповниковъ, придь нам ныни разстилалсь безконечна бѣлая простыня и налѣво и направсверкая и переливаясь всѣми цвѣтами радуги; только ухабистая разбитая дорога проводила по этой простынѣ извилистую грязную борозду; вмѣсто сѣрыхъ сырыхъ стѣнъ, вдругъ предсталъ бѣлый снѣговой просторъ, и глаза скоро устали, воспалились и болѣли,—приходилось пожалѣть, что не захватили, по неопытности, предохранительныхъ очковъ; вмѣсто удушливыхъ газовъ, теперь со всѣхъ сторонъ дулъ свѣжій морозный воздухъ, и отвыкшіе отъ такой роскоши наши носы скоро раскраснѣлись и набухли, наши губы потрескались и опухли, наши ланиты горѣли и саднили. Теперь воздуху было слишкомъ много, хоть отбавляй, но нашъ обозъ изъ двѣнадцати саней двигался шагомъ изъ деревни въ деревню и казалось, что этому плаванію не будетъ конца. Жаль было смотрѣть на двухъ малютокъ,—послѣдній жилъ всего три недѣли на свѣтѣ,—которые должны были изъ Польши тащиться за своими крамольными родителями, впрочемъ очень милыми людьми; заботливая семейка везла съ собой цѣлый возъ всякой домашней клади до камышеваго вѣника включительно. Находясь въ пути съ ранняго

утра и до поздней ночи, продрогшія дѣтишки иногда не выдерживали и громкимъ плачемъ протестовали противъ такой жестокости большихъ людей. Бѣдная мать окоченѣлыми руками старалась получше укутать свое чадо;. какъ-то вечеромъ, послѣ долгой ѣзды, она сунула ребенка кому-то изъ мужчинъ и, размахивая руками, топталась на мѣстѣ и причитывала:

— О, найсвѣнтшая Панна! О, майнъ Готъ, майнъ Готъ!..

И тутъ же охалъ замерзшій, 72-лѣтній шпіонъ, которому вторилъ другой старикъ, нѣмецъ изъ Таврической губерніи, едва передвигавшій опухшими, сведенными ревматизмомъ ногами, обутыми въ легкіе ботинки; калоши у старика украли, а валенокъ не на что было купить. Всю жизнь онъ провелъ въ Тавріи, забылъ совершенно, что онъ германскій подданный, но началась война и ему напомнили объ этомъ, пославъ по тюрьмамъ въ Сибирь. Карскіе черкесы живописно кутались въ свои кавказскія бурки, но морозъ—синій носъ усердно знакомилъ ихъ съ своими качествами, вызывая на глазахъ слезы и выжимая изъ груди болѣзненный вздохъ. Еврей, богатый коммерсантъ, подкатившій къ Томску въ экспрессѣ, все время плевался и ругался отъ досады; все-же онъ не забылъ купить себѣ металлическую кровать, чтобы въ Сибири не спать на полу. Была еще интересна парочка ветхихъ днями супруговъ, литовцевъ;

онъ худой, длинный, какъ жердь, она—низенькая, пухленькая; онъ всегда молчалъ, она постоянно отчитывала его и часто отдѣлывала на всѣ бока своимъ неугомоннымъ языкомъ. Ихъ выслали за то, что къ нимъ на квартиру зашла какая-то дѣвушка и просила работы; они отказали, дѣвушка ушла, а стариковъ схватили, какъ укрывателей шпіонки. Нѣсколько человѣкъ „лишенцевъ" вели себя прилично; Ивановъ въ нашу партію не попалъ и,—какъ намъ передавали,—со злости онъ чуть не откусилъ кому то изъ „чужихъ" носъ, за что и попалъ на недѣлю въ карцеръ...

Уже къ концу перваго дня путешествія во всѣхъ членахъ чувствовалась сильная усталость; все тѣло было точно побитое; плечи ломило отъ тяжести одеждъ. Добравшись до ночлега, мы едва брели и съ опухшими красными лицами очень походили на хроническихъ пьяницъ. Перекусивъ кое-что, мы сейчасъ же растягивались на полу и засыпали, а утромъ не могли двинуть ни рукой ни ногой и долго стонали, пока разминались затекшія косточки.

Вся партія въ сорокъ человѣкъ разноплеменныхъ, молодыхъ и старыхъ путниковъ, какъ бы въ миніатюрѣ, представляла собой всю неизмѣримую громаду человѣческаго горя и скорби. Прислушиваясь къ стонамъ озябшихъ и всматриваясь въ звѣздное небо, казалось, что и эта стужа, завладѣвшая землею, есть часть той скорби, ко-

торая леденитъ сердца сыновъ человѣческихъ. Вспоминался вздохъ поэта:

Лунною ночью услышу вдали
Вздохи людей и на раны взгляну я...
Тихо спрошу у заснувшей земли:
— „Кто тамъ рыдаетъ, тоскуя?“
Пусть все безмолствуетъ въ тягостной мглѣ,
Воплямъ моимъ—только къ небу дорога...
Спроситъ Господь: „Есть ли скорбь на землѣ?“
„Боже, отвѣчу я,—много!..“

Давно уже люди думали надъ вопросомъ: „Что сильнѣе?“ и рѣшили: сильнѣе огонь, который все попаляетъ и все поѣдаетъ; а огня сильнѣе вода, понеже угашаетъ огонь; а воды сильнѣе вѣтеръ, потому что движетъ ее; а вѣтра сильнѣе гора, потому что недвижима отъ него бываетъ; а горы сильнѣе человѣкъ, потому что раскопаетъ ее и владѣетъ ею; а человѣка сильнѣе хмѣль, потому что отымаетъ у него руки и ноги и всю крѣпость его; а хмѣля сильнѣе сонъ, потому что испаряетъ его; а сна сильнѣе скорбь... Да, много скорби кричащей, вопіющей, но еще больше—молчаливой; скрытой въ нѣдрахъ души! и счастливы тѣ, кто въ скорби своей обращаются къ Богу, на Него возлагаютъ заботы свои, ибо только Онъ сильнѣе скорби! „Никогда не дастъ Онъ поколебаться праведнику“...

Порядокъ путешествія установился такой: выѣзжали часовъ въ восемь утра, дѣлали за день 5—6 остановокъ для пересадки на другія сани и въ эти промежутки грѣлись чаемъ или молокомъ. Первые два дня селенія попадались чаще, но чѣмъ дальше забирались отъ города, тѣмъ рѣже попадались жилья. Получая за лошадь отъ версты три копѣйки, мужики неохотно несли этотъ оброкъ и не хотѣли гнать лошадей.

— Изъ-за всякихъ тамъ рястантовъ да буду я животину портить. Поспѣютъ, язви ихъ,—ворчали нѣкоторые.

И вмѣсто полагаемыхъ по маршруту 90—100 верстъ, мы дѣлали меньше. Урядникъ съ стражникомъ ничего не могли подѣлать съ этой своеобразной „итальянской забастовкой". Въ Одессѣ какъ-то электрическій трамвай, вмѣсто обычнаго бѣшеннаго бѣга, вдругъ началъ ползти не хуже нашихъ саней. Всѣ терялись въ догадкахъ и наконецъ узнали, что вагоновожатые устроили „итальянскую забостовку"; т. е. на работу выходили, но дѣлали все страшно медленно, пока не получили повышенной платы. Сибирскіе крестьяне, конечно, не знали никакой „итальянской забостовки", но не спѣшили изъ чисто хозяйскаго практическаго расчета...

Ѣхали всѣ на простыхъ „розвальняхъ", по три человѣка на каждыхъ и только черезъ день приспособились садиться такъ, чтобы не вывалить-

ся и чтобы не болѣла спина. Каждый не любилъ вылетать въ сугробъ, но всегда смѣялся, когда такое несчастье случалось съ другимъ. Въ партіи было нѣсколько неудачниковъ, которые постоянно вываливались, а потомъ бѣжали съ версту, пока не нагоняли рысака и долго пыхтѣли, отдувались и вытирали вспотѣвшія лица. Къ счастью, всѣ паденія обходились благополучно; головы, руки и ноги остались цѣлыми. А приходилось иногда на полудикомъ одрѣ буквально слетать съ крутизны; уцѣпишься въ передокъ, зажмуришь глаза и мчишся въ пропасть. Выноси, конь добрый! Глянешь потомъ назадъ и только головой покачаешь: поистинѣ Ангелъ-хранитель сопровождаетъ насъ! Какъ-то одной изъ лошадей наскучило наше общество, она повернула назадъ и умчала домой троихъ „рястантовъ". Стражнику пришлось ѣхать за ними...

На шесть дней пути изъ казны каждый получилъ по полтиннику серебромъ. Часть этихъ денегъ мы удѣлили уряднику „за усердіе"; хотя онъ старался плохо, все же отыскивалъ намъ удобный ночлегъ и во время разбивки звалъ за собой:

— Священники, за мной!

Его же помощникъ, рябой стражникъ изъ казаковъ, разсказывалъ крестьянамъ:

— Мы веземъ цѣлую шайку сектантскихъ поповъ.

И мужики дивились, что это за люди такіе?

А „священники“ охрипшими голосами охали

— Ой, ноженьки мои! Ой, рученьки мои!..

Въ одной деревнѣ кто-то изъ проѣзжавшей до насъ партіи стащилъ полушубокъ, и крестьяне постановили никого не пускать на ночлегъ. Наше начальство долго билось, пока сломило это упорство. На утро же почти всѣ „лишенцы“ и стража были пьяны: у крестьянъ оказалось много „самогонки“, водки, которую они сами гонятъ. И пьяные молодцы сначала орали пѣсни, а затѣмъ уснули на холодѣ...

Но вотъ и село Колпашево, заполненное ссыльной братіей. Послѣ насъ въ это село попали братья: Ѳ. П. Балихинъ, И. Д. Вѣтровъ, Вержаковъ, Ѳ. Ѳ. Шенеманъ и двѣ сестры. Въ этомъ же селѣ послѣ долгой болѣзни, братъ Ѳ. Ѳ. Шенеманъ переселился въ вѣчныя обители...

Начиная съ Колпашева, наша партія стала постепенно убывать. Но мы проѣхали еще верстъ сто дальше. Въ воскресенье, засвѣтло мы остановились въ остяцкой деревушкѣ и къ утру слѣдующаго дня отдохнули хорошо. И въ понедѣльникъ, 2-го марта, наконецъ, сдѣлали послѣдній перегонъ и прибыли въ пристань назначенія—село Алатаево. Любопытному взору предстало восемьдесять дворовъ въ безпорядкѣ разбросанныхъ на берегу рѣки Кеть. Всѣ дома деревянные, немало изъ нихъ двухэтажныхъ, нѣкоторые подъ желѣзную крышу. Надъ озеромъ стоитъ небольшая церковка, куда

священникъ наѣзжаетъ по большимъ праздникамъ изъ Нарыма, и недалеко отъ нея церковно-приходская школа. Во дворъ старосты явился франтоватый надзиратель, наше будущее „начальство", который вызвалъ насъ по именамъ и заявилъ:

— Можете, господа, искать себѣ квартиру, кому гдѣ понравится.

И всѣ разбрелись по занавоженному селу...

Ожидая встрѣтить въ Сибирской глуши лачуги „на куриныхъ ножкахъ", какими изобилуютъ деревни средней Россіи, мы пріятно поразились дѣйствительностію и были рады такой ошибкѣ. Пользуясь безплатно и въ неограниченномъ количествѣ строительнымъ матерьяломъ, избалованные крестьяне берутъ только отборный лѣсъ и дерева не жалѣютъ; выбравъ лучшую часть, они отпиливаютъ сколько нужно, а остальное, часто такого же размѣра и качества бросаютъ на гніеніе.

— Это соръ,—обыкновенно говорятъ они.

На дрова выбираютъ деревья тоже безъ сучковъ, чтобы кололось съ одного маху. И братья, знающіе цѣну такому „сору", особенно на югѣ, только вздыхали:

— Какъ тутъ портятъ лѣсъ! Если бы это добро, да въ Одессу—озолотиться можно... Особенно теперь, когда пудъ дровъ доходитъ до рубля, а то и перевалилъ уже за рубль.

— За моремъ телушка-полушка да рубль перевозка!—возражали мечтателямъ.

Мѣстные же „чалдоны", въ свою очередь удивлялись, что гдѣ-то на югѣ дрова продаютъ на пуды.

— Значитъ, Сибирь то не у насъ, а у васъ,— замѣчали они глубокомысленно.

Большинство домовъ были двухэтажные, причемъ верхняя часть отдѣлывалась подъ „чистую горницу", предназначенную для пріема гостей и вообще праздничныхъ торжествъ; въ нижней же обычно ютилась вся семья, находившаяся въ большой дружбѣ съ тараканами и прочими насѣкомыми.

Размѣстились мы на жительство такъ: Любекъ и я заняли довольно приличную комнату на второмъ этажѣ, въ пять оконъ, оклееную уже старыми обоями, съ крашеннымъ поломъ, чрезъ щели котораго можно было видѣть, что дѣлается подъ нами. Полдюжины „доморощенныхъ" стульевъ, окрашенныхъ въ голубую краску; четыре небольшихъ стола; зеркало на стѣнѣ; нѣсколько иконъ въ углу съ приклеенными къ божницамъ свѣчами, вмѣсто лампадъ; картинка съ изображеніемъ русскаго солдата въ громадныхъ сапогахъ, сидящаго на барабанѣ, предъ которымъ стоитъ карликъ-турокъ въ заплатахъ, и неудобный деревянный диванчикъ у стѣны,—такова обстановка новаго жилья, снятаго за четыре рубля въ мѣсяцъ съ самоваромъ, водой и отопленіемъ... Бѣлоусовъ, Филиповичъ и Албуловъ поселились въ другомъ концѣ села въ одной комнатѣ съ большой русской печью; въ прихожей,

она же и кухня, расположились на полу хозяева. Мѣстные крестьяне большею частью спятъ на полу: не такъ больно кусаются клопы и прочіе грызуны. Сперва братьевъ смущало такое совмѣстное сожительство, но потомъ они привыкли къ хорошимъ хозяевамъ да такъ и остались жить. Назаренко нашелъ себѣ уголокъ на краю села въ бездѣтной семьѣ за рубль въ мѣсяцъ. Адвентисты поселились отдѣльно, а д-ръ Адельсбергеръ поѣхалъ дальше верстъ за 120 до села Тимска...

Развѣдали мы о продуктахъ питанія и узнали, что жить можно. Мѣстные крестьяне круглый годъ занимаются рыболовнымъ промысломъ. Окрестъ деревни было много озеръ, богатыхъ рыбой, еще больше болотъ, и дальше тянулась непроходимая тайга. Впрочемъ, теперь все было завалено снѣгомъ и только кое-гдѣ торчалъ небольшой тальникъ. Глубокій снѣгъ доходилъ до пояса, и горе тому, кто сворачивалъ съ дороги; иногда загрузшую лошадь приходилось выпрягать, чтобы поставить на ноги и вытащить изъ сугроба. Небольшой сосновый лѣсъ стоялъ верстахъ въ двухъ отъ деревни, а материковый, кедровый—въ десяти верстахъ; сборъ кедровыхъ орѣховъ составляетъ часть промысла крестьянъ, хотя урожай орѣховъ бываетъ и не каждый годъ...

Потолковавъ немного, мы напились чаю, разостлали на чистомъ полу наши вещи, поблагодарили Господа за охрану и помощь въ пройденныхъ

испытаніяхъ и легли. Какъ хорошо! Лежи сколько твоей душѣ угодно! Не бойся воровскихъ рукъ, не вздрагивай при окрикѣ „Смирно!“, не задыхайся въ этапной гонкѣ, не валяйся по разнымъ пропитаннымъ грязью и заразой нарамъ, не корми новыхъ насѣкомыхъ, а старыхъ предай смерти... Воздухъ въ горницѣ чистый, на столѣ самоваръ допѣваетъ свою убаюкивающую пѣсню, одинаковую съ той, какую поетъ самоваръ въ моемъ очагѣ, тамъ на югѣ... Да, тамъ наши близкіе еще и не знаютъ, что мы уже пріѣхали на мѣсто, и хотя считаемся „гласноподнадзорными“, но все же свободные!.. На минуту мысли переносятся къ семьѣ, къ братьямъ и мгновенно охватываютъ весь пройденный этапъ; снова обводишь взоромъ комнату, прислушиваешься къ ровному дыханію уснувшаго сосѣда и кажется, что все прошлое было только тяжелымъ сномъ... Вотъ открылъ глаза и—весь тревожный миражъ исчезъ, все кругомъ тихо и такъ уютно и тепло на твердой буркѣ... Нѣтъ не нужно такой дѣйствительности, пусть лучше все прошлое будетъ только сномъ! все пережитое, все пережитое, всѣ эти опасности огненныя, водныя, звѣриныя, змѣиныя, сатанинскія!.. Богъ нашъ былъ силенъ: сохранилъ насъ невредимыми и углубленными духовно; Онъ силенъ и впредь провести намѣченной тропою. „Ты со Мной, Ты со Мной! Въ Твоихъ я покоюсь рукахъ!“... Сердце шептало молитву и глубоко вѣрило, что все мрачное для

моей родины, истерзанной и многострадальной, исчезнетъ какъ паръ, какъ цвѣтъ на травѣ, и все свѣтлое, все доброе, все небесное восторжествуетъ побѣду, изгонитъ вражью силу и расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ благоденствія и любви. Послѣ ночи грядетъ день, послѣ тьмы—свѣтъ, послѣ произвола—свобода духа и жизни будетъ!.. И въ груди стало такъ легко—легко, мирный сонъ подкрался къ моимъ глазамъ, тихо закрылъ ихъ и унесъ сознаніе въ таинственный міръ грезъ... Снова было все бѣло, кругомъ простирался сверкающій снѣгъ; по бѣлой дорогѣ шли люди, много людей, въ бѣлыхъ одеждахъ, чрезъ которыя все-же просвѣчивали сердца, тоже сіяющія, какъ снѣгъ...

Нарымскій край былъ вовсе не страшенъ!..

XIII.
На мѣстѣ.

Утлый челнъ жизни нашей вошелъ въ спокойное русло и ровно поплылъ въ однотонныхъ берегахъ деревенскаго быта, мимо вѣхъ короткаго, постепенно увеличивающагося дня и долгой, незамѣтно сокращающейся ночи. Всѣ бурлящіе водовороты человѣческихъ страстей, всѣ неожиданныя смѣны рѣзкихъ впечатлѣній, всѣ волнующія душу гадости насилій и издѣвательствъ, всѣ напряженія нервовъ,—все осталось позади насъ, все продолжаетъ бушевать за моломъ прошлаго. Теперь можно было отдохнуть, придти въ себя, собраться

съ силами, подновить побитое тѣло и выяснить всѣ накопившіяся впечатлѣнія усталаго духа. И послѣ шумной толпы, такъ хотѣлось тишины, покоя, ничегонедѣланія, что мы нѣкоторое время буквально отлеживались. Изъ разсказовъ прибывшихъ сюда въ Декабрѣ и Январѣ, мы узнали объ ихъ мытарствахъ на лютомъ морозѣ въ 40—50° и поняли, почему Господь задержалъ насъ въ пути подъ тюремной крышей. Чтобы мы дѣлали въ нашихъ южныхъ одеждахъ въ этакую пору! И если намъ теперь, на исходѣ зимы, было несладко, то о крещенскихъ морозахъ и говорить не приходится! Всегда конецъ вѣнчаетъ дѣло! И Онъ, нашъ Отецъ, печется о насъ!..

Нашъ хозяинъ, добродушный, 70-ти лѣтній старикъ Михаило, безъ единаго сѣдого волоса и съ крѣпкими зубами, велѣлъ для насъ изготовить баню. Мы пошли и угарѣли такъ, что великорослый Любекъ вдругъ упалъ въ обморокъ, и я долго возился съ нимъ, пока привелъ въ чувства. Хозяинъ виновато качалъ головой и удивлялся нашей невыносливости. Вскорѣ мы изъ березовыхъ палокъ смастерили себѣ довольно изящныя и крѣпкія кровати въ декаденскомъ стилѣ, подъ ножки которыхъ поставили жестянки съ водой, и назойливые клопы ходили кругомъ да около неприступныхъ крѣпостей и удивлялись мудрости нашей вмѣстѣ съ хозяевами. Прыгать же на кровать съ потолка, какъ это ухитряются дѣлать

тюремные „кровопивцы",—мѣстные еще не научились. Дѣдушка же Михайло всегда спалъ на полу, разстилая только тонкій войлокъ и не признавалъ клоповъ.

— Сызмальства привыкъ я и мягкаго не люблю,-объяснялъ онъ.

Въ говорѣ мѣстныхъ крестьянъ не привычное ухо быстро улавливаетъ сокращеніе глаголовъ, напр., „знаемъ" у нихъ выходитъ: „знамъ", покупаемъ-покупамъ, промышлямъ и т. д. Любимое выраженіе досады, гнѣва или радости, смотря по обстоятельствамъ, у нихъ въ большомъ ходу: „Ахъ язви тя!.. Пятнай тя!" Вѣроятно, это выраженіе находится въ связи съ укусами лѣтомъ безчисленныхъ комаровъ и мошекъ... Съ ссыльными крестьяне всегда сдержаны и вѣжливы. Они никогда не спросятъ, зачто васъ выслали, а если кто вздумаетъ доказывать свою невиновность, то мужикъ выслушаетъ и дипломатично замѣтитъ:

— Знамо дѣло, што всяко бываетъ и начальству виднѣе. Для насъ это все едино, за што кого выслали; только живи у насъ человѣкомъ и не безобразь. А тамъ самъ про себя знашь...

Всѣхъ высланныхъ они называютъ „политика", втайнѣ тяготятся незванными „гостями", но покорно несутъ это иго, какъ своего рода оброкъ. Запуганные начальствомъ, крестьяне добровольно несутъ полицейскую службу и о всемъ подозрительномъ по ихъ мнѣнію немедленно доносятъ, куда

слѣдуетъ. Все-же въ бесѣды вступаютъ охотно и интересуются всѣмъ.

Насколько предусмотрительно начальствующее око, показываетъ уже то, что о нашемъ пріѣздѣ было дано телеграфное сообщеніе, и за недѣлю до нашего прибытія, священникъ изволилъ произнесть съ амвона предупреждающую проповѣдь, въ которой строго наказывалъ крестьянамъ „не сообщаться съ баптистами, адвентистами и евангельскими христіанами“, не ѣсть съ ними и не жить подъ одной кровлей, какъ съ измѣнниками и нѣмецкими выходцами. Однимъ словомъ, духовный пастырь задалъ работу мужицкимъ головамъ изъ полуторасотенной массы высланныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, русскихъ, поляковъ, нѣмцевъ, австрійцевъ, черкесовъ и евреевъ отыскать этихъ крамольниковъ „не нашего Бога“. И въ первый день пріѣзда, при наймѣ квартиры, меня удивилъ вопросъ старика:

— А вы какой будете вѣры, крестьянской?

— Конечно, христіанской,—отвѣтилъ я, и этотъ вопросъ больше никогда не подымался...

Всѣ ссыльные жили отдѣльными группами, и хотя знали другъ друга, но сходились туго. По профессіи были высланные: одинъ вице-директоръ Жирардовскихъ манфактуръ, конторщики, коммивояжеры, студенты, парикмахеры, слесаря, столяра, плотники, сапожники, маляра, торговцы, мясники, скотопромышленники, чернорабочіе, одна сестра

милосердія сомнительнаго качества, воры всѣхъ спеціальностей, сектантскіе „попы" и даже одинъ мальчикъ восьми лѣтъ полякъ, задержанный съ какимъ-то письмомъ, полученнымъ отъ какого-то „дяди", и высланный, какъ шпіонъ. Съ нѣкоторыми изъ ссыльныхъ мы сошли ь, съ остал ыми и ели ш почное знакомство. Большинство этихъ людей ж ло на казенный паекъ ъ сем рублей семьдесятъ копѣекъ мѣсячн го „жалованья" и ухи рялись оборачив т с , одр батывая, гдѣ можн . Господа же воры отъ ску и и бездѣлья круглыя сутки дули ь въ карты, проигрывали сво „кормовыя" д ньг , ве и, бѣлье. Подаренная мною еще въ тюрьмѣ рубаха одному „лишенцу" за лѣто побыв ла а нѣсколькихъ спинахъ. Получая деньги тъ н дзирателя, игроки тутъ же во дворѣ собирали долги, ссорились, шумѣли и грозили другъ другу.

Тутъ же въ Алатаевѣ мы познакомились съ высланнымъ изъ Туапсе брато ъ П. С. Ковалевымъ, попавшимъ въ сіи мѣста за с ова: „Лучше было бы, сли ы не было во н ". По тюрьмамъ онъ тащился полгода и въ Алатаево прибылъ въ 50° мороза.

Приспосабливаясь къ новой обстановкѣ, мы рѣшили для удобства обѣдать всѣмъ вмѣстѣ. У Филиповича от рылись организаторскіе таланты по добыванію провизіи и составленію „меню", такъ что мы охо но и противъ его желанія, вручили ему власть „кашевара" и были рады освободиться

тъ сихъ хлопотъ. Симпатичная хозяйка, Ивановна была помошницею главному повару и дѣло пошло наладъ. Блюда не блистали разнообразіемъ и изысканностію; сперва ѣли изъ трехъ мисокъ супъ „сколько душѣ угодно", а потомъ—мясо, или сперва—мясо, а потомъ супъ и почти всегда—кислое молоко. Весной появилась рыба и мы принялись за нее, затѣмъ начали закупать зайцевъ и дикихъ утокъ. Все было дешево, ибо гидра дороговизны еще не успѣла доползти въ такую глушь. Мясо продавалъ еврей-рѣзникъ по 7-9 коп. фунтъ; крынка молока стоила 5 коп.; ржаной хлѣбъ—3 коп.; бѣлый 6 коп.; яйца зимой до 30 коп. за десятокъ, весной отъ 15 и дороже; рыба продавалась отъ 3 коп. фунтъ и до 15 коп. Мы подсчитали расходы и нашли, что за 14—16 руб. можно сытно жить въ Сибири.

— Это у насъ на югѣ Сибирь, а не здѣсь, повторяли мы и все же каждую минуту были готовы выпорхнуть изъ этихъ благодатныхъ мѣстъ.

Въ обѣденное время обычно велись нескончаемыя бесѣды и разсужденія по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ религіи, философіи и политики, и подчасъ довольно горячія, когда каждый старался доказать правоту своего мнѣнія.

По вторникамъ, разъ въ недѣлю приходила почта, и этотъ день вносилъ въ нашу тихую обитель нѣкоторое оживленіе. Давался отпускъ въ Нарымъ

за письмами, покупками, и цѣлый день уходил на хлопоты.

Надзиратель выдавалъ отпускъ такого содержанія: „Данъ сей администрат вно-ссыльному Нарымскаго края, водворенному въ селѣ Алатаево, Михаилу Тимошенко для свободнаго слѣдованія въ г. Нарымъ за покупкими разныхъ товаровъ и обратно срокомъ на одинъ день, т. е. до 6 часовъ вечера 9-го сего марта. По прибытію его въ городъ онъ обязанъ явить настоящій отпускъ въ канцелярію господина пристава 5 Стана Томскаго уѣзда а по возращеніи возратить мнѣ; за неисполненіе сего онъ лишается отпуска въ будущемъ. Данъ 9 марта 1915 года. Ст. надзиратель с. Алатаево А. Коваль“.

Какъ видите, въ сей драгоцѣнной бумажкѣ указывался и маршрутъ и время и наказаніе за провинность. И этотъ документъ хранился бережно. За самовольную отлучку, по предписанію губернатора, слѣдовало мѣсячное заключеніе въ каталажку при волостномъ правленіи въ селѣ Парабель, куда и удостоились попасть нѣкоторые свободолюбцы.

Отправляясь въ городъ Нарымъ, мы очень интересовались взлянуть на этотъ центръ политической ссылки, на это знаменитое мѣсто, прославившееся во всѣхъ углахъ обширной страны, на это пугало всѣхъ безпокойныхъ, негодующихъ гражданъ и неугодныхъ кому-то вольнодумцевъ. Но даже всякое невзыскательное представленіе о городѣ раз-

илось, какъ хрупкое стекло. Нѣсколько рядовъ
ирныхъ, старыхъ, довольно низкихъ строеній,
ежду которыми заблудилось нѣсколько двухъ—
ажныхъ домовъ,—таково первое впечатлѣніе отъ
ого заброшеннаго гнѣзда. Затѣмъ слѣдуютъ при-
наки „города“: канцелярія пристава, съ старин-
ой пушкой во дворѣ, больница, казначейство,
очтовое отдѣленіе, церковь, три-четыре лавки, изъ
ядовъ которыхъ выгодно выдѣлялся магазинъ
зъ краснаго кирпича, представлявшій собою въ
иніатюрѣ „Мюръ и Мерелизъ“ Нарымской столицы.
тарое зданіе пустой церкви, готовое рухнуть,
оитъ на самомъ обрывѣ рѣки и ждетъ, когда
ода слижетъ послѣднюю опору фундамента. Вотъ
се, что мы замѣтили. Большая армія ссыльныхъ
живляетъ это сонное мѣсто и даетъ заработокъ
ѣстнымъ обывателямъ; именемъ политическихъ
сыльныхъ и прославилось это **пятно** среди не-
роходимыхъ болотъ...

Побывавъ въ канцеляріи пристава, гдѣ на от-
ускѣ была сдѣлана отмѣтка о явкѣ, зашли въ
азначейство обмѣнять истертыя двѣ десятируб-
евыя бумажки, которыя изъ Одессы пропутешество-
али въ валенкахъ Албулова и были открыты
олько въ Алатаевѣ, взяли корреспонденцію, на-
упили всякой всячины, посѣтили въ больницѣ
дного больного старика, побесѣдовали тамъ съ
ольнымъ юношей, оказавшимся молоканиномъ
зъ Баку, высланнымъ за политику, который

удостоилъ вѣру въ Бога назвать глупостью, и о
прав лись во-свояси. Городъ Нарымъ совсѣмъ н
понравился намъ, и можно понять уныніе тѣх
впечатлитель ыхъ высланныхъ, которые не устоял
передъ нат скомъ тоски и отчаянія, и наложил
на себя руки. Въ такой пустынѣ можно дойти д
нервнаг разстройства да еще при назойливост
всюду сующихъ свой носъ блюстителей законн
сти, съ которыми у ссыльныхъ бываютъ доволь
частыя и жаркія схватки.

Вторую по счету поѣздку въ Нарымъ я совер
шилъ съ Бѣлоусовымъ, самъ управляя лошадко
Крестьяне, боясь впутаться въ „исторію", даю
лошадь, только когда покажешь имъ „отпускъ
а иной даже пойдетъ еще справиться объ отпуск
Дорогою мнѣ почему-то показалось, что прошлы
разъ мы ѣхали не этимъ путемъ; подѣлился св
ими думами съ сосѣдомъ, и онъ заволновался, чт
бы еще не заѣхать куда въ сторону. Доѣхали д
острова и свернули налѣво, но встрѣчные мужик
съ сѣномъ н правили обратно. Повернули коня
загрузли въ сугробѣ. Нашъ меринъ долго мотал
головой, осуждая суетливость и безтолковост
сѣдоковъ. Позже мы узнали, что „всѣ дороги в
дутъ въ Римъ", то-бишь въ Нарымъ. Около Чер
ной деревни два прилично одѣтыхъ господин
посторонились и сказали намъ „Здравствуйте
Взглянувъ мелькомъ на одного изъ нихъ, я замѣ
тилъ:

— Какъ онъ похожъ на брат... на брата...
Но господинъ вдругъ заволновался и бросился намъ съ распростертыми руками:
— Братъ Тимошенко! Вотъ такъ встрѣча!..
— Николай Ивановичъ! Вы то зачѣмъ здѣсь?— умился я въ свою очередь, натягивая возжи. Это былъ бр. Н. И. Гринфельдъ, который по носу миссионеровъ былъ высланъ въ слѣдъ за ми. До Томска ѣхалъ съ проходнымъ свидѣтельвомъ, а оттуда нашимъ путемъ до Нарыма. Н. И. дѣялся гдѣ-либо встрѣтить насъ, и Господь троилъ это такъ просто. За двѣ недѣли до моего еста, я гостилъ у него въ Ораніенбаумѣ, осматвалъ старинный паркъ временъ Екатерины, орецъ и каналъ, проведенный по капризу цацы въ одну ночь. Легенда гласитъ, что однажды атерина II изъявила желаніе сѣсть въ гондолу ямо съ крыльца, и всесильный Потемкинъ вырбовалъ солдатъ... а утромъ гондола у подъѣзда дала свою повелительницу... Разстались мы тогда рно и не знали, что намъ уже уготованъ своего да „каналъ“ въ Сибирскую тайгу... Во всѣ поѣдующія поѣздки въ городъ, мы на нѣсколько совъ останавливались у Н. И. и утѣшались обніемъ братскаго единомыслія...

Установилась хорошая погода; солнце пригрѣло все болѣе и болѣе; на землю незримо на своь крыльяхъ опускалась весна, готовясь къ больой разрушительной и созидательной работѣ.

Дома не сидѣлось и по пустынной дорогѣ м
далеко уходили за село, бродили по осѣвшем
уплотненному снѣгу; но иногда верхняя кора
выдерживала тяжести и зарвавшійся смѣльча
проваливался по поясъ и терялъ галоши, котор
потомъ искали всей компаніей. Въ теплые дни м
ходили въ однихъ пиджакахъ и какъ то странно бы
ощущеніе тепла въ снѣжной массѣ; сверху палил
снизу холодило,—происходила борьба двухъ ст
хійныхъ гигантовъ и ясно было видно, на чь
сторонѣ окажется побѣда. Промерзлая земля ег
удерживала свой бѣлый покровъ, на которомъ
тамъ, то здѣсь, невидимыми руками дѣлались пр
рѣхи, изъяны и вскорѣ отъ пышной пухов
одежды остались лишь однѣ клочья. Весна то
жествовала побѣду; зима-же исходила слеза
безчисленныхъ потоковъ, озеръ и ручейков
Тянуло походить по обнаженной землѣ и что
добраться до такого бугорка, мы ложились
снѣгъ въ лощинахъ и катились по немъ та
гдѣ нельзя было пройти.

Послѣдній разъ на саняхъ мы съѣздили въ
рымъ 24 марта, но писемъ отправить не пришло
гдѣ то около Томска начинался разливъ и
телеграфному распоряженію почта уѣхала въ н
рочное время. Послали въ Одессу телеграмму
прекращеніи сообщенія и подчинились условія
мѣстнаго климата.

Рѣка постепенно набухала, темнѣла; ледъ

жался, напиралъ на сосѣднюю глыбу и вскорѣ ѣть представляла собой хаосъ невообразимый. ѣдъ шелъ нѣсколько дней потомъ стала прибывать ода, которая и позалила все кругомъ, оставивъ амъ островокъ версты въ двѣ. За глыбами льда оплыли бревна, деревья, сучья въ великомъ колиествѣ и кому было не лѣнь, тотъ выбиралъ бревна олучше и тащилъ ихъ къ берегу. Мы на берегу орчали по цѣлымъ днямъ, любуясь возрожденіемъ рироды.

Въ моей квартирѣ вода подошла подъ самый орогъ, но въ подвалъ зайти постѣснялась; въ рошломъ же году доходила до колѣнъ. Подъ оломъ кошка устроила себѣ гнѣздышко, гдѣ и оспитывала рыжаго дѣтеныша. И каковъ же былъ ужасъ, когда вода отрѣзала входъ въ подполье, дѣ осталось ея возлюбленное чадо. Достать котен не было возможности и мы порѣшили, что онъ огибнетъ. Но самоотверженная мать думала ина; она долго ходила кругомъ, мяукала, заходила брюхо въ воду и возвращалась обратно. А бѣдый малышъ все продолжалъ плакать въ своей ѣткѣ. Наконецъ, материнское сердце не выдерало, кошка рѣшительно бросилась въ воду и резъ минуту за иворотъ вытащила свое изокшее чадо. Мы только подивились такой привязанности и умилились, смотря, какъ сама мокрая ать старательно облизывала своего любимца, уже урлыкавшаго свою кошачью пѣсенку. Интересно знать, о чемъ онъ пѣлъ?..

У хозяина было нѣсколько лодокъ и я садился въ „душегубку“, называемую въ Сибири „облосокъ“ выдолбленную изъ цѣлаго бревна, и учился плавать. Ухъ, какъ страшно! Чуть пошевельнешься „облосокъ“ уже грозитъ перевернуться. Дѣдушка же Михаило ѣздитъ въ немъ стоя да еще накладетъ до краевъ всякой клади; зато-раздолье плыть въ большой лодкѣ—„завознѣ“, куда мы усаживались 4-6 человѣкъ и ѣхали по всѣмъ направленіямъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а пароходъ все не показывался. Тяжелое чувство отчужденности и заброшенности било по нервамъ и заставляло вздыхать все чаще и чаще подъ тяжестью этого незамѣтнаго креста. Наконецъ, ночью 24 апрѣля раздался торжествующій гулъ пароходнаго свистка и пріятной музыкой разбудилъ насъ. Я подхватился, послушалъ и весело улыбнулся; Любекъ тоже сидѣлъ въ кровати и улыбался. Вѣдь этотъ пароходъ везетъ намъ вѣсточку изъ родного края! Вѣдь это же Европа пріѣхала въ гости къ Сибирскимъ отшельникамъ! Вѣдь это же... Да что и говорить о томъ чѣмъ былъ для насъ первый пароходъ! Исаакъ меньше обрадовался, когда въ Беэр-лахай-рои возвелъ свои очи и увидѣлъ Ревекку, чѣмъ мы

Изъ Нарыма пароходъ „Братья“ зашелъ къ намъ днемъ. Старъ и младъ вышелъ привѣтствовать его и толпа разошлась только тогда, когда онъ скрылся за поворотсмъ. Поднятая пароходнымъ

колесами зыбь напомнила далекое Черное море... Но съ того края были намъ и письма. Дивная вещь—почта! Въ скромномъ клочкѣ бумаги иногдѣ хранится такая бездна переживаній, чувствъ, мечтаній, скорби или радости, сокровенныхъ думъ и надеждъ, что весь бываешь поглощенъ переданнымъ чувствомъ Въ нашемъ лагерѣ всегда получаемыя письма, посылки, деньги отъ родныхъ, друзей и знакомыхъ производили общее ликованіе, и какъ жалокъ былъ видъ того, кто не получалъ ничего. Мы быстро обмѣнивались сообщеніями, обсуждали новости и, смотря по содержанію, или печалились, или радовались. Письма же отъ близкихъ всегда затрагивали самыя нѣжныя струны души... Теперь я сразу получилъ до тридцати писемъ и просидѣлъ надъ ними всю ночь. Близкія, дорогія, родныя лица мелькали передъ моимъ увлажненнымъ взоромъ, улыбались мнѣ, ободряли, ласкали и всѣ увѣряли, что думаютъ и молятся о насъ... Письма, какъ крѣпкія звенья невидимой цѣпи единенія стада Христова, соединяли въ тѣсную семью всѣхъ насъ, разбросанныхъ чадъ Божіихъ и свидѣтельствовали о единствѣ вѣры и согласіи духа на пути движущей нами любви. Далекіе плотію братья и сестры были у сердца нашего, согрѣвали насъ, заботились о насъ... И мы въ отвѣтныхъ письмахъ изливали нашу душу.

Пасхальные праздники прошли тихо. Мы собирались вмѣстѣ и молились о воскресеніи всѣхъ

сердецъ къ упованію живому. Въ село пріѣхалъ священникъ, обошелъ съ иконами всѣ дома, собирая должную дань, и три дня по селу неслось пѣніе молитвъ. На четвертый день попъ уѣхалъ и парни съ дѣвушками повели хороводы, гармонисты усердствовали въ потѣ лица, а старики чинно сидѣли здѣсь же и щелкали кедровые орѣхи. Мы переходили отъ одной группы къ другой и любовались, какъ деревенская молодежь танцовала вальсъ... На слѣдующій день деревня погрузилась въ повседневную работу.

XIV.

Сибирское лѣто.

Лѣто наступило вдругъ; какъ то незамѣтно все зазеленѣло, сразу стало жарко. Крестьяне засѣяли небольшіе участки земли, и дни и ночи проводили на рыбномъ промыслѣ, появляясь домой только затѣмъ, чтобы сдать бабамъ уловъ и взять новый запасъ хлѣба и чая. Одни только ссыльные безъ дѣла шатались по зеленому ковру обсохшей земли и радовались теплу, скворцамъ, мотылькамъ, гонялись за бѣлками, ловили на удочку рыбу, или сидѣли на берегу и мечтали... Вода пошла на убыль и хотя неохотно, все же отступала съ завоеванныхъ мѣстъ, явно показывая свое „истощеніе“. Островъ нашъ расширелся, потомъ превратился въ полуостровъ, но отраду бытія стали отравлять назойливыя мошки и комары. Наши

здки въ „завознѣ“ не давали покоя надзира-
о, который и попробовалъ было наложить за-
тъ. Но послѣ дружнаго отпора всей колоніи,
упилъ и только потребовалъ, чтобы катающіеся
вляли объ этомъ своимъ участковымъ страж-
амъ.

ользуясь просторомъ и „для укрѣпленія здо-
ья“ многіе ходили босыми и всѣ упростили
й нарядъ до предѣловъ возможнаго. Я соору-
ъ себѣ „восточныя сандаліи“ изъ кожи, другіе
выстрогали себѣ колодки, на которыхъ и стран-
овали, почесывая пострадавшіе отъ укуса на-
омыхъ мѣста. Незамѣтный укусъ мошкары
являлся лишь черезъ нѣсколько часовъ. По-
ялась опухоль, которая сильно зудѣла до боли
олѣе нетерпѣливые расчесывали себѣ руки,
и, лица до крови. Особенно плохо было въ
су и побывавшіе тамъ возвращались разукра-
нными нарывами лицами. Пришлось пріобрѣсть
еціальные колпаки съ проволочнымъ забраломъ
въ нихъ было душно и неудобно. Тогда я ку-
лъ себѣ дамскій шарфъ—газъ и обшилъ его
кругъ шляпы; стало лучше, но совершенно убе-
чься отъ укуса было невозможно.

Еще до разлива я написалъ женѣ, чтобы она
сыномъ ѣхала раздѣлять мою участь и пер-
мъ пароходомъ послалъ условную телеграмму
выѣздѣ. Ковалевъ ждалъ свою семью и насъ
тересовало.

— Чья пріѣдетъ раньше?

Каждому хотѣлось быть первымъ счастливц
но время шло своимъ чередомъ и продолжало
спитывать насъ въ школѣ терпѣнія...

Какъ-то въ полдень вдругъ раздался тороп
вый, тревожный звонъ церковнаго колокола. Н
селомъ подымались зловѣщія, черныя облака
ма. Какъ свѣча горѣла крайняя изба въ дв
шагахъ отъ воды. Большинство крестьянъ
мышляло и только благодаря усердію госп
ссыльныхъ пожаръ ограничился лишь одн
дворомъ, отъ котораго, не смотря на всѣ ст ара
тушившихъ, остались только обгорѣлые пни.
концу пожара притащили два богра, к гда
пламя подбирало крохи сухого дерева. Погор
овцы, телята, куры, сгорѣло много зерна, с
все имущество владѣльцевъ и все добро жи
цовъ—воровъ.

— Краденое впрокъ не идетъ!—вздыхали „
шенцы".

И чрезъ свое суевѣріе пострадали невѣжеств
ные хозяива: народился теленокъ и баба окур
его ладономъ да не замѣтила, какъ обронила
сѣно уголекъ. Довольная тѣмъ, что теперь у
нечистыя сила не испортитъ теля и изъ н
выйдетъ славная корова, баба съ дѣтьми с
обѣдать... Выскочили всѣ уже чрезъ пылав
сѣни. Послѣ этаго несчастья мужики сложил

ѣсколько десятковъ рублей пожертвовали погорѣльцамъ и выписали пожарный насосъ.

Ласковое солнышко свѣтило недолго. Гдѣ-то за ...ни верстъ горѣла тайга, вѣтеръ нагналъ къ ...ъ дыму и гари, и небо перекрасилось въ су...чный, грязный цвѣтъ; вмѣсто яркаго солнца, небосклону ползъ красный, какъ кровь, шаръ. ...мъ былъ до того густой, что покрывалъ пеле... сосѣдніе дома и люди, подобно призракамъ, ...влялись и исчезали вдругъ; ночью же стоялъ ...роницаемый заборъ мрака и мы выходили на ...цу только по неотложнымъ дѣламъ.

— Это нѣмцы напустили на насъ свои удушли... газы,—философствовали нѣкоторые.

...И видъ этого небывалаго въ нашей жизни ...енія подавлялъ и угнеталъ всѣхъ. Чувствова...ь какая то безпомощность и ничтожество. Стоило только этому дыму стать гуще и угарнѣе, какъ ...бы живущее задохлось и погибло. Животные ...е удивленно смотрѣли на кровяное солнце и ...ало мычали... И какъ пріятно было появленіе ...ящаго свѣтила и видъ голубого неба, когда ...дяжный вѣтеръ разрывалъ сизый покровъ и ...ъ на время освѣжалъ воздухъ. Но вотъ вѣтеръ ...сился дальше и туманный сводъ снова замы...ся надъ нами. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ до...! Дымъ прогналъ куда-то нашихъ назойливыхъ ...довитыхъ враговъ—москитовъ и можно было ...ить съ открытой головой.

Но наше начальство не пробиралъ ника угаръ и оно все старалось больнѣе укусить лѣзненное самочувствіе поднадзорныхъ и лиш разъ дать почувствовать, что оно не напра носить фуражку съ кокардой. Какой то, гдѣ лѣнивый цензоръ пожаловался, что ссыль пишутъ очень много писемъ и любезный испр никъ преподалъ указаніе, чтобы отнынѣ плѣнн Нарымскаго края писали только открытки. подивились такому усердію и рѣшили продолж писать письма, которые и доходили по назна нію... Старшій надзиратель то же „пересолил на сходкѣ крестьянъ онъ посовѣтывалъ бить ловы тѣмъ ссыльнымъ, которые безъ разрѣше будутъ брать лодки для катанія, или же поз ночью ходить по селу. Крестьяне разсказали этомъ намъ и колонія заволновалась. Одно менно пришло новое распоряженіе отпускать Нарымъ за почтой только одного человѣка остальнымъ отпуски прекратить. Мы собралис сходку, выбрали довѣреннаго, но въ это же вр „лишенцы" задали надзирателю за „бить голо такой концертъ, что онъ не зналъ, какъ уйти этимъ скандалъ еще не кончился. Избранный солъ за кореспонденціей, политическій, не по вился надзирателю и онъ всячески затягив отпускъ. Тогда политическіе и воры ввалил къ нему въ квартиру и чуть не избили зад надзирателя. Этотъ скандалъ ослабилъ возжи

прета и снова многіе могли ѣхать къ врачу и за покупками...

Добывъ у Василія „Бѣднаго"— самаго богатаго въ деревнѣ мужика,—кусокъ пустовавшей земли, Ковалевъ и я засадили картофель и двѣ гряды капусты. Огородничествомъ на селѣ занимаются исключительно бабы и поэтому многіе мужики подсмѣивались надъ нашей работой ежедневной поливки капусты. Но зато мы вырыли урожай самъ—восемъ и картофель оказался лучше, чѣмъ у крестьянъ.

Мирный укладъ нашего быта былъ нарушенъ двумя событіями. Какъ-то ночью къ Бѣлоусову явился надзиратель со стражниками и произвелъ тщательный обыскъ по предписанію отъ жанд рмскаго полковника. „Проработавъ" всю ночь, надзиратель съ пакетомъ отправилъ Бѣлоусова въ Нарымъ.Мы тревожно ждали результата этого таинственнаго дѣла и только черезъ три дня виновникъ тревоги невредимымъ возвратился въ нашу обитель и повѣдалъ, что по доносу все тѣхъ же ревностныхъ миссіонеровъ-сыщиковъ, его обвинили въ устройствѣ въ Кривомъ-Рогѣ, Херсонской губерніи, съѣзда евангельскихъ-христіанъ, на которомъ якобы былъ произведенъ „сборъ для Вильгельма II и гдѣ молились за него". Жандармскій полковникъ записалъ показаніе Бѣлоусова, приложилъ къ нему отобранныя письма и отпустилъ брата съ миромъ.

Но адвентисты, Горѣликъ и Жакъ, подверглись ссылкѣ въ ссылкѣ. Дѣло возникло по жалобѣ мѣстнаго попа, отца Якова Сырачова, который попросилъ убрать ихъ изъ Алатаева за совращеніе одного молодого крестьянина. Сынъ домохозяина адвентистовъ, Александръ, попросилъ Евангеліе, началъ усердно читать, пересталъ кланяться иконамъ и началъ въ постные дни ѣсть скоромное. Родные всполошились и заявили объ еретичествѣ батюшкѣ, который и пожаловалъ съ надзирателемъ къ совратителямъ, которымъ сталъ грозить всякими карами; но они вѣжливо предложили „увѣщателямъ" оставить ихъ въ покоѣ. Тогда съ амвона послѣдовала новая грозовая проповѣдь, которая совсѣмъ сбила мужиковъ съ толку, и были розданы противосектантскія брошюры Восторговской работы. „Совращеннаго" Александра подъ арестомъ отправили въ Нарымъ къ приставу, а тотъ препроводилъ его къ тому же священнику. Возвратился Александръ домой еще болѣе храбрымъ, чѣмъ былъ до ареста и еще усерднѣе сталъ читать Евангеліе. Угрозы іерея оправдались: Горѣлика и Жака перевели за полтораста верстъ дальше, въ глухую деревушку Колгуякъ. Мы проводили узниковъ въ новую ссылку и продолжали работу надъ „совращеннымъ" Александромъ, ставшимъ знаменитымъ на все село... О, бѣдная, бѣдная моя родина, па омая такими служителями алтаря, которые вмѣсто слова увѣщанія, терпи-

мости и христіанской любви, прибѣгаютъ къ полицейской плеткѣ и запрету! Оттого, что ты уживаешься съ такимъ владычествомъ произвола и насилія надъ душою, ты и прозябаешь духовно, какъ послѣдній нищій, въ ужасѣ бѣжишь отъ свѣта Вѣчнаго Слова!..

Съ прибытіемъ моей семьи произошла какая-то заминка, и всѣ мои разсчеты и вычисленія спутались и разсѣялись. Къ нѣсколькимъ пароходамъ я мчался во весь духъ и уходилъ разочарованный. Одинъ разъ прождалъ парохода всю ночь и, встрѣтивъ восходъ солнца, ушелъ домой, ни съ чѣмъ; на этотъ разъ даже пароходъ не зашелъ къ намъ. Черезъ день мы въ „завознѣ" уплыли за пять верстъ въ чувашскую деревушку Чиряево на берегу Оби, соединенной съ Кетью природнымъ каналомъ, который въ половодье течетъ въ Кеть, а въ мелководье поворачиваетъ свое теченіе обратно въ Обь. И по опаденіи воды пароходы уже объѣзжали Алатаево изъ-за песчанаго острова, преграждавшаго путь. Поручивъ чувашамъ привезти къ намъ гостей, мы повернули обратно и услышали выговоръ за самовольную отлучку. И только девятнадцатаго іюня меня разбудилъ Бѣлоусовъ, принесшій радостную вѣсть о пріѣздѣ моей семьи и дочери Албулова—Лидіи...

Въ тотъ же день надзиратель прочелъ намъ „предложеніе" изъ Петрограда по желанію переѣхать на жительство въ Уфимскую губернію, подъ

тотъ же надзоръ полиціи. Мы согласились при условіи, если намъ разрѣшатъ ѣхать на свой счетъ, а не чрезъ тюрьмы. И бумаги поплыли обратно...

Располагая свободнымъ временемъ, мы нѣсколько разъ толковали о томъ, чтобы удѣлять ежедневно для разбора Слова Божія одинъ часъ. Но желаніе все не осуществлялось, и мы ограничивались общими собраніями въ праздничные дни. Но въ серединѣ іюня м-ца отъ брата И. В. Карселя было получено письмо, которое и помогло намъ избрать тему для изслѣдованія и побудило взяться за работу.

Прочитали мы это хорошее письмо и начали изслѣдовать посланіе къ Римлянамъ. Но какъ разъ въ это время у меня появились боли въ желудкѣ, и оправился я лишь чрезъ три нedѣли...

Наша семья неожиданно увеличилась еще однимъ членомъ: какъ-то утромъ ко мнѣ взошелъ въ формѣ телеграфиста братъ Г. С. Остапецъ, проживавшій, какъ я зналъ, въ Кременчугѣ. Я всматривался въ новаго гостя и никакъ не могъ сообразить, почему онъ здѣсь?

— Вотъ гдѣ Господь свелъ насъ,—проговорилъ онъ, подходя ко мнѣ и улыбаясь.

Оказалось, что братъ хлебнулъ изъ той же чаши, что и мы; былъ арестованъ по указу все того же славнаго генерала Эбѣлова—да проститъ ему Господь!—и по тюрьмамъ проѣхалъ до Томска, а

оттуда на пароходѣ къ намъ. Мы, конечно, постарались отогрѣть ослабѣвшаго плотію новаго мученика.

Скоро стало чрезъ письма извѣстно, что въ Колпашевѣ поселили ь братья Ѳ. П. Болихинъ, . Д. Вѣтровъ, Вержаковской и Ѳ. Ѳ. Шенеманъ. Братья Г. П. Костюковъ, А. Ѳ. Мудряковъ, Макѣевъ, Маслей, Кузнецовъ и Лысенко,—всѣ изъ Ялты и Алупки,—сообщили о томъ, что живутъ въ сорока верстахъ отъ насъ, а въ сторону отъ нихъ въ дер. Курью причалилъ бр. Витушка изъ Вознесенска. Это тоже все были Эбѣловскія жертвы. Знали мы, что въ Елисаветградѣ нѣсколько братьевъ посажены въ темницу; знали, что по всей Херсонской и Таврической губерніи всѣ собранія вѣрующихъ закрыты и сектанты поразогнаны. Видите-ли, на фронтѣ благодаря „усердью" Сухомлинова не хватало патроновъ и ружей, а облеченные властію миссіонеры во всѣхъ несчастіяхъ обвиняли сектантовъ, вина которыхъ заключалась лишь въ томъ, что они, несмотря на всевозможныя гасительныя средства духовныхъ городовыхъ, продолжали размножаться. Поневолѣ закричишь: „Караулъ, грабятъ!" Странно только то, что первый застрѣльщикъ противъ сектантовъ былъ прославившійся своими скандальными похожденіями и обвиненный во многихъ тяжкихъ порокахъ извѣстный „отецъ" Иванъ Восторговъ...

Быстро пробѣжалъ душный іюль, и дочь Албу-

лова собралась въ обратный путь. Но въ ожиданіи парохода ей пришлось просидѣть на берегу Оби въ шалашѣ трое сутокъ, пока изъ тумана не выползъ „Братья“, тащившій за собою баржу съ грузомъ. Опечаленный отецъ смахнулъ съ мокрыхъ усовъ соленую слезинку и смотрѣлъ, въ слѣдъ, пока тотъ же туманъ не поглотилъ его дочь вмѣстѣ съ пароходомъ...

Древній мудрецъ уже давно замѣтилъ, что всему бываетъ свое время; вотъ и теперь, въ знойную пору, когда обливаешься потомъ и не знаешь куда бѣжать отъ жары, наши жилища атаковали отряды язвительныхъ блохъ. Мой бѣдный сынишка плакалъ отъ ихъ укусовъ и никакой „персидскій порошокъ“ не помогалъ. Въ подвалѣ же дѣтвора стонала во снѣ, и когда уже становилось совсѣмъ невмоготу, подхватывалась, снимала рубахи и вытряхивала злодѣевъ.

— Ахъ ты, язви тя!—ворчала бабушка, почесываясь.

Сперва мы неумѣло гонялись за врагами, и вспоминали, что Давидъ, убѣгая отъ Саула, не напрасно назвалъ себя блохой; да, эту тварь поймать очень трудно! Но позже пальцы приспособились и настигали скакуновъ. Это ночью, а днемъ нашу комнату осаждали тысячи мухъ. На столѣ стояла отрава, окна были загорожены сѣткой, гибло ихъ

масса, но ряды погибшихъ быстро заполнялись новыми храбрецами, и сраженіе продолжалось. Такъ и воевали мы все время съ маскитами, клопами, блохами, мухами и тараканами, которымъ итже нужно отдать должную честь за назойливость о обиліе; ни кипятокъ, ни бура, ни борная кислота, ничто не могло выгнать ихъ изъ предѣловъ нашихъ... Крестьяне же свыклись со всей этой тварью и почти не замѣчали ее. Впрочемъ, царство ихъ не вѣчно; настало должное время, наступила осень и всѣ звѣрьки сами попрятались куда-то...

Всѣ эти звѣрьки и насѣкомыя считаются безполезными и даже вредными, но они предназначены для пользы. Они пріучаютъ человѣчество къ чистоплотности и порядку; такъ клопы и блохи свидѣтельствуютъ о нечистотѣ постели и постельнаго бѣлья, вши—о нечистотѣ тѣла и скопленія въ тѣснотѣ грязеносцевъ, тараканы—о нерадѣніи хозяйки на кухнѣ, и если какой юноша вздумаетъ жениться на хорошей хозяйкѣ, то пусть заглянетъ на кухню, много ли тамъ таракановъ? Мыши и крысы пріучаютъ не разбрасывать куски хлѣба и почаще заглядывать въ зернохранилища и т. д. Все создано для пользы человѣка, но не для того, чтобы онъ самъ превращался въ скота или даже опускался ниже животнаго, а для того чтобы человѣкъ, взирая на ограниченныхъ тварей, совершенствовался бы духомъ, душою и тѣломъ, являя собой вѣнецъ сознанія Божія...

XV.

Зима глядитъ въ глаза.

Вотъ ужъ и лѣто незамѣтно проскочило; грядущая осень на всю зелень наложила золотистый оттѣнокъ. На землю сыпались пожелтѣвшіе, сморщившіеся листья: лѣсъ умиралъ, напоминая о грядущемъ увяданіи каждаго молодца, какъ бы онъ ни былъ юнъ... Жизнь-это постоянный, установленный обмѣнъ веществъ, обрывающійся въ опредѣленный мигъ, чтобы явиться въ новомъ тѣлѣ вѣчности. „Все течетъ, ничто не остается“,— говоритъ уже древній мудрецъ—Героклитъ Но и прошлое не исчезаетъ: оно остается съ человѣкомъ, если даже и мѣняется постоянно, какъ не исчезаетъ звукъ въ мелодіи, хотя и отзвучавшій давно, онъ въ сущности слышится въ основѣ всѣхъ звуковъ пѣсни, пока не замолкнетъ и сама пѣсня. Прошлое, это—то теченіе, которое приходитъ къ совершенію,—своего рода осени,— за которымъ слѣдуетъ награда: преображеніе въ тѣло вѣчности. И погружаясь въ источникъ всякой благодати—Іисуса Христа, всякій вѣрующій духомъ отрѣшается отъ времени и стремится къ достиженію намѣченной цѣли въ союзѣ съ Вѣчнымъ Отцомъ. Осень жизни для возрожденнаго человѣка не таитъ въ себѣ отравы неудовлетворенности и, покрываясь желтизной и дряхлостью с вѣ, онъ богаѣетъ внутренно, переходитъ въ „мужа

олнаго возр ста". Время для такого труженика а Божьей Нивѣ сть частика вѣчности, предоставленная ему для принесенія плода. Онъ сознаетъ это въ себѣ, но часто не сможетъ обьяснить го другимъ, лѣто жизни которыхъ пролетѣло въ езпечности и въ глаза которыхъ глянулъ мертящій обликъ зимы смерти. „Пока меня не спрашиваютъ, что такое время,—я знаю это прекрасно —говоритъ Блаженный Августинъ,—когда же мнѣ адаютъ этотъ вопросъ, я не нахожу словъ для твѣта"...

Мы съ корзинами бродили по лѣсу и собирали рибы; въ одномъ мѣстѣ отыскали красную и черную смородину, большими гроздьями гнувшую онкій стебель и созрѣвшую до того, что отъ одого прикосновенія ягоды сыпались на землю. Хоошо въ кустарникѣ, когда на тебя со всѣхъ стоонъ смотрятъ сочныя ягоды и точно просятъ: Возьми и насъ!" И руки не успѣваютъ справиться о всѣми, натыкаясь на незамѣтныя колючки шиовника, недовольнаго, что на его плоды не бращаютъ вниманія. Въ первый разъ мы такъ аѣлись смородины, что ротъ свело оскоминой; ничего нельзя было положить на зубы. И когда горченные братья рѣшили спрятать хлѣбъ и на олодный желудокъ шествовать домой, я помогъ хъ горю: еще съ дѣтскихъ временъ бродяжничества по лѣсамъ я зналъ средство отъ оскомины теперь торжественно досталъ соль и велѣлъ

всѣмъ натереть ею зубы. Оскомины какъ ни бывало
Изъ смородины вышло хорошее варенье, вкусны
кисель да еще нѣсколько фунтовъ было засушено
Солнце показывалось рѣдко, поэтому и гриб в
было мало, пришлось довольствоваться спенкам
на тонкихъ ножкахъ. Крестьяне грибовъ не соби
раютъ, зато для лѣсной дичи они понастроил
всякихъ ловушекъ великое множество. Эти „сло
пцы" сооружались довольно просто: нѣскольк
тяжелыхъ бревенъ клалось на перекладину, длин
ный конецъ которой закрѣплялся у расчищеннаг
прохода на рубецъ. Этотъ проходъ переплеталс
волосомъ привязаннымъ къ крючку.

Лѣнивый глухарь или рябчикъ, а то и бѣлка
проходя въ проходъ среди наваленныхъ сучьевъ
толкалъ волосъ, который дергалъ собачку и вс
тяжесть обрушивалась на беззаботную птицу
часто раздавливала ее. Непріятно было смотрѣт
на окровавленныхъ съ выпавшими внутренностям
полпудовыхъ глухарей, изящныхъ рябчиковъ, длин
ноухихъ зайцевъ и другихъ тварей. Мы осторо
жно обходили эти участки смерти... Хороши был
рѣзвыя рыжія бѣлки и полосатые „бурундуки"
убѣгавшіе отъ насъ на верхушки сосенъ и оттуд
наблюдавшіе за движеніями двуногихъ враговъ
Облавы на бѣлокъ почти всегда оставались безу
спѣшными. Однажды пришлось наблюдать, как
крестьянскіе парни гонялись за бѣлкой до изне
моженія; одному удалось схватить ее за хвостъ

но, спасая свою жизнь, звѣрекъ рванулся и безъ хвоста удралъ... На озерахъ всегда плавали семьи дикихъ утокъ и часто выпархивали изъ-подъ ногъ. Ссыльнымъ охотиться не разрѣшалось и чтобы добыть дичь на обѣдъ, любители спорта проносили ружье подъ полою и долго тревожили утиный покой... За штуку рябчика платили охотнику по пятнадцати копѣекъ, тогда какъ это „блюдо" въ Одессѣ стоило когда-то рубль серебромъ, что считалось роскошью...

Уже дни стали куда-то спѣшить, а сумерки задерживаться и увеличиваться; уже въ воздухѣ почувствовалась свѣжесть, и вода стала холоднѣе, такъ-что купаться уже не находилось охотниковъ; уже ночью нельзя было разсмотрѣть свѣтящуюся полосу неглубоко осѣвшаго солнца, которое, неуспѣвъ зайти, уже выползало снова; уже наша хозяюшка вставила вторыя рамы, готовясь къ зимѣ, а мы все еще не знали:

— Поѣдемъ въ Уфимскую губернію или нѣтъ?

Неопредѣленность положенія раздражала и на головы медлительнаго и тяжелаго на подъемъ начальства сыпалось много упрековъ, но дѣло отъ этого не улучшалось. Доходившія до насъ съ большимъ опозданіемъ вѣсти съ фронта и тыла, тревожили нашъ духъ. Газеты трубили о паденіи Перемышля, о походѣ въ Карпатахъ и—вдругъ быстрое отступленіе за Варшаву и дальше. Слухи принимали чудовищные размѣры, и всѣ ждали

чего-то особеннаго, нѣкоторые мечтали о скоромъ возвращеніи домой.

— Вдругъ придетъ телеграмма: граждане, вы свободны!—мечтали мечтатели.

Газеты были полны „прогрессивнымъ блокомъ“, только что образовавшемся въ Гос. Думѣ, программа котораго вызывала и удивленіе и изумленіе, въ исполненіе которой и вѣрилось и хотѣлось вѣрить и все же было такъ трудно—трудно:

Постановленіе этого блока гласило:

„1) Въ путяхъ монаршаго милосердія прекращеніе дѣлъ, возбужденныхъ по обвиненію въ чисто политическихъ и *религіозныхъ преступленіяхъ*, не отягченныхъ преступленіями общеуголовнаго характера...

2) *Возвращеніе высланныхъ* въ административномъ порядкѣ за дѣла политическаго и *религіознаго* характера.

3) Полное и рѣшительное прекращеніе за вѣру подъ какими бы то ни было предлогами и отмѣна циркуляровъ, послѣдовавшихъ въ ограниченіе и извращеніе смысла указа 17 апрѣля 1905 года“.

Туманные, дымные, холодные дни Сибирской осени не могли загасить въ груди вспыхнувшаго пламени надеждъ и ожиданій. Вѣрилось уже не въ переводѣ въ неизвѣстную Уфимскую губернію, а—въ полное освобожденіе...

Но зима пошлости и гнусной клеветы снова глянула въ наши глаза съ высоты думской трибуны и дохнуло холодомъ изъ устъ какого-то „отца“ Станиславскаго, который требовалъ всяческихъ карь на головы сектантовъ, за то, что они „производятъ сборы для кайзера“, сирѣчь, они— государственные измѣнники. Видно, этотъ удавъ клеветы проползъ по всей странѣ, пользуясь услужливыми языками и журналами, если отъ жандармскаго полковника въ Нарымъ, составившаго протоколъ „за сборы для Вильгельма II“, онъ добрался и до „избранника народа“ отъ Станиславскаго! Крѣпкій и густой духъ пошелъ и отъ рѣчи новаго министра внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатова, тоже напавшаго на сектантовъ.

Но не все еще закоченѣло въ человѣчествѣ, и съ чувствомъ благодарности прочитали мы рѣчь депутата П. Н. Милюкова, воздавшаго обоимъ „обличителямъ“ по заслугамъ.

За все время жизни по вѣрѣ мы такъ привыкли слышать отовсюду одни только обвиненія, что такое авторитетное слово защиты даже удивляло своей новизной. Вскорѣ мы послали отзывчевому депутату благодарность и сообщили вкратцѣ о пережитыхъ нами мытарствахъ...

Бывшимъ съ нами черкесамъ вдругъ пришло освобожденіе. Въ Карсѣ стараго начальника уволили, а новый, разслѣдовавъ дѣло, постановилъ возвратить невинныхъ людей. Уѣзжая обрадован-

ные мусульмане очень просили насъ заѣзжать къ нимъ въ гости.

— Самаго лучшаго барана зарѣжу!—обѣщалъ Али-Бабащъ.

Это событіе еще больше взбудоражило насъ. Большинство высланныхъ считало себя „жертвами военнаго положенія“ и ждало правды для себя.

Надъ селомъ пролетѣли утки; по утрамъ выпадалъ бѣлый иней; зима глядѣла намъ въ глаза, а мы все ждали и ждали, спрашивая другъ-друга:

— Поѣдемъ или не поѣдемъ?!.

XVI.

Прощай, Сибирь!.

И было: къ намъ, въ село пріѣхалъ приставъ, встревоженный неладами высланныхъ съ старшимъ надзирателемъ.Группа политическихъ отъ лица всей колоніи послала министру внутреннихъ дѣлъ телеграфную жалобу на стѣсненіе, грубое обращеніе и всяческій произволъ. Слухъ объ этой жалобѣ дошелъ до пристава, который и явился разслѣдовать дѣло. Далеко за полночь онъ выслушивалъ обиженныхъ, записывалъ ихъ имена, а потомъ объявилъ, что такіе то и такіе то завтра же „переводворяются на жительство“ въ село Молчаново, на двѣсти верстъ ближе къ Томску. По спискамъ было видно, что удаляются всѣ неугодные надзирателю „буяны“.

На слѣдующій день на берегу собрались переселенцы съ пожитками и долго усаживались на нѣсколькихъ большихъ „завозняхъ". Въ сторонѣ торчалъ стражникъ съ винтовкой и самъ старшій „наводилъ порядокъ". Откуда—то появилась гармоника и бубенъ, и надъ тайгой понеслась пѣсня о Стенькѣ Разинѣ, размышлявшемъ на приволжскомъ утесѣ—великанѣ. Четко неслись слова:

Но за то, если есть
На Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ,
Бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ,
И во имя ея подвизался,
Тотъ пусть смѣло идетъ,
На утесъ онъ взойдетъ,
Чуткимъ ухомъ къ нему онъ приляжетъ,
И утесъ—великанъ,
Все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ...

И смотря на юныя загорѣлыя лица идейныхъ „борцовъ за свободу", какъ они ее понимали, мнѣ казалось, что по рѣкѣ плыветъ удалая ватага волжскихъ молодцовъ временъ Разина; вотъ только „атаманъ" этой флотиліи, тщедушный надзиратель, плывшій на „облоскѣ" отдѣльно, никакъ не походилъ на легендарнаго борца.

— Прощайте, товарищи! Прощай, Сибирь!—кричали намъ отъѣзжавшие, размахивая шапками. Мѣстная дѣвушка стояла тутъ-же и горько плакала, провожая „друга сердца", ловкаго пана изъ—подъ Варшавы, съ которымъ такъ вдругъ разсталась. Бабы укоризненно качали головами и указывали въ ея сторону пальцами. Но затуманенныя слезой очи ничего не замѣчали...

Не успѣли еще лодки скрыться за косой, какъ на берегу уже совершилось новое безобразіе: одинъ еврей, просьба котораго о поѣздкѣ была отвергнута, сѣлъ въ „облосокъ" догонять уплывшихъ. Стражники и крестьяне на него закричали и бросились въ погоню. Тогда еврей повернулъ къ берегу, вылѣзъ на землю, но не успѣлъ сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ стражникъ забѣжалъ сзади и ударилъ его прикладомъ по головѣ. Еврей упалъ безъ чувствъ; его подняли и привели окровавленнаго. Безсмысленная жестокость всѣхъ взволновала. Стражника окружили и, видя опасность, онъ поблѣднѣлъ и ощетинился винтовкой со штыкомъ. Но на его счастье, все кончилось только общимъ крикомъ и товарищи избитаго „лишенцы", на этотъ разъ гдѣ-то отсутствовали. Составили списокъ свидѣтелей, и окровавленнаго еврея съ тѣмъ же стражникомъ и двумя крестьянами отправили въ Нарымъ ко врачу. У пристава стражникъ-драчунъ вралъ, что якобы еврей схватилъ его за горло и, защищаясь, онъ ударилъ его по

затылку... Еврей получилъ разрѣшеніе ѣхать съ остальными, и стр... ни а мы больше не видали.

Прошла недѣля, и въ Алатаево прибылъ чиновникъ особыхъ порученій для разслѣдованія поданной министру жалобы. Но теперь наша колонія приняла другое лицо: протестующіе открыто уѣхали, а оставшіеся заявляли: „Моя хата с краю, ничего не знаю"! И, узнавъ въ чемъ дѣло, первые евреи поспѣшили стушеваться. Все-же чиновнику пришлось выслушать факты обвиненія мѣстной администраціи, подтверждающіе телеграмму. Составивъ протоколъ, чиновникъ уѣхалъ дальше...

Видя такое „вниманіе", что даже чиновника посылаютъ въ такую даль, для разслѣдованія многіе послали министру прошенія объ освобожденіи изъ ссылки. Одинъ еврей, высланный изъ завенской Галиціи вмѣсто другого лица, за котораго его приняли, въ прошеніи старался доказать, что онъ не онъ, а нѣкто другой и, повѣствуя о своихъ мытарствахъ по тюрьмамъ, жаловался, что онъ попалъ въ положеніе того анекдотическаго зайца, о которомъ разсказываютъ, что онъ, услышавъ о приказѣ подковать всѣхъ верблюдовъ, пустился бѣжать изъ Россіи. Перебѣжалъ границу заяцъ, сѣлъ и дрожитъ. Увидалъ его воронъ и спрашиваетъ: „Ты откуда?"—Бѣгу изъ Россіи. —„Чего же ты бѣжишь?"—Развѣ ты не слыхалъ,

что вышелъ приказъ подковать всѣхъ верблюдовъ?—„Но ты же вѣдь не верблюдъ!“

— „Да, не верблюдъ! Подкуютъ, а тогда доказывай, что ты не верблюдъ“!...

Слушая десятками подобныя жалобы, становилось досадно отъ всей той безтолковщины, которая возможна только у насъ. Въ старину люди боялись въ своемъ невѣжествѣ всякой письменности; стоитъ только вынуть карандашъ и сказать: „А какъ твое имя?“, какъ уже ни въ чемъ неповинный человѣкъ испугается и готовъ на уступки, только не записывай. Нынѣ же на эту „письменность“ похожъ арестъ: заберутъ по чьему либо доносу, „подкуютъ, а тамъ пойди, доказывай“... И вздыхаютъ, и плачутъ, и жалуются зашибленные, огорошенные напастью люди и терпятъ ни за что муку мученическую...

Нашей надежды на скорое освобожденіе тоже осталось не много на донышкѣ сердца. Все чаще раздавались голоса:

— Знать, зазимуемъ здѣсь!

Крестьяне покончили съ покосомъ и опять налаживали снасти для новаго промысла, другіе починяли сани; всѣ ждали зимы. И вдругъ шестнадцатаго сентября изъ Нарыма пріѣхали два мужика, посланные съ пакетомъ, несшимъ намъ разрѣшеніе выѣзжать. Увѣдомленные раньше адвентисты, уже были въ Нарымѣ: они то и на-

правили крестьянъ за нами съ запиской: Выѣзжайте немедленно“.

Въ теченіе двухъ часовъ мы успѣли упаковаться и къ шести вечера уже были на берегу, гдѣ кое-какъ помѣстились въ двухъ небольшихъ „завозняхъ“, простились съ братьями и друзьями, и въ сумеркахъ по теченіи Кети понеслись къ новому мѣсту обитанія. Взглянулъ я на Алатаево въ послѣдній разъ и почему-то на душѣ стало грустно и чего-то жаль. Но раздумывать было некогда. Впопыхахъ мы одѣлись легко и скоро продрогли. Сынишка довѣрчиво прижался ко мнѣ и скоро уснулъ; вся забота была, чтобы его не продуло рѣзкимъ вѣтромъ. Лодка наша, перегруженная до краевъ, готовилась зачерпнуть воды, и мы сидѣли не шевелясь; кое-гдѣ просачивалась вода и заливала ноги и вещи. Оторванный отъ работы мужикъ у руля все время ворчалъ, два парня молча гребли. Пришлось ворчуну пообѣщать „на чай“ и онъ утихъ. Стало совсѣмъ темно и тихо; лодка быстро бѣжала впередъ и вдругъ посреди рѣки наскочила на мель. Гребцы долго возились, наваливаясь на весла, пока, наконецъ, сдвинулись съ песка. Проѣхали немного и снова застряли... Часовъ въ десять пристали у Нарыма. Тамъ насъ поджидали братья, уѣхавшіе раньше насъ. Оказалось, что до пристани на Оби нужно еще ѣхать верстъ пять. Возчики заупрямились, начали ругаться и не хотѣли ѣхать. Наконецъ, уломали ихъ

и черезъ часъ уже бѣгали по берегу, стараясь согрѣться. Въ большомъ деревянномъ домѣ, переполненномъ пассажирами, мы кое-какъ размѣстились въ „дворянской“. Сынъ продолжалъ спать на столѣ. За столомъ на диванѣ дремалъ священникъ съ рыжей бородой. Въ сосѣдней комнатѣ какіе то купцы дулись въ карты и спорили...

Успѣвшій побывать у пристава Бѣлоусовъ получилъ заготовленные для насъ бумаги, которыя мы и списали „на добрую память“, при свѣтѣ висѣвшей надъ столомъ лампы —„молніи“. Позже, опоздавшіе на пароходъ адвентисты, Горѣликъ и Жакъ, сообщили, что, потерявъ надежду на переселеніе, они послали министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, въ отвѣтъ на которую и послѣдовало слѣдующее распоряженіе:

„М. В. Д. Томскій губернаторъ по губернскому управленію. 2 отдѣлъ. Сентября 4 дня 1915 г. № 8071 на № 2898/4274 отъ 26 Августа 1915 г. Секретно. Срочно. (Штемпель: Исполн. 6 Сентября 1915 г. вход. 4479).

Томскому Уѣздному Исправнику.

Директоръ Департамента Полиціи телеграммой отъ 2 текущаго Сентября за № 360 увѣдомилъ меня, что административно—ссыльнымъ Нарымскаго края Іоанну Фридриховичу Любеку, Федору Ивановичу Бѣлоусову, Корнилію Филиповичу, Михаилу Албулову, Логвину Назаренко, Михаилу

Тимошенко, Харлампію Кравченко, Ильѣ Горѣлику и Ивану Жаку, разрѣшено слѣдовать въ Уфимскую губернію съ установленными проходными свидѣтельствами.

Объ этомъ даю знать Вашему Высокоблагор дію для объявленія по принадлежности подъ росписку и соотвѣтствующихъ распоряженій, относительно отпра..ленія вышеупомянутыхъ лицъ въ гор. Уфу; въ вѣдѣніе Уфимскаго губернатора.

О времени выѣзда названныхъ выше лицъ донесите безъ всякаго промедленія. Губернаторъ Дубинскій. Старш. совѣтникъ (подпись). И д. п. дѣлопроизводителя (подпись)".

Были еще двѣ бумажки отъ Нарымскаго пристава исправнику о препровожденіи „названныхъ выше лицъ на распоряженіе за № 1668 отъ 17 сентября, и капитану парохода „П. Столыпинъ" о провозѣ насъ со стражникомъ безплатно до Томска.

Часовъ до пяти утра промаялись въ ожиданіи парохода. Но вотъ послышался ревъ свистка, а вдали заблестѣли два электрическихъ глаза воднаго чудовища, грозно надвигавшагося на дрожавшихъ отъ холода и нетерпѣливыхъ человѣковъ, возбужденно жаждавшихъ скорѣе попасть въ его теплую пасть. Вдругъ изъ пасти чудовища вырвалось ослѣпительное пламя прожектора, заставившаго всѣхъ зажмуриться, и поползло по песчанному берегу, нащупывая мѣсто причала.

— Тихій ходъ!.. Стопъ!—командовалъ охрипшій голосъ, и чудовище послушно остановилось, прекративъ работу своими лапами—колесами.

По длиннымъ, зыбкимъ сходнямъ, мы смѣло ступили на деревянную грудь звѣря и ощутили въ себѣ радостное чувство сопричтенія къ культурѣ Европы. Чудовище оказалось покорнымъ сооруженіемъ пытливой мысли и теперь жадно поглощало своимъ брюхомъ дрова, дыша свойственнымъ только ему испареніемъ и разбрасывая по черному покрову ночи милліоны красныхъ искръ...

Братья расположились на палубѣ въ отдѣленіи III класса на деревянныхъ выкрашенныхъ койкахъ; мнѣ съ семьей пришлось спуститься въ душную каюту II класса за небольшую приплату къ безплатному билету, чтобы избѣжать сквозняковъ.

Когда пароходъ отчалилъ отъ Нарымскаго берега, я взобрался на верхнюю палубу, глянулъ на одинокіе тусклые огни города, на сонъ небесныхъ яркихъ свѣтилъ, глядѣвшихся въ водѣ, на причудливое очертаніе деревъ и кустовъ за рѣкою, и сердце мое сжалось, грудь заволновалась; вонъ по небосводу черкнула упавшая звѣзда, а въ сознаніи мгновенно мелькнуло все пережитое здѣсь за прошедшіе семь мѣсяцовъ. Лапы парохода равномѣрно и настойчиво гребли воду, рѣзкій вѣтеръ усиленно дулъ въ лицо, но я продолжалъ вглядываться въ темноту и думалъ о

той долгой—долгой духовной ночи, человѣческой спячки, въ которой почіетъ эта необъятная, богатая и ничего неимѣющая земля. Когда же для тебя взойдетъ Утренняя Звѣзда? Когда же лучи духовнаго возрожденія постучатъ въ твои окна и скажутъ тебѣ: „Пора! Встань спящій и да воскреситъ тебя Христосъ!..“

И, взглянувъ въ послѣдній разъ на пристанскій огонекъ, я прошепталъ:

— Прощай, Нарымскій край! Путь къ тебѣ былъ далекъ и дикъ, но принялъ ты насъ хорошо; въ нѣдрахъ твоихъ намъ не было плохо, ибо Отецъ нашъ былъ съ нами! Придется ли еще разъ въ неволѣ попасть къ тебѣ—Богъ знаетъ! Но, да будетъ Свѣтъ! Среди умныхъ и чуткихъ твоихъ поселянъ пусть размножатся Церкви Христовы, посѣтить которыя я буду радъ... Но я не отказываюсь и отъ новыхъ испытаній... за все пережитое, прочувствованное, выстраданное, воспитывающее да будетъ прославлено Твое Святое имя, Боже мой!..

XVII.

Обратный путь.

На землѣ существуетъ одно состояніе, именуемое „возвращеніемъ“, которое можетъ быть употреблено и на доброе и на злое, смотря по тому, кѣмъ и какъ оно примѣняется. Какъ хорошо, на-

примѣръ. возвращеніе блудного сына въ отчій домъ, возвращеніе плѣнниковъ на свободу, разслабленныхъ къ здоровью, ослѣпшихъ къ зрѣнію, грѣшниковъ къ Богу. И теперь именно время возвращенія души въ общеніе съ Господомъ, время покаянія и обращенія отъ мертвыхъ дѣлъ къ упованію живому, отъ тьмы къ свѣту, отъ смерти въ жизнь. Великія и страшныя міровыя событія и личныя переживанія отдѣльныхъ душъ, — все говоритъ о неустойчивости и пустоцвѣтѣ временнаго, земного, и влечетъ къ возвращенію на путь вѣчный, на путь Божій... Хорошо всегда возвращеніе отъ грязнаго къ чистому, отъ мрачнаго къ свѣтлому, отъ рабства къ свободѣ! Но плохо, когда сыны свѣта возвращаются во тьму невѣрія и порока, когда дарованную свободу обращаютъ въ рабство, когда гасятъ зажженные свѣтильники!.. Плохо, когда блудные грѣшники свое возвращеніе откладываютъ на неопредѣленное будущее, отвергаютъ единственное благопріятное условіе возвращенія—„нынѣ день спасенія!" Лукавомудрствующіе пастыри придумали еще одно успокаивающее, снотворное средство: переходъ изъ погибели въ спасеніе послѣ смерти, за гробомъ. Но этотъ обманъ ни на чемъ не основанъ и возвращеніе возможно только здѣсь, нынѣ...

Пріятно было и наше возвращеніе на двѣ тысячи верстъ ближе къ сердцу Россіи, хотя особенно пріятнаго въ будущемъ и не приходилось

ожидать: казенныя кокарды вѣдь вездѣ одинаковыя, всѣ изъ мѣди. Но новая страница жизни манила своей таинственностію, о чемъ, быть можетъ, если Богъ дастъ возможность, будетъ рѣчь особо...

Теперь же остается, досказать немного, чтобы закончить „лѣтопись“ мою, вызванную шкваломъ порохового бурана.

Не торопясь и не отставая, нашъ пловучій домъ настойчиво подвигался противъ теченія, останавливаясь только за тѣмъ, чтобы принять новый запасъ топлива и новыхъ пассажировъ. Часто попадались довольно живописные виды зеленаго берега, величаваго въ своемъ запустѣніи и заброшенности. Черезъ сутки, рано утромъ, пароходъ прибылъ въ Колпашево, расположенное высоко надъ водою. Среди толпы мы разсмотрѣли брата Вержаковскаго, который побѣжалъ за остальными и вскорѣ прибыли братья: Балихинъ, Вѣтровъ и Шенеманъ. Но бесѣдовали не долго, пароходъ почему-то поспѣшилъ отъѣхать и на прощаніе, мы пожелали оставшимся узникамъ вскорѣ послѣдовать за нами на полную свободу. Интересно отмѣтить, что, первые прибывъ въ Нарымскій край, мы первые и покидали его.

Еще черезъ сутки въ селѣ Молчановѣ наше прибытіе привѣтствовали братья Н. И. Гринфельдъ, Гебель и Х. И. Кравченко, предупрежденный телеграммой Ѳ. П. Балихина. Отчаливъ отъ берега, мы

собрались на капитанскомъ мостикѣ и, размахивая платками, дружно пѣли на прощаніе: „Богъ съ тобой, доколѣ свидимся!“ Оставшіеся братья и знакомые шли берегомъ и отвѣчали своими шапками. И долго по рѣкѣ неслись звуки пѣнія...

— Вы вѣдь баптисты?—спросилъ подошедшій помощникъ капитана и на утвердительный отвѣтъ продолжалъ: — Я сразу узналъ, кто вы. А капитанъ еще споритъ со мною, что вы политическіе. Но какіе же политическіе будутъ вспоминать о Богѣ? Не правда-ли?

— Но какъ вы узнали, кто мы?

— Да я давно знакомъ съ баптистами и даже при мнѣ одинъ машинистъ на пароходѣ перешелъ въ ихъ вѣру. Я тогда еще подивился перемѣнѣ, какая произошла въ немъ. Долженъ сказать, что онъ былъ горчайшій пьяница, и буянъ, и развратникъ. Но потомъ сталъ читать Евангеліе, пѣть такія же пѣсни, какъ вы пѣли, и сразу сдѣлался неузнаваемымъ человѣкомъ.

Дальше пошла рѣчь объ его личномъ отношеніи ко Христу, и бесѣда съ перерывами тянулась долго...

Изъ своихъ мытарствъ на обратномъ пути въ Одессу, Кравченко повѣдалъ намъ, что цѣлый мѣсяцъ валялся по тюрьмамъ. Первый день Пасхи провелъ въ Балашевской тюрьмѣ; въ Одесской одиночкѣ просидѣлъ больше мѣсяца; на судѣ экспертомъ обвиненія выступалъ миссіонеръ Каль-

невъ въ своими подчиненными. Защищался Кравченко энергично и даже произнесъ стихотвореніе направленное противъ обвинителя, сейчасъ же попросившаго разрѣшить ему уйти. Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ и оправданнаго повели въ тюрьму, откуда на слѣдующій день по этапу отправили обратно въ ссылку. Судъ оправдываетъ, а генералъ все-же высылаетъ, какъ виновнаго!.. Шелъ по тюрьмамъ Кравченко вмѣстѣ съ бр. В. Блуштейномъ. тоже высылаемымъ въ Иркутскую губернію. Пробылъ въ сорока верстахъ отъ Алатаева Кравченко около мѣсяца и теперь присоединился къ намъ.

Недалеко отъ Томска на Тюменьскомъ пароходѣ адвентисты обогнали насъ, а наша черепаха во мглѣ напоролась на мель и застряла на цѣлую ночь, чему мы были отчасти рады: ночь проспали на пароходѣ. На утро прибылъ вспомогательный пароходъ, зацѣпилъ нашъ канатомъ и стащилъ въ глубь.

По грязнымъ улицамъ Томска мы шли, всматриваясь въ шумную толпу и вдыхая въ себя весь ароматъ суетливаго человѣческаго муравейника, отъ котораго успѣли отвыкнуть за эти полгода. Въ уѣздномъ правленіи ждать пришлось недолго. Всевластный старикъ-сторожъ, узнавъ о нашемъ помилованіи, благосклонно заявилъ:

— Вы скоро получите свидѣтельства.

И нервное лицо старика на мгновеніе искриви-

лось въ улыбку, а затѣмъ онъ снова продолжалъ рычать на многочисленное стадо стражниковъ, отдавая приказанія.

Закупивъ провизіи, мы уложили нашъ багажъ на платформу и въ крытыхъ фаэтонахъ покатили уже въ сумеркахъ на вокзалъ. Въ полночь въ третьемъ классѣ плацкартнаго поѣзда двинулись на Уфу. Среди пассажировъ былъ Новониколаевскій полковой священникъ, съ которымъ и произошелъ цѣлый богословскій диспутъ по всѣмъ отраслямъ вѣры, преданія и знанія. Въ Челябинскѣ послѣдовала пересадка. Мы ходили по станціи, разсматривали тѣ мѣста, гдѣ когда-то съ котомкою на плечахъ шествовали къ арестантскимъ вагонамъ, вспоминали проведенныя на окраинѣ этого города двѣ угарныхъ недѣли и все былое казалось только тяжелымъ сномъ, послѣ котораго просыпающійся всегда говоритъ: „Фу, какой непріятный сонъ!..“

Въ новый поѣздъ, переполненный солдатами, едва—едва удалось протискаться и до самой Уфы „доблестные“ воины щедро пересыпали свою рѣчь отборной русской бранью. Никакія замѣчанія не помогали. А еще слышалось наставленіе:

— Коли баринъ, такъ иди во второй классъ!

Въ Уфу пріѣхали къ вечеру. Большія хлопья мокраго снѣга падали на платформу. Съ большимъ трудомъ вытащили изъ вагона вещи, взяли дрожки и поѣхали въ городъ по крутому подъему. На

[Ус]пенской улицѣ остановились въ номерахъ. Въ [ка]нцеляріи полицеймейстера измѣряли нашъ ростъ, [за]писали примѣты и выдали новыя проходныя [сви]дѣтельства, въ которыхъ значилось, что Албу[с]овъ и Жакъ назначаются въ гор. Бирскъ, Любекъ въ Мензелинскъ, а остальные въ гор. Белебей. [И] мы, было, уже хотѣли искать себѣ квартирки, рас[счи]тывая остаться въ городѣ и вдругъ—новое путе[ш]ествіе въ какой-то Белебей! И что за названіе— [Бе]-ле-бей! Первый разъ слышимъ такое слово! Су[д]или, рядили и порѣшили составить прошеніе [г]убернатору, ходатайствуя или оставить насъ въ [У]фѣ, или назначить куда-либо всѣхъ вмѣстѣ. Но [п]оявившійся чиновникъ молвилъ:

— Предлагается вамъ немедленно выѣхать по [м]ѣсту назначенія!

И снова путь—дороженька въ Белебей.

Неожиданно для себя, попали въ чистенькую [го]стинницу, гдѣ и прожили недѣлю въ ожиданіи [о]твѣта изъ полиціи.

— Конечно, мы останемся въ этомъ городишкѣ! [—]увѣряли нѣкоторые и пошли отыскивать квар[ти]ру, чтобы не переплачивать за номера.

Нашли подходящее жилище, дали задатокъ и [у]же собрались перевозить вещи, какъ въ канце[ля]ріи исправника получилось новое распоряженіе [от]ъ губернатора: размѣстить всѣхъ по отдѣльнымъ [та]тарскимъ деревушкамъ: Бѣлоусова въ Киргизъ [Ми]яки. Филиповича въ Зильдярево, Назаренко въ

Нагайбокъ, Кравченко въ Имянекулево, Горѣлик
въ Тюменякъ и меня въ Бешинды. Вотъ такъ улу
чшеніе и пр. и пр. Съ Сибирскаго ига да прям
въ татарское! И это дѣлалось вѣдь съ мудрой го
сударственной цѣлью: изолировать насъ отъ рус
скаго населенія, чтобы не совращали никого!..

Повздыхали, помолились и пошли отыскиват
попутныя подводы. Зашли въ земскую управу, гд
насъ приняли за „бѣженцевъ" и по картѣ разсмо
трѣли направленіе новыхъ обителей. Мѣстные жи
тели поразсказали, что въ двадцати верстахъ, в
селѣ Шаровкѣ много „такихъ, какъ вы". Част
упоминалось и имя Е. И. Коншиной, котора
„имѣетъ свою кумысолечебницу и раздаетъ деньги
чтобы всѣ переходили въ ее вѣру". Хотѣлось б
познакомиться съ этими „совратителями", но как
это сдѣлать—не знали.

Въ воскресенье всѣ братья разъѣхались, остал
только Кравченко и я съ семьей. И въ понедѣль
никъ къ намъ въ гостинницу явилась сестр
Е. И. Коншина въ сопровожденіи пріѣзжаго брат
Егорова. Вечеромъ того же дня мы уѣхали н
хуторъ сестры и пробыли въ семейномъ уютѣ дв
радостныхъ дня. Почти годъ мы не имѣли живо
го общенія съ вѣрующими, и теперь душа от
грѣвалось въ союзѣ любви...

Авенезеръ! До сихъ поръ намъ помогъ Господ
И, отправляясь въ новый путь, мы довѣрчиво вл

жили наши души въ руки Отца Любви и спокойно смотрѣли въ глаза будущности... Въ памяти плыло одно изреченіе: „Въ тѣ дни произошло великое гоненіе на церковь въ Іерусалимѣ, и всѣ, кромѣ Апостоловъ, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Между тѣмъ разсѣявшіеся ходили и благовѣствовали Слово". Какъ это хорошо! У насъ вѣдь тоже существуетъ пословица: „Деньги потерялъ— ничего не потерялъ, друзей потерялъ—много потерялъ, бодрость потерялъ—все потерялъ!" Съ бодрымъ же сердцемъ и въ дни великаго гоненія можно въ разсѣяніи благовѣствовать Слово о спасеніи души. И нѣтъ ему препонъ на землѣ!.. И рядомъ вспоминалось другое утѣшеніе: „Ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему. Ему слава во-вѣки!"

Поэтому, смѣло, впередъ!.. Сверхъ силъ нѣтъ испытанія, и невозможное человѣкамъ, возможно Богу въ Его избранныхъ. На пути же крестнаго слѣдованія Вѣчнымъ Хозяиномъ разставлены „вѣхи" утѣшенія и ободренія... Идя въ Римъ, послѣ утомителнаго опаснаго плаванія, ап. Павелъ былъ встрѣченъ на Анніевой площади братьями; „увидѣвъ ихъ, Павелъ возблагодарилъ Бога и ободрился"...

Чувствомъ благодарности Отцу было повито и наше ободренное сердце...

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1918 г. на двухнедѣльный журналъ

„Слово Истины“

посвященный обновленію жизни на Евангельскихъ началахъ

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Программа журнала:

1. Вопросы вѣры въ связи съ духовной жизнію.
2. Повѣсти, разсказы и стихотворенія.
3. Толкованіе и изъясненіе книгъ и текстовъ Св. Писанія. Объясненіе трудныхъ мѣстъ Библіи.
4. Матеріалы для исторіи баптистовъ и др. исповѣданій.
5. Человѣческіе документы: воспоминанія о гоненіяхъ за вѣру, автобіографіи и пр.
6. Современная общественная и политическая жизнь въ духовномъ освѣщеніи.
7. Біографіи замѣчательныхъ мужей вѣры и другихъ выдающихся дѣятелей на путяхъ истины.
8. Вопросы брака и цѣломудрія.
9. Гигіена физической жизни.
10. Борьба съ пьянствомъ.
11. По Россіи: сообщенія изъ жизни вѣрующихъ, обзоръ выдающихся событій; новости изъ области религіи, открытій, изобрѣтеній и прогресса человѣчества.
12. Духовная жизнь заграницей.
13. Обзоръ современной печати.
14. Отзывы о новыхъ книгахъ.
15. Иллюстраціи.
16. Почтовый ящикъ. Отвѣты на запросы читателей. Отчеты о пожертвованіяхъ. Указанія редакціи и т. д.
17. Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Александровъ, Арвидъ, С. В. Бѣлоусовъ, А. М. Букрѣевъ, Ф. И, Бѣлоусовъ, А. Ѳ. Владиміровъ, А. Водлингеръ, А. Волгинъ, И. П. Васильевъ, Г. Ѳ. Гавриленко, Владиміръ Г-нъ, П. Дацко, В. В. Ивановъ, Ник. Ивановъ, И. В. Каргель, И. Я. Москаленко, П. Николаевъ, Н. В. Одинцовъ, Е. М. Офрова, В. Г. Павловъ, З. Я. Павленко, В. В. Скалдинъ, н. И. Скороходовъ, М. Д. Тимошенко, Р. Д. Хомякъ и др

Въ виду дороговизны бумаги и рабочихъ рукъ подписная плата повышена и принимается только на полгода.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ 1 января по 1 іюля 6 р. **Цѣна отдѣльнаго номера 45 к.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р. и къ 1-му Апрѣля 3 р.

Выписывающіе по одному адресу 10 экз. и болѣе польз. уступкой

Пробный номеръ БЕЗПЛАТНО. Перемѣна адреса 40 к.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦІИ:

Москва, Покровка, Дегтярный пер., 8, кв. 143. Телеф. 4-44-72

Издатель П. В. Павловъ. Отвѣтствен. редакторъ М. Д. Тимошенко,

Редакторъ: В. Г. Павловъ.

